

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Министерство сельского хозяйства Российской Федерации
Уральский государственный аграрный университет
Уральский федеральный университет
имени первого президента России Б. Н. Ельцина

НЕКРАСОВ С. Н.

СОЦИАЛИЗМ
И РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ
МОНОГРАФИЯ

Екатеринбург
Издательство Уральского ГАУ
2024

УДК 101.1:316(075.8)
ББК 87.6
Н48

*Утверждено и рекомендовано к печати
Научно-техническим советом ФГБОУ ВО Уральский ГАУ
(протокол № 08/23 от 21 сентября 2023 года)*

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

А. П. Ветошкин, доктор философских наук, профессор,
Российский университет транспорта (МИИТ), Москва
А. В. Ручкин, кандидат социологических наук, доцент,
заведующий кафедрой философии,
Уральский государственный аграрный университет, Екатеринбург

Некрасов, Станислав Николаевич

Н48 Социализм и российская государственность: монография / С. Н. Некрасов. – Екатеринбург: Издательство Уральского ГАУ, 2024. – 232 с.

ISBN 978-5-87203-566-4

В монографии рассмотрены социально-философские вопросы формирования уникальной и первой в мире социалистической модели российской государственности. Автор проанализировал социализм как новое общество в российской истории, изучил глубинную связь традиционной культуры народов и социалистического устройства общества, исследовал связь старой интеллигенции и саботажа новой власти, закономерности формирования новой социалистической интеллигенции. В центре внимания автора – бережное отношение Советской власти к ученым и науке, развитие библиотечного дела для народа, создание нового государственного аппарата в сфере искусства. В начале каждого параграфа трех глав монографии дается краткое резюме социально-философской проблематики социального и социалистического воспитания в практике советской и российской государственности.

Рекомендуется ученым, преподавателям и студентам высших учебных заведений, а также широкому кругу читателей, самостоятельно изучающих новый учебно-образовательный курс «Основы российской государственности».

УДК 101.1:316(075.8)

ББК 87.6

ISBN 978-5-87203-566-4

© Некрасов С. Н., 2024
© Уральский государственный
аграрный университет, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Глава 1. СОЦИАЛИЗМ КАК НОВОЕ ОБЩЕСТВО РОССИИ	17
1.1. Революционный трибунал печати: идеологическая и философская борьба вокруг свободы слова	17
1.2. Снос и возведение памятников: задачи старого и нового социализма ...	24
1.3. Идейная работа и походы агитаторов в народ как задача государства нового социализма	32
1.4. Социалистическое государство и цивилизационные задачи борьбы с чуждыми враждебными влияниями	39
1.5. Задачи социалистического государства в преодолении демагогии о «свободе печати»	48
1.6. План привлечения художественной интеллигенции на службу народу и художественная политика старого социализма: проблема государственного заказа	57
Глава 2. КУЛЬТУРА НАРОДОВ И СОЦИАЛИЗМ	68
2.1. Охрана культуры народов и ленинский план советской монументальной пропаганды	68
2.2. Мобилизация науки как привлечение научных сил к делу государственного строительства	77
2.3. Создание нового государственного аппарата в области искусства как задача социализма	85
2.4. Удержание большевиками государственной власти в борьбе с антисоветскими группировками среди интеллигенции	92
2.5. Библиотечное дело для народа – задача государства нового социализма	100
2.6. Национализация культурных ценностей и организация музейной деятельности в первый период советской власти	109
2.7. Политика бережного отношения к ученым в интересах максимального использования науки для нужд народа	117
2.8. Издание книг для народа – задача государства нового социализма	126
2.9. Национализация архивного дела и разоблачение тайной дипломатии как задача раннего социализма	133

2.10. Мобилизация и концентрация всех научных сил страны: решение задачи привлечения Академии наук к работе государственного строительства	139
2.11. Задачи государства нового социализма и ленинские указания о работе библиотек	150
Глава 3. САБОТАЖ И НОВАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ	157
3.1. Теоретическая реконструкция причин саботажа интеллигенцией мероприятий советской власти и новые задачи социализма	157
3.2. Пресечение попыток буржуазии вывезти из России культурно-исторические памятники	169
3.3. Правила приема в вузы и создание рабфаков: опыт реформы высшей школы и современность	178
3.4. Левые и правые педагоги-теоретики в переходный период к социализму: урок для нового социализма	185
3.5. Ликвидация контрреволюционной прессы и практика диктатуры пролетариата в строительстве социализма	193
3.6. Движение сквозь ад истории к социальной справедливости: израильский псевдосоциализм и российский псевдокапитализм	202
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	214

ВВЕДЕНИЕ

При рождении социалистического общества в горниле истории, то есть в социальной революции нового типа, В. И. Ленин как вождь четвертого сословия беднейших трудящихся задавал вопрос не только о глупостях революционеров, но и о глупостях врагов революции. Это и вызывает сегодня наибольший интерес в свете идущего столкновения российской государственности и коллективного Запада, объединенного НАТО и США.

Сегодня особенно актуально рассмотреть вопрос, каковы глупости врагов социализма. Есть ли они? Их много, и В. И. Лениным приводятся два примера. Договор с Колчаком, заключенный Америкой, Англией, Францией, Японией. «Я спрашиваю вас: имеются ли более просвещенные и могущественные державы в мире? И что же получилось? Они обещали Колчаку помощь, не сделав подсчета, не размышляя, не наблюдая. Это было фиаско, которое, по-моему, трудно даже понять с точки зрения человеческого рассудка».

Или другой пример, еще более близкий и более важный: Версальский мир: «Я спрашиваю вас: что сделали здесь „великие“, „покрытые славой“ державы? Как могут они теперь найти выход из этого хаоса и бессмыслицы? Я думаю, что это не будет преувеличением, если я повторю, что наши глупости еще ничто по сравнению с теми глупостями, которые совершают вкуче капиталистические государства, капиталистический мир и II Интернационал. Поэтому я полагаю, что перспективы мировой революции – тема, которой я должен вкратце коснуться, – благоприятны. И при одном определенном условии, я полагаю, они станут еще лучшими» [1, с. 291–292].

В. И. Ленин приводит два примера, которые блестяще работают на диалектическое и материалистическое понимание истории, на нашу современность. Провал интервенции основан на полном непонимании российской истории и ложном представлении о классах и роли большевиков. Нечто подобное мы видим сегодня в иллюзиях Запада в так называемом российско-украинском конфликте.

Руководство НАТО и США ничего не поняло в СССР, забыло о его существовании, не поняло сущность советского народа и его единого Отечества. Второй пример – Версальский мир, который породил фашистскую Германию с ее реваншистскими захватническими устремлениями. В. И. Ленин еще в 1922 г. увидел всю опасность этого мира, который станет передышкой между мировыми войнами. И вывод о перспективах мировой революции оказывается актуальным в 1922 г. и в 2023 г.

Мировая революция как всемирный закономерный исторический процесс неразрывно связана с судьбой нашей Родины. Вокруг истории России и основ российской государственности идут идеологические столкновения и проходит полемика как внутри страны, так и за ее пределами. В демонстрируемом в екатеринбургском Ельцин-Центре мультфильме «вся история России показана как тысяча лет рабства. И тут появляется правитель, весь в белом, и дарует, наконец, свободу», – сообщает глава Совета по правам человека при президенте России Валерий Фадеев [2]. Вся российская история преподносится как «грязь, мерзость, предательство, рабство, ужас. И свет в окошке только единственный человек», – не первый год подчеркивает Никита Михалков [3]. Еще два года назад на лекции 22 июня в Ельцин-Центре можно было многое узнать: «22 июня в екатеринбургском Ельцин-Центре прошла лекция, посвященная истории Великой Отечественной войны. По словам очевидцев, под присмотром генерального консульства Германии слушателям рассказывали о человечности нацистских солдат в годы военных действий на территории Советского Союза» [4].

Можно много рассказывать о работе Ельцин-Центра, но вспомнить в этом году следует о 30-летию октябрьских событий 1993 г., когда были расстреляны из танков защитники Советской Конституции. Ельцин-Центр постеснялся приводить полный текст речи Ельцина в Конгрессе США в 1992 г., оставив только слова: «Мир может вздохнуть спокойно: коммунистический идол рухнул... И мы не дадим ему воскреснуть... Господи, благослови Америку!» [5] Все это означает, что вопрос об установлении и идентификации основ российской государственности сегодня является архиважным, и потому в 2023 г. в учебных заведениях страны вводится эта обязательная учебная дисциплина.

Как оценивал И. В. Сталин историю дореволюционной России? В отличие от буржуазных демократов новой России демократического выбора И. В. Сталин, равно как и В. И. Ленин, использовал тезис об отсталости дореволюционной России. В. И. Ленин в западном стиле часто называл это азиатчиной и нецивилизованностью. Однако обоснование целесообразности индустриализации И. В. Сталиным выстраивалось в 1928 г. на утверждении, что Россию постоянно побивали внешние противники вследствие ее отсталости.

В Речи 4 февраля 1931 г. на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности «О задачах хозяйственников» говорилось: «Задержать темпы – это значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим! История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все – за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную. Били потому, что это было доходно и сходило безнаказанно. Помните слова дореволюционного поэта: „Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная, матушка Русь“. Эти слова старого поэта хорошо заучили эти господа. Они били и приговаривали: „Ты обильная – стало быть, можно на твой счет поживиться“. Они били и приговаривали: „Ты убогая, бессильная – стало быть, можно бить и грабить тебя безнаказанно“. Таков уже закон эксплуататоров – бить отсталых и слабых. Волчий закон капитализма. Ты отстал, ты слаб – значит, ты неправ, стало быть, тебя можно бить и поработать. Ты могуч – значит, ты прав, стало быть, тебя надо остерегаться. Вот почему нельзя нам больше отставать. Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» [6, с. 38–39].

Но в дальнейшем И. В. Сталин сам выступил против попыток очернения всего российского прошлого. В 1930 г. критике подвергся Демьян Бедный. В письме к Бедному он пишет об истории России в контексте развития в стране революционного движения: «Весь мир признает теперь, что центр революционного движения переместился из Западной Европы в Россию. Революционеры всех стран с надеждой

смотрят на СССР как на очаг освободительной борьбы трудящихся всего мира, признавая в нем единственное свое отечество. Революционные рабочие всех стран единодушно рукоплещут советскому рабочему классу и, прежде всего, русскому рабочему классу, авангарду советских рабочих как признанному своему вождю, проводящему самую революционную и самую активную политику, какую когда-либо мечтали проводить пролетарии других стран. Руководители революционных рабочих всех стран с жадностью изучают поучительнейшую историю рабочего класса России, его прошлое, прошлое России, зная, что кроме России реакционной существовала еще Россия революционная, Россия Радищевых и Чернышевских, Желябовых и Ульяновых, Халтуринных и Алексеевых. Все это вселяет (не может не вселять!) в сердца русских рабочих чувство революционной национальной гордости, способное двигать горами, способное творить чудеса.

А Вы? Вместо того, чтобы осмыслить этот величайший в истории революции процесс и подняться на высоту задач певца передового пролетариата, ушли куда-то в лощину и, запутавшись между скучнейшими цитатами из сочинений Карамзина и не менее скучными изречениями из „Домостроя“, стали возглашать на весь мир, что Россия в прошлом представляла сосуд мерзости и запустения, что нынешняя Россия представляет сплошную „Перерву“, что „лень“ и стремление „сидеть на печке“ является чуть ли не национальной чертой русских вообще, а значит и русских рабочих, которые, проделав Октябрьскую революцию, конечно, не перестали быть русскими. И это называется у Вас большевистской критикой!

Нет, высокочтимый т. Демьян, это не большевистская критика, а клевета на наш народ, развенчание СССР, развенчание пролетариата СССР, развенчание русского пролетариата» [7, с. 33–34].

Вождь при этом сослался на классическую статью В. И. Ленина «О национальной гордости великороссов»: «Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы ее трудящиеся массы (т. е. $\frac{9}{10}$ ее населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больше всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали

отпор из нашей среды, из среды великорусов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика.

Мы помним, как полвека тому назад великорусский демократ Чернышевский, отдавая свою жизнь делу революции, сказал: «жалкая нация, нация рабов, сверху донизу – все рабы». Откровенные и прикровенные рабы-великороссы (рабы по отношению к царской монархии) не любят вспоминать об этих словах. А, по-нашему, это были слова настоящей любви к родине, любви, тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения. Тогда ее не было. Теперь ее мало, но она уже есть. Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация тоже создала революционный класс, тоже доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм, а не только великие погромы, ряды виселиц, застенки, великие голодовки и великое раболепство перед попами, царями, помещиками и капиталистами» [8, с. 107–108].

Получается, что вожди русского коммунизма рассматривали всю историю России через развитие революционного движения как развития идеи освобождения человечества: «Мы полны чувства национальной гордости, и именно поэтому мы особенно ненавидим свое рабское прошлое (когда помещики дворяне вели на войну мужиков, чтобы душить свободу Венгрии, Польши, Персии, Китая) и свое рабское настоящее, когда те же помещики, споспешествуемые капиталистами, ведут нас на войну, чтобы душить Польшу и Украину, чтобы давить демократическое движение в Персии и в Китае, чтобы усилить позорящую наше великорусское национальное достоинство шайку Романовых, Бобринских, Пуришкевичей. Никто не повинен в том, если он родился рабом; но раб, который не только чуждается стремлений к своей свободе, но оправдывает и прикрашивает свое рабство (например, называет удушение Польши, Украины и т. д. „защитой отечества“ великороссов), такой раб есть вызывающий законное чувство негодования, презрения и омерзения холуй и хам» [8, с. 108].

В новой России демократического выбора, начавшей с 1991 г. вхождение в западную цивилизацию, после 2014 г. при отсутствии офи-

циальной государственной идеологии, запрещенной Конституцией РФ, сверху стал насаждаться официальный «Русский мир». Именно так выразился наконец-то через 30 лет после образования партии председатель КПРФ Г. А. Зюганов на майском объединенном пленуме ЦК в 2023 г.: «В этой версии он оказался выхолощен и лишен главного в своей истории – борьбы за социальную справедливость, как будто не было антибоярского восстания Степана Разина, крестьянской войны Емельяна Пугачева, антидеспотического восстания декабристов, гражданского мужества Николая Чернышевского, самоотверженности народовольцев. И, наконец, в нем нет героической борьбы пролетариата России, увенчанной подвигом большевистской революции, спасшей нашу тысячелетнюю государственность вместе с прорывом к новому миру.

Русский мир, поданный на блюде официальной пропаганды, решительно обеднен. В буржуазно-классовой интерпретации его будто обокрали, обкорнали со всех сторон, лишили напряженной духовной работы во имя преображения Родины. Из него будто изъяли нерв борьбы, набата, надрыва, которыми преисполнена история России. И стал вдруг этот Русский мир каким-то странным, половинчатым, обнищавшим, неполным. А значит, и не победным!

В реальном Русском и советском мире имена борцов за социальную справедливость прочно соединились с образами защитников Отечества: Александра Невского, Сергея Радонежского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова, Алексея Брусилова, Семена Буденного, Михаила Фрунзе, Константина Рокоссовского, Георгия Жукова.

Советский мир поднял культурно-историческое явление нашего мира на невероятную высоту и потому победил самое страшное зло – мировой фашизм. Этот великий подвиг спас мировую культуру от уничтожения, а человечество – от рабства нацизма, от планетарного концлагеря» [9]. Итак, без широкого цивилизационного миропонимания и классового подхода, без социализма невозможно понимание не только российской государственности, но даже ее основ.

В процессе переосмысления истории возможны чудовищные ошибки и инсинуации. Приведем яркие примеры. В 1990 г. была создана и исполнена полная справедливой ярости, но теоретически ошибочная песня И. Талькова «Господа демократы». Читаем текст

этой ныне забытой и непонятной для молодых современников песни, построенной в виде агрессивного монолога автора в адрес российских общественных деятелей и революционеров, а также философов, которых вместо революционных демократов он назвал «господа демократы»:

Господа демократы минувшего века,
 Нам бы очень хотелось вас всех воскресить,
 Чтобы вы поглядели на наши успехи,
 Ну, а мы вас сумели отблагодарить.
 Мы бы каждый кто чем выражал благодарность:
 Молотилкой – колхозник, рабочий – ключом,
 Враг народа – киркою, протезом – афганец,
 Ну, а я б кой-кому засветил кирпичом.
 Вот так! Вот так! Живут Америка с Европой.
 Вот так! Вот так! Ну, а у нас все через ж...

Господа демократы минувшего века,
 И чего вы бесились, престолу грозя,
 Ведь природа не дура, и Бог не калека,
 Ну, а вы его в шею – ну так же нельзя!
 Может, вам и хотелось наладить все сразу,
 Только спешка нужна при охоте на блох,
 А природа не может творить по приказу,
 И, совсем уж понятно, не может и Бог.
 Вот так! Вот так! Живут Америка с Европой.
 Вот так! Вот так! Ну, а у нас все через ж...

Господа демократы, вы знали примеры,
 Когда ваши коллеги учинили террор:
 Истребили цвет нации мечом Робеспьера,
 И Париж по сей день отмывает позор.
 Правдолюбец Радищев после той мясорубки
 «Путешествие из Петербурга в Москву»
 Чуть не слоपाल с досады, повредился рассудком
 И, ругая масонов, погрузился в тоску.
 Вот так! Вот так! Живут Америка с Европой.
 Вот так! Вот так! Ну, а у нас все через ж...

ВВЕДЕНИЕ

Господа демократы, поспешите воскреснуть,
Выходите на суд одураченных масс:
Пусть ответят за все Чернышевский, и Герцен,
И мечтатель Белинский, и мудрец Карл Маркс.
Пусть ответят и те, что пришли вслед за вами
Вышибать из народа и радость, и грусть,
И свободных славян обратили рабами,
И в тюрьму превратили Великую Русь!
Вот так! Вот так! Живут Америка с Европой.
Вот так! Вот так! Ну, а у нас все через ж...
Через тернии к звездам! [10]

А вот созданные через год стихи левого активиста инженера-химика Б. Гунько, исполненные митинговым певцом-коммунистом А. Харчиковым «О, „демократ“! О, „демократ“! Какое слово ты изгадил!» В стихах 30-летней давности все точно, и автор описывает будущее – 20-е гг. нового тысячелетия, когда началась Отечественная война с западным фашизмом:

О, «демократ»! О, «демократ»!
Какое слово ты изгадил!
Идет войной на брата брат,
И у народа хлеб украден!

И Христа ради ветеран
У вора милостыню просит!
И пуще самых тяжких ран
Жгут безответные вопросы.

Кому, зачем она нужна,
Свобода блуда и разврата,
И почему растет мошна
Лишь у неправедно богатых?

И почему унижен труд?
И столько в людях стало злобы!
И что ни день, то там, то тут
Испепеляющий Чернобыль!

И, если это – гуманизм
И в этом – цель его и средство,
Скажи мне, что тогда фашизм
И что такое людоедство?!

Где демократия твоя?
В орущих толпах изуверов?
В том, что партийная свинья
Переползла в миллионеры?

В том, что развалена страна,
Что столько раз спасла планету,
И столько вылезло дерьма
На звон иудиной монеты?

Иль в том, что преданный народ,
Лишившись воли и рассудка,
В колодец собственный плюет
Во имя барского желудка?

Ты все со временем поймешь
О, «демократ» самодовольный!
Тебя еще такую болью
Изранит собственная ложь!

И ты сто раз сойдешь с ума,
Хоть не стоял на нем вовеки.
И только нищая сума
В тебе пробудит человека.

И твой апломб сотрется в прах,
Как марафет публичной девки.
И ты услышишь, как в гробах
Вопят оболганные предки.

И ты поймешь в тот страшный час,
Как ты ничтожен без Отчизны,
И закричишь, увидев лик
Обыкновенного фашизма.

И ты захочешь выпить яд,
 Чтоб не страдать в зверином стаде...
 О, «демократ»! О, «демократ»!
 Какое слово ты изгадил!!! [11]

До начала специальной военной операции правящая политическая элита России использовала любые возможности для того, чтобы обойти любые упоминания о социализме. В «Стратегии 2020» слово «социализм» по умолчанию предполагало тоталитаризм прошлого. В Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 г. есть пять направлений, решающих задачи социалистического развития: А. Белоусов «Новая высокотехнологическая экономика», М. Хуснуллин «Агрессивное развитие инфраструктуры», Т. Голикова «Новый общественный договор», Д. Григоренко «Клиентоцентрическое государство», Д. Чернышенко «Национальная инновационная система». Однако после начала специальной операции направление работы правительства приобрело явный социалистический вектор, то есть системное планирование и персональная ответственность.

Как отмечает депутат ГД РФ и главный редактор журнала «Свободная мысль» М. Г. Делягин: «Премьер Мишустин, вопреки сохраняющимся в значительной части бюрократии прозападным предрассудкам, четко фиксирует необходимость системного планирования и обеспечения в системе госуправления сквозной персональной ответственности. Достижения в этих направлениях, уже долгое время воспринимаемые как самоочевидная рутина и раздражающая обыденность, были в принципе непредставимы при предшествующих правительствах (и даже при спасшем Россию после дефолта 1998 года правительстве Примакова – Маслюкова).

Комплексное применение уже имеющихся достижений, развертывание точечных проектов на всю экономику в купе с излечением неизбежных «болезней роста» (в отчаянии ошибочно принимаемых порой за сущность новой системы) не просто придаст России мощный импульс всеобъемлющей комплексной модернизации, но и открывает перед нами глобальные стратегические перспективы в то самое время, когда обрушение мира в Глобальную Депрессию разными путями, но с равной неотвратимостью и окончательностью закроет

их перед остальными частями человечества – вне зависимости от их успешности, богатства и даже самого опыта в завершающейся современности» [12]. Завершение современности есть завершение предыстории человечества и начало подлинной истории, о чем мы написали большую монографию [13]. Конец предыстории и есть социализм. Всемирный социализм.

Варианты развития его могут быть разными. С. Б. Переслегин в издании работ братьев Стругацких в серии предисловий к томам представил свое видение развития человечества, поскольку по условиям литературной игры он пишет от лица персонажа, который сам живет в XXIII веке в коммунистическом обществе. Поэтому его подразумеваемой аудитории многие удивительные для нас вещи являются привычными и очевидными. Ему в голову не приходит упоминать, например, отсутствие эксплуатации человека человеком – в его мире ее уже двести лет как нет, все давно к этому привыкли и не понимают, как можно иначе. Задача текста – рассказать, что такое коммунизм и каковы его корни, людям, которые при коммунизме родились и выросли. Однако хронология миров братьев Стругацких начинается с вариантов завершения Второй мировой войны и избранием во второй раз в США в конце столетия президента-коммуниста. Очень неожиданная социальная фантастика!

Тем не менее история знает круговороты, повороты вспять и провалы в будущее. В условиях специальной военной операции начались изменения: госфинансирование промышленности, госпланирование и госзаказы являются признаком социализма. Тем более отказ от идеологии перестройки и либерального поворота России в августе 2023 г. являются следствием поворотов в экономике. Оценки становятся неожиданными, как, например, у службы безопасности «День»: «Ликвидацию Сахаровского центра вслед за объявлением нежелательной в России деятельности Greenpeace, World Wide Fund for Nature и ряда других влиятельных НКО международного уровня, инсайдерские источники рассматривают как еще один знаковый шаг на пути отказа Кремля от концепций „конвергенции“ и „единого будущего для всего человечества“, послуживших идейной основой как для горбачевской перестройки, так и для ельцинских рыночных реформ, а также прогнозируют в связи с этим рост конфликтного потенциала в отношениях между РФ и ВОЗ...» [14].

Список использованных источников

1. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – Москва: ИПЛ, 1970. – Т. 45. – 729 с. – Текст: непосредственный.
2. Глава СПЧ Валерий Фадеев заявил о необходимости подправить идеологию Ельцин Центра. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6029296> (дата обращения: 31.03.2023). – Текст: электронный.
3. Режиссер Никита Михалков вновь потребовал закрыть Ельцин Центр в Екатеринбурге. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5985567> (дата обращения: 31.03.2023). – Текст: электронный.
4. Лекция Ельцин-Центра: немцы кормили детей вареньем, пока заградотряды расстреливали солдат. – URL: https://tsargrad.tv/news/lekcija-elscin-centra-nemcy-kormili-detej-varenem-poka-zagrad-otrjady-rasstreivali-soldat_372029 (дата обращения: 31.03.2023). – Текст: электронный.
5. Выступление Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина на совместном заседании палат Конгресса США о перспективах развития сотрудничества между Россией и США. – URL: <https://yeltsin.ru/archive/audio/8995/> (дата обращения: 31.03.2023). – Текст: электронный.
6. Сталин, И. В. Сочинения / И. В. Сталин. – Москва: ГИПЛ, 1952. – Т. 13. – 423 с. – Текст: непосредственный.
7. Сталин, И. В. Сочинения / И. В. Сталин. – Тверь: Союз, 2006. – Т. 18. – 785 с. – Текст: непосредственный.
8. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – Москва: ИПЛ, 1969. – Т. 26. – 590 с. – Текст: непосредственный.
9. О задачах КПРФ по борьбе с фашизмом и патриотическому воспитанию подрастающего поколения. Доклад Председателя ЦК КПРФ Г. А. Зюганова на VI (майском) совместном пленуме ЦК и ЦКПК партии. – URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/218998.html> (дата обращения: 20.03.2023). – Текст: электронный.
10. Господа-демократы – Игорь Тальков. – URL: <https://stihi.ru/2004/09/29-585> (дата обращения: 30.03.2023). – Текст: электронный.
11. О, демократ. – URL: <http://maoism.ru/9241> (дата обращения: 30.03.2023). – Текст: электронный.
12. Делягин, М. Г. Впереди русский глобальный цикл накопления капитала. Россия – нераспечатанная кладовая и непознанный источник новых технологий. – URL: https://zavtra.ru/blogs/vpered_i_russkij_global_nij_tcikl_nakopleniya_kapitala (дата обращения: 31.03.2023). – Текст: электронный.
13. Некрасов, С. Н. Социальная диалектика предьстории / С. Н. Некрасов. – Москва: ИНФРА-М, 2021. – 640 с. – Текст: непосредственный.
14. Табло. Отказ Кремля от идейных основ перестройки и ельцинизма... ликвидация Сахаровского центра и объявление нежелательной деятельности влиятельных НКО. – URL: https://zavtra.ru/blogs/tablo_otkaz_kremlya_ot_kontseptcij_konvergentcii_i_edinogo_budushego_dlya_vsego_chelovechestva (дата обращения: 31.03.2023). – Текст: электронный.

Глава 1. СОЦИАЛИЗМ КАК НОВОЕ ОБЩЕСТВО РОССИИ

1.1. РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТРИБУНАЛ ПЕЧАТИ: ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ И ФИЛОСОФСКАЯ БОРЬБА ВОКРУГ СВОБОДЫ СЛОВА

Идеологическая и философская борьба вокруг первого в истории Революционного трибунала печати приобрела в нашей стране драматический характер. Левые эсеры, работавшие в советских судебных органах и правительстве, пытались под лозунгом «свободы слова» к ответственности привлечь не лица, а произведения печати. В ответ Совнарком предоставил Трибуналу печати право лишения виновных свободы, политических прав, удаления из столицы или республики. Эти меры были также вызваны сопротивлением враждебных Советской власти газет. В отличие от Петрограда руководители восстания в Москве не сумели обуздать враждебную прессу. После переезда советского правительства в Москву приступили к немедленному закрытию буржуазных газет с преданием редакторов и издателей революционному суду. Борьба с меньшевистско-эсеровскими газетами, мало чем отличавшимися от газет буржуазных, представляла для Советской власти больше трудностей в силу социалистической фразеологии, которой маскировались меньшевики и эсеры, выдавая себя за поборников демократии. Политика левых эсеров, работавших в органах советской юстиции, была направлена на ослабление удара по нарушителям советских законов, использовавших социалистическую прессу в антисоветских целях.

Идеологическая и философская борьба вокруг первого в мировой истории Революционного трибунала печати приобретала в Советской России драматический характер. Принимавшие участие в деятельности советских судебных органов и в советском правительстве левые эсеры пытались использовать Революционный трибунал печати для выгораживания контрреволюционеров и клеветников из бур-

жуазной прессы, стремились отвести от нее удар революционного правосудия под лозунгом «свободы слова».

24 января 1918 г. левые эсеры – работники Трибунала печати – обратились в правительство с просьбой изъять все дела о контрреволюционных преступлениях буржуазных газет из ведения комиссии Ф. Э. Дзержинского, а лиц, находящихся под арестом за преступления путем использования печати, освободить из-под стражи. При этом авторы заявления основывались на эсеровском Постановлении Наркомюста, в котором говорилось, что «трибуналом печати к ответственности привлекаются не лица, а произведения печати».

Совет народных комиссаров в заседании от 24 января 1918 г. под председательством В. И. Ленина рассмотрел это заявление и отверг домогательства эсеров, пытавшихся ограничить действия важнейшего органа пролетарской диктатуры – комиссии по борьбе с контрреволюцией в ее борьбе с противниками Советской власти, использующими периодическую печать в своих грязных контрреволюционных целях. Совнарком разъяснял, что задачи Трибунала печати отнюдь не ограничиваются преследованием «объектов» – произведений печати. Необходимо строго карать и самих субъектов, то есть лиц, совершающих преступления при помощи печати.

По настоянию В. И. Ленина 28 января 1918 г., через три дня после рассмотрения заявления левых эсеров, постановление НКЮ было пересмотрено, и на заседании СНК был принят декрет, опубликованный затем за подписью В. И. Ленина в «Газете рабочего и крестьянского правительства».

Совнарком существеннейшим образом изменил статью, определявшую меры наказания за преступления путем использования печатного слова. Если постановление Наркомюста самой сильной мерой наказания предусматривало лишь конфискацию типографского имущества или печатных изданий подсудимых, то Совнарком предоставил Трибуналу печати право лишения виновных свободы, всех или некоторых политических прав, удаления из столицы, из отдельных местностей или даже из пределов Российской республики. Эти решительные меры были вызваны непрекращающимся сопротивлением враждебных Советской власти газет. Ленинский декрет коренным образом изменил все важнейшие положения эсеровского постановления Наркомюста и вооружил советское правосудие со-

вершенным оружием борьбы с контрреволюционерами в области печати.

Революционный трибунал печати в Петрограде, его решения по преступным делам продажных антисоветских газет оказывали помощь Советской власти не только мероприятиями репрессивного характера, но и созданием в среде трудящихся нетерпимости к враждебным газетам. В то время как в Петрограде, где борьба протекала с наибольшей силой и остротой, диктатура пролетариата наносила и нанесла наиболее сокрушительные удары по контрреволюционной прессе, в Москве антисоветская печать, поддерживаемая меньшевистской верхушкой профсоюза печатников, чувствовала себя более уверенно.

С первого дня переезда советского правительства из Петрограда в Москву (12 марта 1918 г.) В. И. Ленин обратил внимание на довольно свободное существование враждебных советскому строю газет. В Москве выходили, словно ничего и не случилось, такие откровенно буржуазные газеты, как «Русские ведомости» и «Утро России», распространявшие в духе западной буржуазной прессы пасквили о советской действительности.

Конечно, это уже были не те газеты, которые в ноябре 1917 г. кричали о свержении большевиков и пророчили их немедленную гибель. Они уже вынуждены были публиковать все декреты и постановления местных и центральных органов Советской власти. Они познали силу репрессивных мероприятий Трибунала печати и комиссара по делам печати. Они были знакомы с цензурой военного положения, объявленного в Москве в период наступления немцев на Петроград в феврале 1918 г. Но враг лишь прикидывался покоренным, выбирая случай для прыжка.

Такое свободное существование буржуазных и так называемых социалистических газет в Москве объяснялось прежде всего ошибками, допущенными руководителями вооруженного восстания в Москве, которые не сумели обуздать враждебную прессу и пресечь ее выпады. Подобная же нерешительность была проявлена и Московским Советом после победы Революции, в первые месяцы советской власти, до переезда Совнаркома в Москву.

В. И. Ленин решил немедленно покончить с таким совершенно нетерпимым положением. Этот вопрос был поставлен на первом

московском заседании Совнаркома. 18 марта Совнарком заслушал доклад председателя ВЦИК Я. М. Свердлова о закрытии московской буржуазной печати. Докладчик сообщил правительству об ошибочной позиции московских руководителей по отношению к буржуазной печати, о провокационных действиях буржуазных газет в период подготовки Брестского мирного договора, о том, что от буржуазных газет тянутся духовные и материальные нити к подпольным центрам контрреволюции. Затронут был обширный круг вопросов, требующих продуманных и согласованных действий со стороны Наркомата юстиции, Московского Совета и Всероссийской чрезвычайной комиссии, возглавляемой Ф. Э. Дзержинским. Поэтому Совнарком постановил: «Поручить Комиссариату Юстиции войти в контакт с Московским Совдепом и тов. Дзержинским и принять меры к немедленному закрытию буржуазных газет с преданием редакторов и издателей революционному суду и применением к ним самых суровых мер наказания. Поручить Комиссариату Юстиции сведения о закрываемых газетах помещать в „Правительственный вестник“» [1]. Добавим, что постановление было принято на заседании СНК 18 марта по предложению Я. М. Свердлова в связи с начатой буржуазной прессой клеветнической кампанией против советской власти после ратификации IV Всероссийским съездом Советов мирного договора с Германией.

Доклад Я. М. Свердлова показал, что специальные меры контроля над печатью (комиссары печати, цензура), равным образом, как и специальный Трибунал печати, отменять еще рано. Поэтому В. И. Ленин решительно возражал против проекта декрета о революционных трибуналах, внесенного на утверждение СНК 30 марта 1918 г. Наркомом юстиции П. И. Стучкой, который предусматривал отмену декрета о трибуналах печати. По этому поводу В. И. Ленин писал: «Неправильно отменять декрет о трибуналах печати без предварительной сводки (и обсуждения) итогов их работы». Написана записка «К декрету о революционных трибуналах. Членам Коллегии комиссариата юстиции и копия председателю ЦИК».

В контексте это звучит так: «Декрет о советских трибуналах, по моему мнению, совершенно неправилен и подлежит коренной переделке. Неправильно отменять декрет о трибуналах печати без предварительной сводки (и обсуждения) итогов их работы. Непра-

вильно учреждение должности единоличного „трибуна“, стоящего вне коллегии Комиссариата юстиции. Получается нечто вроде худших прецедентов „генерал-прокурора“» [2, с. 210].

Поскольку в стране продолжали выходить частные газеты, а государство было стеснено в бумажных ресурсах, необходимо было использовать эти газеты для распространения советских законов и распоряжений местных властей. Одним из первых мероприятий в этом отношении можно считать приказ Чрезвычайного штаба Петроградского военного округа от 21 февраля 1918 г. В момент грозной опасности наступления немецких империалистов на столицу штаб вменил в обязанность всем газетам все сведения о деятельности и распоряжениях правительства, а также сообщения о военных действиях подвергать строгой проверке. «Все газеты, – говорилось в специальном пункте приказа, – сим обязуются печатать приказы и распоряжения Чрезвычайного штаба крупным шрифтом на первой странице» [3, с. 2].

Этот опыт использования газет был учтен и применен в рамках всего государства. В марте 1918 г. ВЦИК принял постановление «Об обязанности газет печатать декреты и распоряжения органов Советской власти» [4]. Уточним: «Газетам как утренним, так и вечерним предписывается печатать на первой странице все декреты и распоряжения Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов, Совета народных комиссаров, а также распоряжения и приказы местных Советов рабочих и крестьянских депутатов».

Борьба с меньшевистско-эсеровскими газетами, мало чем отличавшимися в своей вражде к советскому строю от газет откровенно буржуазных, представляла для Советской власти значительно больше трудностей. Социалистическая фразеология, которой маскировались меньшевики и эсеры, выдавая себя за поборников демократии, прямая демагогия, на которую пускались эти газеты, некоторое влияние мелкобуржуазных партий на отсталые слои пролетариата, недавно пришедшего из деревни, – все это осложняло борьбу. Двуручническая политика левых эсеров, работавших в органах советской юстиции, была направлена на ослабление удара по нарушителям советских законов, использовавших социалистическую прессу в антисоветских целях.

Впрочем, для диалектического мышления В. И. Ленина разоблачение псевдосоциалистической маскировки не представляло труд-

ности. Одной строкой он побивал и прежде псевдосоциалистов, ренегатов, ревизионистов, оппортунистов и путаников. Для этого не следует обращаться к 55-томному наследию вождя. Достаточно посмотреть забытую ныне блестящую небольшую книгу из цикла собственной ленинианы бессменного главного редактора патриотической левой газеты «Советская Россия» В. В. Чикина. Книга его называется «Имярек: Памфлет одной ленинской строкой» [5].

Даже либералы не смогут простить буржуазным демократам зажим свободы слова, но наиболее честные из них никогда не простят убийство Родины и народа. Так, А. И. Солженицын не принял Б. Н. Ельцина. Это любопытнейшее событие было описано А. А. Прохановым в ноябре 1998 г. в статье «Солженицын дал пощечину Ельцину» так: «Конституция, которой размахивал Ельцин, забрызгана кровью патриотов, расстрелянных на баррикадах 93-го года. Посыпана пеплом сожженного Парламента. Наполнена стонами пытаемых мучеников. Хрустом костей, перебитых омоновцами. Она склеена лживой слюной либералов, ненавидящих государство и Родину. Пропитана ядовитой спермой „отцов-демократов“, от которых рождаются уроды и извращенцы.

Она – багровая, парная, хлюпающая, как печень, выдранная у живой жертвы. Ее пять лет расклеивают костяными носами воры и проходимцы, засевшие в кремлевских палатах. Она гарантирует безопасность беловежских мясников, зарубивших Великую Россию, когда 30 миллионов русских в намордниках и цепях проданы на невольничьих рынках СНГ, молча чахнут под гнетом баронов и ханов» [6, с. 190].

В заключении статьи он пишет: «Эту „Конституцию смерти“, напоминающую устав концентрационного лагеря, отвергает убиваемый и пытаемый народ. Ее летел взорвать на своем „москвиче“ русский витязь Иван Орлов. На нее сипло крикнул отважный генерал Макашов. Третьего дня Солженицын не принял от тещи Сысуева наградной брелок президента. И сохранил свое место в русской истории. Но всякий, кто берет из оскверненных и кровавых рук даяние, будь то орден или звание, или стипендия, или рюмка водки, всякий, кто, подобно Лихачеву, посыпанному демократической перхотью, целует без устали эту страшную, убившую Родину длань, – тот обречен в ду

целовать другую шерстяную когтистую лапу, выгрызая у нее из-под ногтей запекшуюся русскую кровь» [6, с. 190].

Список использованных источников

1. 1918, 18 марта. Постановление о закрытии московских буржуазных газет. – URL: <http://opentextnn.ru/censorship/russia-after-1917/laws/snk/25-oktjabrja-1917-5-ijunja-1922/1918-18-marta-postanovlenie-o-zakrytii-moskovskih-burzhuznyh-gazet> (дата обращения: 10.04.2023). – Текст: электронный.
2. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – Москва: ИПЛ, 1970. – Т. 36. – 729 с. – Текст: непосредственный.
3. «Правда» № 32, 22 февраля 1918 г. Истпарт. Отдел ЦК ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б) (Репринт). – URL: https://istmat.org/files/uploads/28027/pravda_1.pdf (дата обращения: 10.04.2023). – Текст: электронный.
4. Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов. Об обязанности газет печатать декреты и распоряжения органов Советской власти. – URL: <https://istmat.org/node/29148> (дата обращения: 10.04.2023). – Текст: электронный.
5. Чикин, В. В. Имярек: Памфлет одной ленинской строкой / В. В. Чикин. – Москва: Молодая гвардия, 1977. – 207 с. – Текст: непосредственный.
6. Проханов, А. А., Слово, пронесенное сквозь ад / А. А. Проханов, Г. В. Животов, Е. А. Нефедов. – Москва: ИТРК, 1999. – 272 с. – Текст: непосредственный.

1.2. СНОС И ВОЗВЕДЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ: ЗАДАЧИ СТАРОГО И НОВОГО СОЦИАЛИЗМА

Председатель Совнаркома торопил и подталкивал нерадивых администраторов, тормозящих дело монументальной пропаганды. В. И. Ленин направлял руководителей Наркомпроса на выполнение конкретных заданий и сам определял объекты работ. Спустя три месяца после принятия декрета, после специального решения правительства Наркомпрос представил на рассмотрение Совнаркома доклад «О постановке в Москве 50 памятников великим людям в области революционной и общественной деятельности, в области философии, литературы, наук и искусства». Было решено украшать улицы, общественные здания надписями и цитатами, а разбор старых памятников сочетать с установкой новых памятников и мемориальных досок с надписями. Как утверждал А. В. Луначарский, оформление мемориальными досками Москвы и Петрограда «не привилось», на самом деле оно было сорвано Наркомпросом и его руководителем. И если в Москве и было установлено несколько досок, то они были изготовлены и водружены помимо участия народного комиссара по просвещению, который получил выговор за преступное и халатное отношение.

Председатель Совнаркома В. И. Ленин весной 1918 г. не раз отмечал, что нераспорядительность Наркомпроса угрожает срывом всего плана монументальной пропаганды, предусмотренного декретом Совнаркома. Он сам торопил и подталкивал нерадивых бюрократов-администраторов, тормозящих дело. Заметим, что, в то время как А. В. Луначарский днями и неделями тянул ответы на запросы Председателя Совнаркома, глава советского правительства со своей стороны следил буквально по часам за ходом выполнения срочных заданий. Но в час направления запроса А. В. Луначарского в Комиссию по финансированию пропаганды последняя уже кончила работать. Желая всячески форсировать работу, В. И. Ленин, пренебрегая установленными формальностями при рассмотрении финансовых вопросов правительством, сам выступает с докладом об ассигновании Наркомпросу аванса в 30 тысяч рублей на производство работ по установке памятников деятелям русской революции. Предложе-

ние В. И. Ленина получило полную поддержку. Совнарком обязал Наркомпрос выработать меры по ускорению реализации декрета правительства от 14 апреля 1918 г. В принятом решении говорилось: «Ассигновать авансом Народному Комиссариату по просвещению 30 000 руб. на работы по постановке временных памятников великим деятелям русской революции, с тем чтобы Народным Комиссаром по просвещению тов. А. В. Луначарским немедленно была представлена полная смета на всю требующуюся сумму.

Поручить Народному комиссариату по просвещению созвать комиссию из гг. Луначарского, Покровского, представителей Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов, отдела народного просвещения при Московском Совете и представителя Народного комиссариата имуществ Республики для выработки:

- 1) мер ускорения снятия уродливых памятников монархической России;
- 2) мер по постановке новых временных памятников в Москве великим деятелям русской революции;
- 3) способов украшения улиц Москвы цитатами и изречениями великих людей;
- 4) сметы на снятие памятника Александра III в Москве.

Результаты работ этой комиссии, в особенности же по п. 4, должны быть доложены Совету народных комиссаров во вторник, 2 июля с. г.» [1].

В. И. Ленин направлял руководителей Наркомпроса на выполнение конкретных заданий и сам определял объекты работ. Так, по его указанию в первую очередь был определен снос памятника Александру III в Москве, одного из самых малохудожественных памятников, которые в ленинском декрете названы «истуканами».

Но, вопреки прямому требованию Ленина, закреплённому постановлением Совнаркома, А. В. Луначарский с докладом 2 июля не явился и не сообщил правительству о выполнении его срочных указаний. В ответ на такие самовольные действия и халатное отношение к выполнению декрета В. И. Ленин потребовал от А. В. Луначарского и А. А. Малиновского отчета на заседании Совнаркома 8 июля 1918 г.

Разумеется, никаких уважительных причин, в какой-либо мере оправдывающих задержку выполнения декрета, А. В. Луначарский

и А. А. Малиновский указать не могли. Здесь же на заседании Ленин набросал проект постановления Совнаркома «О невыполнения „Декрета о памятниках Республики“», который был положен в основу решения правительства по докладам А. В. Луначарского и А. А. Малиновского: Совет народных комиссаров в своем постановлении ставил на вид Комиссариатам народного просвещения и имуществ республики, а равно Президиуму Московского городского совета их недопустимую бездеятельность по проведению в жизнь декрета от 14 апреля 1918 г. и предписывал им выбрать по соглашению одно ответственное лицо для энергичного надзора за выполнением декрета и проведением его в Москве в жизнь немедленно с обязательством два раза в неделю делать доклад об этом Председателю СНК.

В проекте сказано было так: «Совет народных комиссаров ставит на вид Комиссариатам народного просвещения и государственных имуществ, а равно президиуму Московского городского Совдепа их совершенно недопустимую бездеятельность по проведению в жизнь декрета от 14. IV. 1918 (№ 416, Собрание Указаний, № 31) и предписывает им завтра, 9. VII. 1918, выбрать, по соглашению, одно ответственное лицо для энергичного надзора за выполнением декрета и проведения его в жизнь немедленно, с обязательством два раза в неделю делать доклад об этом Председателю СНК» [2, с. 401]. Московскому Городскому Совету было ассигновано авансом в счет сметы 50 000 руб. на проведение этого декрета в Москве.

Серьезная критика руководителей Наркомпроса и Комиссариата имуществ на заседании Совнаркома и резкое постановление Совнаркома встряхнули А. В. Луначарского и заметно оживили работу. Почувствовались хотя и замедленные, но, безусловно, реальные шаги: привлечение художественной общественности, усиление организационно-оперативной работы. Но больше всего внимания этому делу в правительстве по-прежнему уделял сам В. И. Ленин.

По его указанию на другой день после заседания Совнаркома был выделен ответственный за выполнение декрета от 14 апреля помощник народного комиссара имуществ республики, молодой архитектор Н. Д. Виноградов. В тот же день вечером В. И. Ленин принял Н. Д. Виноградова, беседовал с ним, настоятельно подчеркнул значение, которое придает правительство декрету о снятии памятников царей и их слуг и сооружении новых памятников. Молодой

архитектор произвел благоприятное впечатление на В. И. Ленина, и он согласился на его использование в качестве ответственного лица за выполнение декрета с правом личного доклада Председателю Совнаркома [3].

На другой день после постановления Совнаркома Президиум Моссовета рассматривал вопрос о реализации декрета от 14 апреля. Однако вынесенное им решение носило формальный характер. Президиум Моссовета считал возможным отгородиться от ответственности за ход выполнения декрета, поскольку его проведение в жизнь было возложено на Наркомпрос. Это вызвало резкую критику В. И. Ленина, и Президиум Моссовета признал необходимым немедленно приступить к проведению в жизнь декрета Совнаркома и ассигновал на эти цели 150 тысяч рублей.

Наконец, спустя три месяца после принятия декрета, после многократных напоминаний и требований В. И. Ленина, после специального решения правительства, только 17 июля 1918 г. Наркомпрос представил на рассмотрение Совнаркома доклад «О постановке в Москве 50 памятников великим людям в области революционной и общественной деятельности, в области философии, литературы, наук и искусства». Совнарком по докладу М. Н. Покровского принял следующее постановление, которое было опубликовано 24 июля в газете «Известия»: «Поручить Народному Комиссариату по просвещению проверить правильность представленной сметы и по возможности довести сметную стоимость памятников до цен, установленных в Петроградской Коммуне. Поручить Народному Комиссариату по просвещению опубликовать список известных учителей социализма и деятелей международной революции, а также художников и музыкантов, достойных постановки им памятников Советской Россией и через пять дней представить в Совет Народных Комиссаров на утверждение список лиц, которым предполагается поставить памятники.

Поставить на вид Народному Комиссариату по просвещению желательность спешного проведения в жизнь постановления Совета Народных Комиссаров об украшении улиц, общественных зданий и т. д. надписями и цитатами. Обратить особое внимание Народного Комиссариата по просвещению на желательность постановки памятников павшим героям Октябрьской Революции и в частности

в Москве сооружения, кроме памятников, барельефа на Кремлевской стене в месте их погребения. Условия конкурса, предложенного Московской Художественной Коллегией Отдела изобразительных искусств Народного Комиссариата Просвещения, проектов памятников с поправками тов. Подбельского, утвердить» [4].

Выработанный Наркомпросом «Список лиц, коим предложено поставить монументы в г. Москве и других городах РСФСР, представленный в Совет Народных Комиссаров Отделом изобразительных искусств Народного комиссариата по просвещению» был рассмотрен и утверждён 30 июля. В список были включены революционеры и общественные деятели, писатели и поэты, философы и ученые, художники, композиторы и артисты. Здесь мы видим разбивку списка по пунктам:

«I. Революционеры и общественные деятели:

1. Спартак. 2. Тиберий Гракх. 3. Брут. 4. Бабеф. 5. Маркс. 6. Энгельс. 7. Бебель. 8. Лассаль. 9. Жорес. 10. Лафарг. 11. Вальян. 12. Марат. 13. Робеспьер. 14. Дантон. 15. Гарибальди. 16. Степан Разин. 17. Пестель. 18. Рылеев. 19. Герцен. 20. Бакунин. 21. Лавров. 22. Халтурин. 23. Плеханов. 24. Каляев. 25. Володарский. 26. Фурье. 27. Сен-Симон. 28. Роб. Оуэн. 29. Желябов. 30. Софья Перовская. 31. Кибальчич.

II. Писатели и поэты:

1. Толстой. 2. Достоевский. 3. Лермонтов. 4. Пушкин. 5. Гоголь. 6. Радищев. 7. Белинский. 8. Огарев. 9. Чернышевский. 10. Михайловский. 11. Добролюбов. 12. Писарев. 13. Глеб Успенский. 14. Салтыков-Щедрин. 15. Некрасов. 16. Шевченко. 17. Тютчев. 18. Никитин. 19. Новиков. 20. Кольцов.

III. Философы и ученые:

1. Сковорода. 2. Ломоносов. 3. Менделеев.

IV. Художники:

1. Рублев. 2. Кипренский. 3. Алекс. Иванов. 4. Врубель. 5. Шубин. 6. Козловский. 7. Казаков.

V. Композиторы:

1. Мусоргский. 2. Скрябин. 3. Шопен.

VI. Артисты:

1. Комиссаржевская. 2. Мочалов» [5].

В этом небольшом факте ярчайшим образом отразилась связь советской культуры с классическим культурным наследием. Утверж-

дая список, Совнарком внес в него изменения и поправки. Прежде всего была признана первоочередной установкой памятников основоположникам научного социализма, величайшим деятелям революции – Марксу и Энгельсу. Были дополнительно внесены в список Бауман, Ухтомский и Гейне, а также ряд имен выдающихся иностранных литераторов. В заключении постановления Совнарком вновь и вновь обращал внимание Наркомпроса на безотлагательную необходимость войти в соглашение с Президиумом Московского Совета и немедленно начать установку памятников. В случае какой-либо затяжки предлагалось доложить Совету народных комиссаров. Обстановка с принятием списка имен подробно описана в книге «Имена на обелиске» [6].

Ввиду невыполнения заданий по монументальному оформлению Москвы и Петрограда к 1 Мая В. И. Ленин поставил задачу добиться серьезного изменения положения к первой годовщине Великой Октябрьской революции.

В. И. Ленин систематически принимал Н. Д. Виноградова, заслушивал его сообщения о ходе работы. Из этих сообщений видно: в отделе изобразительных искусств было невнимательное отношение к делу, с большим трудом подыскивались рабочие на разборку и снос памятников; многочисленные учреждения, с которыми приходилось сталкиваться, загруженные множеством срочных заданий, отмахивались от просьб комиссии. Нужны были большие полномочия, чтобы продвигать вопросы в многочисленных инстанциях.

Виноградов энергично принялся за выполнение указания В. И. Ленина об удалении «истуканистого» памятника Александру III на набережной Москвы-реки. Далее был разобран памятник Александру II в Кремле, а затем приступили к разборке памятника генералу М. Д. Скобелеву.

Летом 1918 г., по мысли В. И. Ленина, был использован старый памятник-obelisk, установленный при входе в Александровский сад до Октябрьской революции в связи с трехсотлетием дома Романовых. Имена царей были срублены, самодержавный герб снят, и на обелиске были высечены имена выдающихся деятелей международного социалистического движения.

В. И. Ленин полагал, что необходимо сочетать разбор старых памятников с установкой новых. Во время очередного приема

Н. Д. Виноградова 3 августа 1918 г. В. И. Ленин поинтересовался, как идет работа по сооружению новых памятников. Этот вопрос застал Н. Д. Виноградова врасплох. Тогда В. И. Ленин разъяснил ему, что обязательно нужно заняться установкой новых памятников и мемориальных досок с надписями.

22 августа 1918 г. Комиссия Совнаркома вновь слушала доклад о ходе выполнения правительственного постановления о памятниках и вновь отметила неудовлетворительную работу Наркомпроса. Постановлением Совнаркома ассигновалось в счет сметы второго полугодия 1918 г. Народному комиссариату просвещения, отделу изобразительных искусств 500 тысяч рублей на постановку в Москве и Петрограде 80 памятников великим людям, с зачетом ассигнованных ранее 200 тысяч рублей. Совнарком поставил на вид Народному комиссариату просвещения невыполнение указания СНК от 17 июля о желательности быстрого проведения в жизнь постановления об украшении улиц и площадей цитатами и надписями. Народному комиссариату просвещения поручалось «снять безобразных истуканов, деятелей старого режима и реакции в двухнедельный срок, привлекая к этой работе безработных интеллигентов, по соглашению с Центральной биржей труда».

Исторические документы того времени свидетельствуют, что осуществление декретов о монументальной пропаганде продвигалось только благодаря личной заботе В. И. Ленина. Так, в августе 1918 г., когда завершалась разборка основания памятника генералу Скобелеву, В. И. Лениным был поднят вопрос о сооружении на его месте (напротив Моссовета) монумента к первой годовщине Октябрьской социалистической революции.

В. И. Ленин поручил Виноградову организовать разработку проекта памятника, привлекая архитектурную молодежь. Он просмотрел все проекты и выбрал из них тот, который, будучи наиболее приемлемым с идейной и художественной стороны, мог быть наверняка построен к годовщине Октября.

В статье «Ленин и искусство» А. В. Луначарский, касаясь ленинской идеи украшения городов памятными досками с изречениями, писал, умалчивая о бездеятельности в этом отношении Наркомпроса: «В Москве и Петрограде это не привилось». На самом деле оформление мемориальными досками Москвы и Петрограда не «не приви-

лось», как пишет А. В. Луначарский, а было сорвано Наркомпросом и его руководителем. И если все же в Москве и было установлено несколько подобных досок, то они были изготовлены и водружены помимо участия народного комиссара по просвещению.

18 сентября 1918 г. В. И. Ленин вновь телеграфировал А. В. Луначарскому в Петроград: «Сегодня выслушал доклад Виноградова о бюстах и памятниках, возмущен до глубины души; месяцами ничего не делается; до сих пор ни единого бюста, исчезновение бюста Радищева есть комедия. Бюста Маркса для улицы нет, для пропаганды надписями на улицах ничего не сделано. Объявляю выговор за преступное и халатное отношение, требую присылки мне имен всех ответственных лиц для предания их суду. Позор саботажникам и ротозеям» [7, с. 182]. Дело принимало серьезный оборот, и речь шла о строжайшей ответственности исполнителей.

Список использованных источников

1. Постановление об ассигновании 30 тыс. руб. Народному комиссариату просвещения на работы по постановке временных памятников великим деятелям Русской революции. – URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/15055> (дата обращения: 10.04.2023). – Текст: электронный.

2. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – Москва: ИПЛ, Москва: ИПЛ, 1970. – Т. 54. – 863 с. – Текст: непосредственный.

3. Декрет Совета Народных Комиссаров. О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской Социалистической Революции. – URL: <https://istmat.org/node/29187> (дата обращения: 10.04.2023). – Текст: электронный.

4. Постановление Совета Народных Комиссаров «О постановке в Москве 50 памятников великим людям в области революционной и общественной деятельности, в области философии, литературы, наук и искусства». – URL: <https://diletant.media/articles/36554114> (дата обращения: 10.04.2023). – Текст: электронный.

5. Известия ВЦИК. 1918. – № 163 (427). – 2 авг. – Текст: непосредственный.

6. Валовой, Д. Имена на обелиске / Д. Валовой, Г. Лапшина. – Фрунзе: Кыргызстан, 1982. – 351 с. – Текст: непосредственный.

7. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – Москва: ИПЛ, 1970. – Т. 50. – 623 с. – Текст: непосредственный.

1.3. ИДЕЙНАЯ РАБОТА И ПОХОДЫ АГИТАТОРОВ В НАРОД КАК ЗАДАЧА ГОСУДАРСТВА НОВОГО СОЦИАЛИЗМА

Указания советского руководства об агитационной работе в деревне среди крестьян касались агитации вокруг декрета о земле, похода за хлеб против спекулянтов и кулаков и за ликвидацию продовольственного кризиса. Социалистическая агитация шла в решительный момент борьбы против кулачества, за хлеб и за советский строй. Шел крестовый поход за хлебом против спекулянтов и кулаков, когда к физической силе прибавлялась вера. В России начать революцию было легче, но труднее было завершить социалистическое строительство, а на Западе наоборот: начать оказалось труднее во много раз. Политическое просвещение, агитация должны были предотвращать попытки обмана крестьян со стороны контрреволюционных элементов, укреплять союз рабочих и крестьян. Секрет успеха продовольственных отрядов усматривался в идейности, сознательности, организованности рабочих, составлявших продотряды. Главная их сила в том, что они представители бедноты организованной, просвещенной, а в деревне масса бедноты непросвещенной. Агитаторов предостерегали от увлечения культурничеством, отвлеченной от жизни «книжностью». Это значит, что надо было помочь бедноте не книжкой, а опытом и собственной борьбой. Неслучайно большое значение развешиванию агитации и пропаганды вокруг советских законов – первых декретов Советского государства.

Первые шаги по выполнению ленинского плана перехода к социалистическому строительству сопровождались усилением культурно-просветительной работы в среде трудящихся. В связи с этим в мае 1918 г. ВЦИК представил в Совнарком ходатайство об ассигновании 10 миллионов рублей на усиление средств для культурно-просветительной и литературно-издательской деятельности [1]. Заслушав сообщение Я. М. Свердлова по этому вопросу, Совнарком постановил полностью удовлетворить заявку ВЦИК. В период с октября 1917 г. по лето 1918 г. В. И. Ленин неоднократно давал важные указания об агитационной работе в деревне, среди крестьян. Эти указания касались агитации вокруг декрета о земле в октябре 1917 г., агитации за хлеб, за ликвидацию продовольственного кризиса летом 1918 г.

В. И. Ленин выдвинул идею посылки в деревню продотрядов, групп передовых, закаленных пролетарской школой рабочих. Важнейшей

составной частью работы этих отрядов являлась политическая агитация, разъяснение международного и внутреннего положения Советского государства, международной значимости дела разрешения продовольственного кризиса, обеспечения городов и армии хлебом.

На объединенном заседании ВЦИК, Моссовета и московских профсоюзов 4 июня 1918 г. В. И. Ленин в докладе о борьбе с голодом обрисовал особую значимость социалистической агитации в решительный момент борьбы против кулачества, за хлеб, за советский строй. «...Нам нужны отряды *агитаторов* из рабочих, – говорил В. И. Ленин. – Нам нужны рабочие из различных уездов непроизводящих губерний. Нам нужно, чтобы они шли оттуда, как *сознательные проповедники* Советской власти, и чтобы нашу продовольственную войну, нашу войну с кулаками, нашу войну с беспорядками они освящали, они узаконили и делали возможным *проведение социалистической пропаганды*, чтобы они несли в деревню то различие между бедной и богатыми, которое каждому крестьянину понятно и которое составляет глубочайший источник нашей силы...» [2, с. 410].

Эти слова в таком контексте, где звучат самые возвышенные слова о крестовом походе за хлебом: «Мы в трудном положении: Советская республика переживает, может быть, один из тяжелых своих переходов. Новые слои рабочих придут к нам на помощь. У нас нет полиции, у нас не будет особой военной касты, у нас нет иного аппарата, кроме сознательного объединения рабочих. Они выведут Россию из отчаянного и гигантски трудного положения. (Аплодисменты.) Объединение рабочих, организация рабочих отрядов, организация голодных из неземледельческих голодных уездов – их мы зовем на помощь, к ним обращается наш Комиссариат продовольствия, им мы говорим: в крестовый поход за хлебом, крестовый поход против спекулянтов, против кулаков, для восстановления порядка.

Крестовый поход, это был такой поход, когда к физической силе прибавлялась вера в то, что сотни лет тому назад пытками заставляли людей считать святым» [2, с. 409–410].

Далее говорится: «А мы хотим и думаем, и мы убеждены, и мы знаем, что Октябрьская революция сделала то, что передовые рабочие и передовые крестьяне из беднейшего крестьянства считают теперь святым сохранение своей власти над помещиками и над капиталистами. (Аплодисменты.) Они знают, что недостаточно физической

силы для воздействия на массы населения. Нам нужна физическая сила, так как мы строим диктатуру, мы строим насилие по отношению к эксплуататорам, и всякого, кто этого не понимает, мы с презрением отбрасываем от себя, чтобы не тратить слов на то, чтобы разговаривать о форме социализма. (Аплодисменты.) Но мы говорим: перед нами новая историческая задача. Нам нужно дать понять этому новому историческому классу, что нам нужны отряды агитаторов из рабочих» [2, с. 410].

В. И. Ленин указывал, что рабочие продотряды должны идти в деревню не только с оружием против кулаков, но и с *проповедью* сознательных рабочих. В. И. Ленин в другой работе «Проект резолюции по борьбе с голодом» призывал рабочих «в наш отряд боевых агитаторов», он звал их для серьезной, тяжелой и жизненно необходимой работы, «для агитации на местах, для войны за хлеб против кулаков», он призывал пролетарские центры выступить «отрядами агитаторов и воинов против буржуазии, против кулаков...» [2, с. 419]. Конкретно он говорил: «Только железный революционный порядок во всех областях жизни, особенно в железнодорожном и водном транспорте, только железная дисциплина рабочих, только их самоотверженная помощь отрядами агитаторов и воинов против буржуазии, против кулаков, только самостоятельная организация деревенской бедноты могут спасти страну и революцию».

Необходимо подчеркнуть важнейшее культурное значение политической пропаганды и агитации рабочих продовольственных отрядов; они несли в деревню идею классовой борьбы, идею социализма, идею советской государственности. Они выполняли указание В. И. Ленина: «...нам, представителям трудящихся масс, рабочим, сознательным рабочим, надо во всей своей агитации и пропаганде, в каждой речи, в каждом призыве, беседе на фабрике, в каждой встрече с крестьянами объяснять им, что бедствие, которое на нас обрушилось, есть бедствие международное...» [2, с. 440].

Далее говорилось: «Перед новым социалистическим обществом, как ни тяжело, мучительны эти муки всего человечества, с каждым днем становится яснее, что войну, которую начали империалисты, эти империалисты не кончат, а кончат другие классы, рабочий класс, который во всех странах с каждым днем приходит во все большее движение, негодование и возмущение, которое независимо от чувств

и настроения силою вещей принуждает свергнуть господство капиталистов. Нам в России, когда бедствия голода особенно чувствуются, приходится переживать такой период, труднейший период, который когда-либо революции предстоял, а на немедленную помощь западноевропейских товарищей рассчитывать нельзя. Вся тяжесть русской революции состоит в том, что русскому революционному рабочему классу было гораздо легче начать, чем другим западноевропейским классам, но нам труднее продолжать. Там, в западноевропейских странах, начать революцию труднее, потому что против революционного пролетариата стоит высшая мысль культуры и рабочий класс находится в культурном рабстве» [2, с. 440]. Нам в России начать революцию было легче, но труднее завершить социалистическое строительство, а на Западе, наоборот, начать труднее во много раз!

В. И. Ленин видел секрет успеха продовольственных отрядов в идейности, сознательности, организованности их бойцов. «...Главная их сила в том, – говорил В. И. Ленин о рабочих, составлявших продотряды, – что они представители бедноты организованной, просвещенной, а в деревне масса тьмы, бедноты не просвещенной» [2, с. 449]. Политическая агитация рабочих агитаторов была той необходимой ступенью политического просвещения трудящегося крестьянства, без которой не могла развиваться никакая культурная работа советских органов в деревне того времени, не превращаясь в голое культурничество.

Каждый раз, когда положение в стране осложнялось, когда врагам революции удавалось переходить к активным действиям и требовались новые усилия молодого государства, еще большая сплоченность народа и самоотверженность вооружённых отрядов. В. И. Ленин указывал на политическую агитацию как на первоочередное мероприятие государственной важности.

Ленинское требование целеустремленной политической агитации определяло деятельность не только партийных организаций, но и всех органов, созданных для собственно просветительной работы. Так, в период наступления немецких войск на Петроград в феврале 1918 г., когда дело обороны столицы и всей страны являлось первоочередной задачей всех советских патриотов, Наркомпрос дал директиву внешкольным работникам подчинить всю работу политической агитации защите социалистического отечества.

Деревня как один из самых трудных участков советского строительства была предметом особых забот В. И. Ленина. Политическое просвещение, агитация должны были предотвращать попытки обмана крестьян со стороны контрреволюционных элементов, укреплять союз рабочих и крестьян. Ярким образцом такого подхода В. И. Ленина к разрешению политических задач в чрезвычайно сложных условиях 1918 г., когда белочехи перекрыли Транссиб, служит его письмо руководству Петроградского Совета от 14 июня 1918 г.: «Величайшая опасность грозит продовольственному делу. Т. Владимиров настаивает, и я поддерживаю, чтобы Питер срочно выслал в Москву лучших продовольственных работников. Эти работники вместе с сильными отрядами отборных рабочих могут спасти дело» [3].

Накануне созыва V съезда Советов, которому предстояло утвердить первую Советскую Конституцию в обстановке острой борьбы с левыми эсерами, открыто выступившими против Советской власти, требовались решительные действия. И В. И. Ленин подчеркивал в своем письме необходимость приложить все усилия, чтобы направить из Петрограда в деревню сотни агитаторов. В. И. Ленин подчеркивал, что это чрезвычайно важное мероприятие настоятельно диктуется всей военной и продовольственной обстановкой в стране.

В день отправки приведенного письма В. И. Ленин телеграфировал председателю Петроградского Совета: «Надеюсь, получили мою просьбу посылать больше отрядов на Урал. Добавляю еще, что крайне важно послать туда побольше рабочих для агитации и руководства отсталыми. Отвечайте немедленно».

Умение мастерски определить ведущее звено, взявшись за которое можно вытянуть всю цепь, это качество, присущее В. И. Ленину, позволяло ему каждый раз безошибочно видеть главную опасность, угрожавшую Советской республике со стороны контрреволюции, определять главный участок фронта, на который надо было направить решающие силы молодого социалистического государства: военные, материальные, идейные.

Э. В. Лимонов также пытался ухватить главное звено, но синтезированная им вместе с А. Г. Дугиным национал-большевистская идеология не позволила ему это сделать. Он описывает «сценарий вооруженного восстания». Предлагается взять власть в Крыму, что внешне походит на состоявшуюся историю 2014 г.: «Прежде всего

саму вспышку восстания следует вынести за пределы России. С наступлением летнего сезона отпусков в Крым устремились под видом отдыхающих члены радикальных партий России. В рубашках с цветами, в шортах, с гитарами, молодые люди ни у кого не вызывают подозрения. Наибольшей популярностью в сезон 1999 г. пользуется Севастополь с его голубыми бухтами...

Оперативная группа, приставленная к группе по связям с СМИ, задолго до открытия рок-фестиваля заводит тесные отношения с моргами крымского полуострова. Знакомится со служащими моргов. Всякий раз применяется тактика, наилучшим образом подходящая к характеру того или иного сотрудника. Задача состоит в том, чтобы к утру второго дня фестиваля (разумеется, он будет закрыт немедленно) собрать в одном месте 50–100 трупов более или менее молодых людей. Собрать их лучше всего в каком-нибудь загородном сарае. Вариант: имитировать поспешное захоронение» [4, с. 465–466].

Технология восстания предполагает сверхзадачу – выход из столкновения с украинскими войсками на подготовку восстания в Москве: «Следует понимать, что возникновение конфликта между русским населением и украинскими оккупационными войсками не есть самоцель, а лишь неизбежно необходимый первый этап вооруженного восстания с целью смены власти в Москве. Дело в том, что сегодня нельзя начать вооруженное восстание в Москве по многим причинам» [4, с. 471–472].

Другой вариант, который использовал сам Э. В. Лимонов и за реализацию которого он попал в заключение, – Казахстан. Тем не менее в книге он заранее отводил внимание читателя: «Вариант начала восстания еще в одной обильно населенной русскими республике, в Казахстане, отпадает. Помехами станут пара тысяч километров, отделяющие основные густонаселенные русские европейские территории от Казахстана, отдаленность от средств коммуникаций, отсутствие сколько-нибудь значительных городских центров, невозможность полноценного освещения событий СМИ, отсутствие такой мощной и потенциально интересной силы, как русский Черноморский военный флот. В мае 1997 г., приехав на казачий круг в Кокчетаве, я лично убедился в невозможности восстания в Казахстане. Слишком далекий медвежий угол, далекий от магистральных путей СМИ. А СМИ

сегодня как объекты внимания восставших значат много более, чем почта, вокзал и телеграф, вместе взятые, во времена Ленина.

Так что Крым, и только Крым. И только Севастополь. Другого варианта нет. Увязнув в русско-украинском конфликте, правительство не устоит. В Крым стянутся все, кто воевал в Приднестровье, в Сербии, в Чечне. Таких людей сейчас десятки тысяч. Крым будет нашей Сьерра-Маэстрой, откуда мы придем в нашу Гавану, в Москву» [4, с. 472–473]. Авантюрный проект, который невозможен для реализации, но и реализованные проекты шли слишком медленно и втянули страну в войну с объединенным Западом на территории Украинской ССР. Образ победоносного Фиделя с товарищами барбудос на шхуне «Гранма» долго не давал покоя революционеру.

Список использованных источников

1. 8 мая. Постановление об ассигновании 10 млн руб. ВЦИК на культурно-просветительную и литературно-издательскую деятельность. – URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/15033> (дата обращения: 11.04.2023). – Текст: электронный.
2. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – Москва: ИПЛ, 1974. – Т. 36. – 740 с. – Текст: непосредственный.
3. 2 июня 1918 г. Телефонограмма В. И. Ленина Петроградскому Совету. – URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/156555-telefonogramma-v-i-lenina-petrogradskomu-sovetu-2-iyunya-1918-g#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 10.04.2023). – Текст: электронный.
4. Лимонов, Э. В. Анатомия Героя / Э. В. Лимонов. – Смоленск: Русич, 1998. – 480 с. – Текст: непосредственный.

1.4. СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ЗАДАЧИ БОРЬБЫ С ЧУЖДЫМИ ВРАЖДЕБНЫМИ ВЛИЯНИЯМИ

С первых дней советской власти политическое просвещение стало достоянием советского народа. Демократизация культуры и развитие сознательности народа оказались связаны с непобедимостью Советского государства. Советский строй воспитал нового человека, сформировал в людях патриотизм к социалистическому отечеству, а партия и советская власть культивировали это качество. Советское общество не могло двигаться вперед, к коммунизму, без преодоления пережитков в сознании людей, а само движение находилось в прямой связи с коммунистическим воспитанием народа. Возникли цивилизационные задачи по борьбе нового социалистического общества с чуждыми, враждебными влияниями в культуре. В результате «троцкистско-бухаринские предатели» были оценены как агенты империализма, ставившие целью реставрацию капитализма в нашей стране. Современные российские патриоты и марксисты осознают, что борьба за мировую гегемонию включает в себя борьбу за то, что А. Грамши назвал культурной гегемонией. Советский Союз рухнул, поскольку отказался от своего лидировавшего на протяжении столетия видения будущего и вписался в западную цивилизационную модель. Капитуляция в сфере культуры не должна повториться — перед Россией стоит задача выстроить новую культурную гегемонию на будущее.

В первые дни установления советской власти В. И. Ленин обращал внимание партии и Советов на развитие политико-просветительной работы, на развитие партийной пропаганды и агитации как важнейших отраслей культурной работы в условиях социалистического строя. В этой области за годы советской власти были достигнуты великие успехи. Политическое просвещение в его многообразных формах стало достоянием всего советского народа. На своем жизненном опыте с помощью большевистской пропаганды и агитации широчайшие слои народа нашей страны убедились в том, что политика большевистской партии является столь же жизненной основой советского строя.

В. И. Ленин связывал демократизацию культуры, развитие сознательности и организованности нашего народа с непобедимостью Со-

ветского государства. Он говорил в свой день рождения в речи на конференции железнодорожников 22 апреля 1919 г.: «Товарищи, у нас в первый раз в мире идет война, когда рабочие и крестьяне, зная, чувствуя и видя, что тяжесть войны необъятна, испытав все муки голода в стране, которую, точно осажденную крепость, окружили империалисты, понимают, что ведут войну за землю, фабрики и заводы. Никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою, советскую власть – власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда. И мы уверены, товарищи, что эта мобилизация пройдет несравненно лучше, чем прежние, что она встретит поддержку в вашей среде, что кроме тех агитаторов, которые выступают на собраниях, каждый из вас и каждый ваш знакомый превратится сам в агитатора, сам пойдет к своим товарищам, заводским рабочим и железнодорожникам, и объяснит им понятно, ясно, почему нужно теперь напрячь все силы и в несколько месяцев покончить с врагом. Сами массы поднимутся и, поголовно сделавшись агитаторами, создадут несокрушимую силу, которая обеспечит Советскую республику не только в России, но и во всем мире» [1, с. 315].

В жестокой борьбе с гитлеровскими захватчиками Советское государство выдержало все испытания и показало свою неодолимость. Советский народ под руководством большевистской партии, под водительством И. В. Сталина одержал над гитлеровской Германией военную, экономическую и идеологическую победу. Культурная мощь советского народа со всей силой выявилась также в деятельности советской интеллигенции в годы Отечественной войны, в создании новых материальных и духовных культурных ценностей, вооруживших советский народ в его борьбе с фашистскими мракобесами. В годы Отечественной войны советские ученые выполнили огромную работу по выявлению и мобилизации естественных ресурсов страны, по рационализации производственных процессов, по усовершенствованию боевой техники и вооружению Советской армии. Деятели искусства и литературы также посвятили себя общему делу разгрома врага: своими патриотическими произведениями они вооружали духовно наш народ. Исторические успехи в развитии советской культуры бла-

готоворно сказались на укреплении сил Советского государства, в его великих победах над немецко-фашистскими захватчиками и японскими империалистами.

Общим итогом победы социализма и расцвета социалистической культуры в нашей стране стало воспитание новых гражданских, интеллектуальных и моральных качеств советского человека, со всей силой проявившихся в борьбе с немецким фашизмом и оказавших воздействие в условиях коммунистического строительства. Советский строй воспитал нового человека, воспитал в людях прекрасные качества патриотов социалистического отечества, сознательных тружеников социалистического общества, для которых труд стал делом чести и славы, воспитал у народов многонациональной советской семьи чувства дружбы и товарищеской взаимопомощи. Партия большевиков и Советская власть всемерно культивировали эти лучшие качества советских людей. «...Последний советский гражданин, – говорил И. В. Сталин, – свободный от цепей капитала, стоит головой выше любого зарубежного высокопоставленного чинуши, влачащего на плечах ярмо капиталистического рабства...» [2, с. 16]. Мы цитируем эти слова по докладу А. А. Жданова, произнесенному через семь лет после съезда.

А в отчетном докладе на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б) 10 марта 1939 г. И. В. Сталин уточнял ситуацию, что этот гражданин жил в Советском государстве, которое прошло два этапа в своем развитии к моменту произнесения этих слов. Каковы же были перспективы этого нового и небывалого государства? Вождь отвечал так: «Со времени Октябрьской революции наше социалистическое государство прошло в своем развитии две главные фазы. Первая фаза – это период от Октябрьской революции до ликвидации эксплуататорских классов. Основная задача этого периода состояла в подавлении сопротивления свергнутых классов, в организации обороны страны от нападения интервентов, в восстановлении промышленности и сельского хозяйства, в подготовке условий для ликвидации капиталистических элементов. Сообразно с этим наше государство осуществляло в этот период две основные функции. Первая функция – подавление свергнутых классов внутри страны. Этим наше государство внешним образом напоминало предыдущие государства, функция которых состояла в подавлении непокорных,

с той, однако, принципиальной разницей, что наше государство подавляло эксплуататорское меньшинство во имя интересов трудящегося большинства, тогда как предыдущие государства подавляли эксплуатируемое большинство во имя интересов эксплуататорского меньшинства. Вторая функция – оборона страны от нападения извне...

Вторая фаза – это период от ликвидации капиталистических элементов города и деревни до полной победы социалистической системы хозяйства и принятия новой Конституции. Основная задача этого периода – организация социалистического хозяйства по всей стране и ликвидация последних остатков капиталистических элементов, организация культурной революции, организация вполне современной армии для обороны страны. Сообразно с этим изменились и функции нашего социалистического государства. Отпала – отмерла функция военного подавления внутри страны, ибо эксплуатация уничтожена, эксплуататоров нет больше и подавлять некого. Вместо функции подавления появилась у государства функция охраны социалистической собственности от воров и расхитителей народного добра...

Как видите, мы имеем теперь совершенно новое, социалистическое государство, не виданное еще в истории и значительно отличающееся по своей форме и функциям от социалистического государства первой фазы. Но развитие не может остановиться на этом. Мы идем дальше, вперед, к коммунизму. Сохранится ли у нас государство также и в период коммунизма? Да, сохранится, если не будет ликвидировано капиталистическое окружение, если не будет уничтожена опасность военных нападений извне, причем понятно, что формы нашего государства вновь будут изменены сообразно с изменением внутренней и внешней обстановки. Нет, не сохранится и отомрет, если капиталистическое окружение будет ликвидировано, если оно будет заменено окружением социалистическим» [3, с. 644–645].

После победы в войне стало ясно, что пережитки капитализма в сознании людей еще живы и встречаются в среде трудящихся отсталые элементы, нерадиво относящиеся к труду, посягающие на социалистическую собственность, проявляющие пережитки национализма. А среди отсталых элементов интеллигенции можно было встретить низкопоклонство перед буржуазной культурой. С. В. Михалков писал в том же 1946 г. в басне «Две подружки» о разговоре Крысы и Мыши:

«Мы знаем, есть еще семейки, где наше хаот и бранят, где с умилением глядят на заграничные наклейки... А сало... русское едят!» [4].

Считалось, что отсталые элементы среди служащих государственного аппарата проявляют бюрократическое отношение к нуждам и запросам трудящихся и советское общество не может успешно двигаться вперед, к коммунизму, без преодоления этих пережитков, задерживающих развитие. Получается, что дальнейшее движение вперед находится в прямой связи с коммунистическим воспитанием народа, с дальнейшим широким развитием социалистической культуры, с подъемом социалистической сознательности, идейности и организованности всех трудящихся страны.

Великое строительство, развернувшееся в нашей стране, требовало высокой сознательности, идейности и организованности от каждого советского гражданина, широкого размаха культурной и воспитательной работы. Значит, нужно было, чтобы каждый советский гражданин понимал политику партии и Советского государства и всеми силами добивался ее осуществления. «Социалистическое сознание, – подчеркивал А. А. Жданов, – ускоряет движение советского общества вперед, умножает источники его силы и могущества. Поэтому неуклонное повышение политического и культурного уровня народа составляет жизненную потребность советского строя. Победа Советского Союза в Отечественной войне во многом является плодом той воспитательной работы, которую вела партия в массах трудящихся, неустанно прививая нашей молодежи бодрость и уверенность в своих силах» [2].

Исключительное внимание партии и И. В. Сталина к вопросам идеологической работы является выражением решительной большевистской борьбы против буржуазных влияний на нашу культуру, науку, литературу, искусство, против проникновения в них элементов гнилого объективизма, низкопоклонства перед буржуазной культурой и наукой, безродного космополитизма, стремящегося помешать культивированию в советских людях советского животворного патриотизма, затормозить развитие социалистической культуры, принизить ее авторитет и ведущую роль. И. В. Сталин был вдохновителем всех решений партии по идеологическим вопросам. «Его глубоко интересует все, что двигает вперед науку и культуру нашей страны, что служит воспитанию нового человека в духе благородного социа-

листического гуманизма, в духе животворного, действенного советского патриотизма» [5].

Глубокий смысл решений партии по вопросам идеологической работы состоял в том, что, разоблачив попытки врагов помешать делу коммунистического воспитания народа, партия призывала деятелей литературы, искусства и науки повышать большевистскую партийность советской культуры, ее воспитательную силу и действенность. В свете общей основной задачи коммунистического воспитания встал вопрос о борьбе против влияний буржуазной идеологии и культуры, о борьбе с пережитками низкопоклонства перед культурой капиталистических стран, против проявлений идеологии буржуазного космополитизма в науке, литературе, искусстве.

Современные российские патриоты и творческие марксисты прекрасно осознают, что борьба за мировую гегемонию предполагала и включала в себя борьбу за то, что А. Грамши назвал «культурной гегемонией». Советский Союз рухнул прежде всего потому, что отказался от своего видения будущего и вписался в западную цивилизационную модель. Так, А. И. Фурсов, вспоминая свой разговор с бывшим премьер-министром Индии, говорит об актуальности борьбы с чуждыми враждебными влияниями: «В 2003 году я был на конференции в Родосе. Мы разговорились с бывшим премьер-министром Индии. И он мне сказал: „Знаете, мы никогда не допускали ту ошибку, которую вы допустили при Горбачеве. Мы никогда широко не пускали Голливуд на наши экраны, у нас есть Болливуд. И еще у нас есть много очень локальных таких фирм, крупных... Наше кино – это на сотни миллионов человек. Голливуд на кинорынке Индии представлен ограниченно, потому что Голливуд – это смысл... Вы сделали большую ошибку в 80-е годы“. То, что ушел Голливуд, очень хорошо. Вообще чем больше уходит отсюда гнили, тем лучше» [6].

Это понимают и китайские коммунисты, создавшие свой Халливуд. Они внимательно изучали труды западным обществоведов, историков и философов и, несомненно, обратили внимание на важное положение Ф. Броделя: «Цивилизация чаще всего отторгает любое культурное благо, которое угрожает одной из ее структур. Этот отказ заимствовать, эта скрытая враждебность относительно редки, но они всегда ведут нас в самое сердце цивилизации... На первый взгляд, каждая цивилизация походит на товарную станцию, которая только

и занимается тем, что принимает и отправляет самые разные грузы. Однако даже если ее об этом просят, цивилизация может упорно отказываться от того или иного дара извне. На это указал Марсель Мосс: не может существовать цивилизации, достойной так называться, если она что-то не отвергает, от чего-то не отказывается. При этом каждый раз отказ наблюдается после долгих колебаний и попыток ассимилирования. Будучи продуманным, сопровождаемый долгими сомнениями, такой отказ является чрезвычайно важным» [7, с. 58–59].

Похоже, и академические ученые новой России демократического выбора начинают верно отражать ситуацию о причинах распада СССР как особой цивилизации более высокого типа. Так, директор ИСПИ РАН, академик РАН Г. В. Осипов представляет книгу А. А. Сазонова «Кто и как уничтожил СССР? Архивные документы» вступительным словом: «В поисках судьбоносной истины». Он пишет: «То, что европейским лидерам давно не жалко России и ее народов, факт общеизвестный и неоспоримый. Еще бы! Россия и в качестве Древней Руси, и в качестве Новгородской республики, и будучи Великой Российской империей, и как Союз Советских Социалистических Республик, и являясь нынешней Российской Федерацией остается фактически единственным препятствием для непомерных захватнических амбиций совокупного европейского Запада, к которому с послевоенного периода присоединились и США, как в рамках военного блока НАТО, так и в искусственно создаваемой Атлантической цивилизационной общности. Россия, ее магистральная международная политика, ее народы, ее Армия и Флот всегда являлись и во многом до сих пор остаются единственными надежными гарантами независимости для сопротивляющихся западной гегемонии стран, весомым фактором, мешающим „золотому миллиарду“, исходя из своих интересов, раз за разом перекраивать политическую карту мира. У этой нелюбви Запада к России, нелюбви, густо замешанной на филистерском страхе перед пассионарным народом, чей дух обращен к трансцендентности и чурается унылой арифметики мещанского бытования, замешан на зависти карлика перед великаном, неблагодарной подлости неоднократно спасенного перед спасителем, на понимании несокрушимости самостоятельного народа, хозяином устроившегося на необъятной территории – кладовой полезных ископаемых, в этой нелюбви есть хотя бы зерна весьма специфической, но радио-

нальности. А как понять внезапный приступ нелюбви самих россиян к своей стране – СССР, стране, возрадившей, выпестовавшей их? Ведь как иначе объяснить поразительное равнодушие и попустительство, которыми подавляющее большинство советских людей встретило гибель СССР? Да и было ли это массовое помутнение рассудка в отношении к собственной стране внезапным? Разве мог бы пусть самый тщательно подготовленный, самый щедро профинансированный заговор внешних сил и внутренних советских диссидентов буквально в считанные дни до основания разрушить колосс СССР, если бы на защиту его решительно выступили народные массы? Ни в коей мере!» [8, с. 7].

В свое время «троцкистско-бухаринские предатели» были оценены как агенты империализма, ставившие своей целью реставрацию капитализма в нашей стране и низведение ее на уровень аграрного придатка империалистических государств. Они пытались посеять неверие у советских людей в свои силы, воспитать их на нигилистическом отношении к славным культурным и героическим традициям русского народа и других народов нашей страны. В 30-е гг. партией было заявлено, что для их подлых целей надо было отравить сознание трудящихся ядом безразличного отношения к судьбам своей родины, внушить советским людям мысль о превосходстве культурных и иных достижений» капиталистического Запада над достижениями нашей национальной культуры.

Большевистская партия разоблачила и разгромила этих лазутчиков империализма, воочию показала, для чего нужно было этим и иным фальсификаторам и провокаторам принижение великой самобытной роли русского и других народов нашей страны в строительстве мировой культуры и науки. Это позволило нам выдержать удар объединенного Запада и сохранить культурную гегемонию на протяжении большей части XX века.

А. И. Фурсов в связи с этим подчеркивает: «В XX веке, по крайней мере с 20-х по 60-е годы включительно, Советский Союз лидировал в сфере культурной гегемонии по целому ряду направлений. Речь шла о строительстве социально справедливого общества, и до конца 60-х годов западная интеллигенция (не только левая, но и либеральная) признавала приоритет Советского Союза в этой области. Кроме того, Советский Союз нес высокую культуру. Если посмотреть послевоен-

ное кино, театр, балет, это была очень мощная культура. Советское кино было альтернативой американскому кино. Однако в 70-е годы все это начинает ломаться. Финал – горбачевщина, принятие буржуазных ценностей под видом универсальных, то есть полная капитуляция в сфере культуры, принятие худших западных образцов массовой культуры. Вот это и есть финал схватки за культурную гегемонию. Советский Союз ее проиграл, так же как он проиграл холодную войну» [6]. Больше мы холодную войну не проиграем, на новое соглашение о сокращении наземных ракетных вооружений не пойдем, выстроим новую культурную гегемонию на новое столетие.

Список использованных источников

1. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – Москва: ИПЛ, 1969. – Т. 38. – 579 с. – Текст: непосредственный.
2. Жданов, А. А. 29-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции: Доклад на Торжеств. заседании Моск. совета 6-го ноября 1946 г. / А. А. Жданов. – Москва: Госполитиздат, – 1946. – 29 с. – Текст: непосредственный.
3. Сталин, И. В. Вопросы ленинизма / И. В. Сталин. Изд. 11. Москва: ГИПЛ, 1953. – 661 с. – Текст: непосредственный.
4. Басни Сергея Михалкова. – URL: <https://vsebasni.ru/mihalkov/dve-podrug.html> (дата обращения: 31.03.2023). – Текст: электронный.
5. Правда. – 1949. – 21 декабря. – Текст: непосредственный.
6. Фурсов, А. И. Мир на пути к зомби и «Планете обезьян». Россия как альтернатива глобальному проекту / А. И. Фурсов. – URL: https://zavtra.ru/blogs/mir_na_puti_k_zombi_i_planete_obez_yan_rossiya_kak_альтернатива_global_nomu_proektu (дата обращения: 31.03.2023). – Текст: электронный.
7. Бродель, Ф. Грамматика цивилизаций / Ф. Бродель. – Москва: Весь Мир, 2014. – 551 с. – Текст: непосредственный.
8. Осипов, Г. В. В поисках судьбоносной истины // Кто и как уничтожил СССР? Архивные документы. Проект «Аргументы истины» / А. А. Сазонов. – Москва: ИСПИ РАН, 2010. – 564 с. – Текст: непосредственный.

1.5. ЗАДАЧИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПРЕОДОЛЕНИИ ДЕМАГОГИИ О «СВОБОДЕ ПЕЧАТИ»

«Красногвардейская» атака на капитал завершилась победой над военным сопротивлением и саботажем. В новой полосе развития советская пресса была выдвинута в первый ряд институтов советского государства, призванных играть ведущую роль в организации масс и в коммунистическом воспитании трудящихся. Пресса была превращена из органа сенсаций в орудие экономического перевоспитания массы, и печать стала служить орудием социалистического строительства. Буржуазную прессу эксплуататорские классы стремились и стремятся представить свободным выразителем общественного мнения демократии. Но это лишь попытка выдать мнение буржуазии за мнение всего народа. На деле буржуазная печать провозглашает свободу, которая выражается в свободе защищать грабительскую политику капиталистов. Большевики могут гордиться тем, что дали впервые свободу печати от капиталистов и создали печать, которая целиком посвящена задачам борьбы против капитала. Создание новой советской печати явилось одним из первых шагов советской власти в области культурного строительства.

В самый интересный первоначальный период создания российской успешной модели социализма и диктатуры пролетариата – к весне 1918 г. социалистическая революция одержала крупные победы, а советская власть упрочилась. Аппарат буржуазной государственной власти был разрушен. Первые вооруженные выступления антисоветских сил против диктатуры пролетариата и активный саботаж чиновников были ликвидированы. Советская власть овладела важнейшими командными высотами в хозяйственной области. Период «красногвардейской атаки на капитал», как говорил В. И. Ленин, закончился победой: «Мы саботаж сломали. „Красногвардейская» атака на капитал была успешна, была победоносна, ибо мы победили и военное сопротивление капитала и саботажническое сопротивление капитала.

Значит ли это, что всегда уместна, при всяких обстоятельствах уместна «красногвардейская» атака на капитал, что у нас нет иных способов борьбы с капиталом? Думать так было бы ребячеством. Мы победили легкой кавалерией, но у нас есть и тяжелая артиллерия. Мы

побеждали методами подавления, мы сумеем побеждать и методами управления. Методы борьбы против врага надо уметь изменять, когда изменяются обстоятельства. Мы ни на минуту не откажемся от «красногвардейского» подавления господ Савинковых и Гегечкори, как и всяких других помещичьих и буржуазных контрреволюционеров. Но мы не будем так глупы, чтобы на первое место ставить «красногвардейские» приемы в такое время, когда эпоха необходимости красногвардейских атак в основном закончена (и закончена победоносно) и когда в дверь стучится эпоха использования пролетарскою государственною властью буржуазных специалистов для такого перепахивания почвы, чтобы на ней вовсе не могла расти никакая буржуазия» [1, с. 178].

В. И. Ленин здесь образно показывает, что это еще не эпоха, но историческая полоса эпохи, и именно она заканчивается: «Это – своеобразная эпоха, или, вернее, полоса развития, и, чтобы победить капитал до конца, надо уметь приспособить формы нашей борьбы к своеобразным условиям такой полосы» [1, с. 178].

Когда после заключения Брестского мира страна получила передышку, В. И. Ленин выдвинул перед партией новую задачу: переход от разрушения старого к строительству нового, к строительству фундамента социалистической экономики. В своем наброске плана В. И. Ленин выдвинул советскую прессу в первый ряд институтов Советского государства, призванных играть ведущую роль в организации масс на борьбу за построение фундамента социалистической экономики и в коммунистическом воспитании трудящихся. Уже один этот факт дает представление о том, как высоко В. И. Ленин оценивал значение советской прессы в жизни социалистического общества.

Основная мысль В. И. Ленина о печати, развитая в первоначальном наброске статьи «Очередные задачи Советской власти», сводится к тому, что советские газеты могут и должны сыграть в жизни социалистического государства выдающуюся роль. Им только мешает выполнить эту роль механическое использование приемов газетной работы старой буржуазной прессы. Капиталисты для укрепления своего политического господства кровно заинтересованы в том, чтобы отвлекать внимание народных масс от серьезных и коренных вопросов общественной жизни сенсациями и мелкими новостями из жизни политических деятелей. Советская пресса, подчеркивал

В. И. Ленин, уделяя непомерно много места и внимания мелочам политики и личным вопросам политического руководства, отвлекается от своей главной задачи, выдвинутой запросами жизни. В. И. Ленин ставит задачу: «...Превратить прессу из органа преимущественно сообщения политических новостей дня в серьезный орган экономического воспитания масс населения. Нужно будет добиться, и мы добьемся того, что пресса, обслуживающая советские массы, будет уделять меньше места вопросам о личном составе политического руководства, или о девятистепенных политических мероприятиях, составляющих обыденную деятельность, рутинную работу всех политических учреждений» [1, с. 146–147].

Это говорится в таком контексте: «Надо по возможности только иметь при этом в виду, что в буржуазном обществе одно из главных орудий общественного воспитания, именно – пресса, совершенно не исполняла своей задачи в рассматриваемой области. И до сих пор наша советская пресса в значительной степени находится еще под впечатлением старых привычек и старых традиций буржуазного общества. Это сказывается, между прочим, на том, что и наша пресса продолжает уделять, как и старая буржуазная пресса, непомерно много места и внимания тем мелочам политики, тем личным вопросам политического руководства, которыми капиталисты всех стран старались отвлекать внимание народных масс от действительно серьезных, глубоких и коренных вопросов их жизни. И в этом отношении нам предстоит еще почти заново решить задачу, для решения которой есть налицо все материальные предпосылки, нет только сознания необходимости этой задачи и готовности решить ее. Это, именно, задача – превратить прессу из органа преимущественно сообщения политических новостей дня в серьезный орган экономического воспитания масс населения» [1, с. 146].

Под «экономическим воспитанием масс населения» В. И. Ленин подразумевал борьбу за социалистическую организацию труда, воспитание новой, советской трудовой дисциплины, основанной на социалистическом отношении к труду. Вот почему В. И. Ленин говорил, что «на первое же место пресса должна будет ставить вопросы труда в их непосредственно практической постановке» [1, с. 147]. Для утверждения Советского государства, говорил В. И. Ленин, жизненно важно обратить внимание именно на организацию труда в отдель-

ных крупнейших предприятиях и деревенских общинах, предать эти вопросы гласности через печать, привлечь внимание широчайших слоев трудящихся к организации труда как к злостному и коренному вопросу всей общественной жизни.

В. И. Ленин писал: «...пусть у нас будет распространенная в сотнях тысяч и миллионах экземпляров печать, знакомящая все население с образцовой постановкой дела в немногих опережающих другие трудовых коммунах государства» [1, с. 147]. Задача налаживания социалистической организации производства на предприятиях, в деревенских общинах, в трудовых коммунах неразрешима без воспитания новой, советской дисциплины, дисциплины товарищеского сотрудничества, социалистически сознательного отношения работников к труду, без развёртывания социалистического соревнования на советских предприятиях. Опровергая буржуазных апологетов, В. И. Ленин доказывал, что именно социализм открывает простор для творческого соревнования личностей в интересах всего коллектива, что именно советские условия вполне благоприятствуют развёртыванию трудового соревнования. Второй составной частью задачи экономического перевоспитания масс, выдвинутой В. И. Лениным перед советской прессой, являлась организация и освещение социалистического соревнования.

Советские газеты должны использовать силу примера, поднять на щит и показать всей стране передовиков соревнования, научить трудящихся следовать хорошим, передовым образцам работы. Большая часть материала нашей советской печати, говорил В. И. Ленин, должна освещать опыт повышения самодисциплины трудящихся, повышения производительности труда, экономии человеческого труда и продуктов, освещать опыт умелого сотрудничества трудящихся со специалистами из буржуазной интеллигенции. «Мы должны превратить, – писал В. И. Ленин, – и мы превратим прессу из органа сенсаций, из простого аппарата для сообщения политических новостей, из органа борьбы против буржуазной лжи – в орудие экономического перевоспитания массы, в орудие ознакомления массы с тем, как надо налаживать труд по-новому» [1, с. 149].

Впервые в истории печатного слова перед прессой вставали столь большие и благодарные задачи. И это прежде всего связано с победой советской революции в нашей стране. Поставить перед собой такие

задачи и разрешить их могла только пресса социалистического государства, советская пресса, которая, по характеристике И. С. Сталина, выступает как «коллективный организатор в руках партии и Советской власти...», как «средство завязать связи с трудящимися массами нашей страны и сплотить их вокруг партии и советской власти...» [2, с. 283].

Обобщая конкретные задачи советской печати, В. И. Ленин в статье «Очередные задачи Советской власти», опубликованной в газете «Известия» 28 апреля 1918 г., выдвинул лозунг: «Печать должна служить орудием социалистического строительства...» [1, с. 192], который с тех пор является важнейшим ведущим лозунгом, определяющим работу советской прессы в условиях мирного строительства и творческого труда народов СССР. Деятельность В. И. Ленина в области печати в первые месяцы советского строя наложила глубокий отпечаток на всю советскую культуру и демократию, определила направление и генеральный путь развития советской прессы.

Большая часть сил и энергии В. И. Ленина, отданных им в тот период этой отрасли советской культуры, ушла на работу по разгрому контрреволюционной прессы. Этого требовали конкретно-исторические условия жизни, молодой Советской республики. Из принципиальных взглядов марксизма-ленинизма на старое буржуазное государство вытекала необходимость решительного слома его аппарата и всех важнейших институтов буржуазного общества.

Один из этих институтов – печать, которая хотя и не является непосредственной составной частью буржуазного государственного аппарата и даже пытается показать себя самостоятельным организмом, стоящим над этим аппаратом, тем не менее представляет собой один из самых деятельных проводников всех устремлений господствующей кучки магнатов капитала. И естественно поэтому, что В. И. Ленин призвал партию большевиков и рабочий класс России к решительной ломке этого буржуазного института в первые же дни революции, когда партия руководила борьбой масс по слому старой армии, полиции, аппарата министерств.

Деятельность В. И. Ленина, советского правительства и партии большевиков по ликвидации контрреволюционной прессы (как буржуазной, так и псевдосоциалистической) потребовала много сил и времени потому, что враги советской власти пользовались де-

магией о «чистом демократизме» печати, о «свободе печати» как главном признаке «истинно демократического» государственного строя. С другой стороны, в среде рабочих полиграфической промышленности больше, чем в каком-либо другом отряде рабочего класса России, сказалось влияние антисоветских мелкобуржуазных партий, в особенности в Москве и Петрограде.

Октябрьская социалистическая революция коренным образом изменила природу печати нашей родины. Буржуазную прессу власть имущие эксплуататорские классы во всём мире стремились и стремятся представить свободным выразителем общественного мнения демократии. Но это лишь попытка выдать мнение буржуазии за мнение всего народа, желание приукрасить буржуазную печать, вся «свобода» которой, как убедительно показал В. И. Ленин, выражается в свободе защищать корыстные интересы эксплуататоров и плутократов, оправдывать грабительскую политику капиталистов, воспевать буржуазные порядки, отравлять сознание народа грубыми измышлениями и тонкой ложью, развращать трудящихся буржуазной моралью.

Сколько бы ни старалась буржуазия представить буржуазную «свободу печати» истинно демократическим завоеванием, говорил В. И. Ленин, «...эта свобода есть обман, пока лучшие типографии и крупнейшие запасы бумаги захвачены капиталистами и пока остается власть капитала над прессой, которая проявляется во всем мире тем ярче, тем резче, тем циничнее, чем развитее демократизм и республиканский строй, как, например, в Америке» [3, с. 495].

Октябрьская социалистическая революция открыла возможность для создания подлинно народной, опирающейся на традиции большевистской печати, массовой советской прессы. Революция передала в распоряжение трудящихся лучшие типографии и крупнейшие запасы бумаги. В. И. Ленин полностью использовал эту возможность для строительства печати, честно и искренно служащей интересам трудового народа.

Руководящей линией создаваемой большевистской партией советской печати была установка В. И. Ленина о большевистской партийности и социалистической идейности пролетарской печати. То, что выдвигалось В. И. Лениным в 1905 г. в статье «Партийная организация и партийная литература» как задача ближайшего будущего,

стало воплощаться в жизнь в общегосударственном масштабе с первых дней победы Октябрьской революции.

В. И. Ленин рассуждает о «литературном деле»! Он пишет: «Литературное дело должно стать *частью* общепролетарского дела, „колесиком и винтиком“ одного-единого, великого социал-демократического механизма, приводимого в движение всем сознательным авангардом всего рабочего класса. Литературное дело должно стать составной частью организованной, планомерной, объединенной социал-демократической партийной работы.

„Всякое сравнение хромает“, – говорит немецкая пословица. Хромает и мое сравнение литературы с винтиком, живого движения с механизмом. Найдутся даже, пожалуй, истеричные интеллигенты, которые поднимут вопль по поводу такого сравнения, принижающего, омертвляющего, „бюрократизирующего“ свободную идейную борьбу, свободу критики, свободу литературного творчества и т. д., и т. д. По существу дела, подобные вопли были бы только выражением буржуазно-интеллигентского индивидуализма. Спору нет, литературное дело всего менее поддается механическому равнению, нивелированию, господству большинства над меньшинством. Спору нет, в этом деле, безусловно, необходимо обеспечение большего простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простора мысли и фантазии, форме и содержанию. Все это бесспорно, но все это доказывает лишь то, что литературная часть партийного дела пролетариата не может быть шаблонно отождествляема с другими частями партийного дела пролетариата. Все это отнюдь не опровергает того чуждого и странного для буржуазии и буржуазной демократии положения, что литературное дело должно непременно и обязательно стать неразрывно связанной с остальными частями частью социал-демократической партийной работы. Газеты должны стать органами разных партийных организаций. Литераторы должны войти непременно в партийные организации. Издательства и склады, магазины и читальни, библиотеки и разные торговли книгами – все это должно стать партийным, подотчетным» [4, с. 100–101].

Это было запланировано в 1905 г., а в 1917 г. советская печать стала защищать и пропагандировать интересы рабочих и крестьян, показывала величие их социалистического новаторства в строительстве новых форм общественной и государственной жизни. Трудящиеся

Советской России завоевали себе подлинную свободу печати, свободу печати в интересах подавляющего большинства, в целях построения социалистического общества. Эти завоевания были закреплены первой Советской Конституцией, принятой V Всероссийским съездом Советов в июле 1918 г. В пункте 14 Конституции говорилось: «В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы выражения своих мнений Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика уничтожает зависимость печати от капитала и предоставляет в руки рабочего класса и крестьянской бедноты все технические и материальные средства к изданию газет, брошюр, книг и всяких других произведений печати и обеспечивает их свободное распространение по всей стране» [5, с. 244].

В. И. Ленин придавал серьезнейшее значение тому факту, что Советской республике по инициативе и при руководящем участии большевиков удалось уничтожить буржуазную свободу печати и создать подлинно свободную, советскую печать. В. И. Ленин говорил, что большевики могут гордиться «и они гордятся тем, что дали впервые свободу печати от капиталистов, что они в первый раз в громадной стране создали печать, которая не зависит от горстки богатых и миллионеров, – печать, которая целиком посвящена задачам борьбы против капитала...» [6, с. 134].

Эти слова употребляются в знаменательном контексте: «Свобода печати в капиталистическом обществе – это значит свобода торговать печатью и воздействием на народные массы. Свобода печати – это содержание прессы, могущественнейшего орудия воздействия на народные массы, на счет капитала. Вот что такое свобода печати, которую большевики разрушили, и они гордятся тем, что дали впервые свободу печати от капиталистов, что они в первый раз в громадной стране создали печать, которая не зависит от горстки богатых и миллионеров, – печать, которая целиком посвящена задачам борьбы против капитала, и этой борьбе мы должны подчинить все. В этой борьбе передовой частью трудящихся, их авангардом может явиться только рабочий пролетариат, могущий вести бессознательные крестьянские массы» [6, с. 134].

Далее он говорит в этой речи на Первом съезде работников просвещения: «Когда нас упрекают в диктатуре одной партии и предлагают, как вы слышали, единый социалистический фронт, мы говорим:

„Да, диктатура одной партии! Мы на ней стоим и с этой почвы сойти не можем, потому что это та партия, которая в течение десятилетий завоевала положение авангарда всего фабрично-заводского и промышленного пролетариата. Это та партия, которая еще до революции 1905 года это положение завоевала. Это та партия, которая в 1905 году оказалась во главе рабочих масс, которая с тех пор и во время реакции после 1905 года, когда, при существовании столыпинской Думы, с таким трудом возобновилось рабочее движение, – эта партия слилась с рабочим классом, и она одна только могла вести его на глубокое и коренное изменение старого общества“. Когда нам предлагают единый социалистический фронт, мы говорим: это предлагают партии меньшевиков и эсеров, которые проявляли в течение революции колебания в пользу буржуазии» [6, с. 134].

Это завоевание советского строя явилось не только предметом национальной гордости советских людей, но и важнейшим отличительным признаком социалистического демократизма нашей страны, оружием разоблачения буржуазной демократии, грязной и продажной прессы капиталистического мира. Создание новой советской печати явилось одним из первых шагов советской власти в области культурного строительства. То, что завоевано советским народом в области печати в первые месяцы после Октябрьской революции под руководством большевистской партии, В. И. Ленина, легло краеугольным камнем в фундамент социалистической культуры.

Список использованных источников

1. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – Москва: ИПЛ, 1974. – Т. 36. – 740 с. – Текст: непосредственный.
2. Сталин, И. В. Сочинения / И. В. Сталин. – Москва: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1947. – Т. 5. – 441 с.
3. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – Москва: ИПЛ, 1969. – Т. 37. – 748 с. – Текст: непосредственный.
4. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – Москва: ИПЛ, 1968. – Т. 12. – 575 с. – Текст: непосредственный.
5. Кукушкин, Ю. С. Очерк истории Советской Конституции / Ю. С. Кукушкин, О. И. Чистяков. – 2-е изд., доп. – Москва: Политиздат, 1987. – 364 с. – Текст: непосредственный.
6. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – Москва: ИПЛ, 1970. – Т. 39. – 623 с. – Текст: непосредственный.

1.6. План привлечения художественной интеллигенции на службу народу и художественная политика старого социализма: проблема государственного заказа

Ленинский план монументальной пропаганды повлиял на всю общественную и культурную жизнь советской страны и ознаменовал коренной перелом во взаимоотношениях государства и работников искусства. Советское государство декретом об увековечивании памяти великих людей в произведениях скульптуры заявило о намерении проводить художественную политику, способствующую укреплению советского строя, и художественная интеллигенция страны впервые встретила с регулирующей ролью Советского государства в области искусства. Задача служения трудящимся, вопрос о непосредственной увязке художественного творчества с борьбой народа и участия в социалистическом строительстве не получили полного понимания даже со стороны лучших представителей руководства большевиков. Это непонимание хода исторического процесса было основано на том, что в условиях переходного периода от капитализма к социализму интеллигенция не могла быть социально однородной. Ее лучшая часть пошла с революцией, с народом, трудилась на благо рабочих и крестьян.

К первой годовщине Октябрьской революции благодаря заботам В. И. Ленина, его энергии и систематическому контролю за Наркомпросом, Комиссариатом имуществ и Президиумом Моссовета были достигнуты первые скромные успехи в реализации ленинского плана монументальной пропаганды, тесно связанной с общим планом построения социализма. Осуществление этого плана было основным содержанием работы мастеров изобразительного искусства за весь период Гражданской войны. Отметим, что большая часть памятников, предусмотренных этим планом, была установлена в 1919–1922 гг.

Каковы же итоги выполнения ленинского плана монументальной пропаганды за период первых месяцев советской власти? Прежде всего необходимо отметить его огромное влияние на общественную жизнь Советской страны вообще, культурную в частности и на деятельность художественной интеллигенции в особенности.

Он знаменовал собой коренной перелом во взаимоотношениях государства и работников искусства. Советское государство декретом об увековечивании памяти великих людей в произведениях скульптуры заявило о своём твёрдом намерении проводить художественную политику, способствующую укреплению советского строя. Десятки скульпторов, их профессиональные и творческие объединения в Москве и Петрограде, активно обсуждая задание Наркомпроса, размышляя над путями воплощения своих замыслов, прежде всего должны были исходить и исходили из того факта, что они получили этот заказ от Советского государства, которое уже в первые месяцы своего существования принимается за художественные работы огромного масштаба. Именно в связи с ленинским планом монументальной пропаганды художественная интеллигенция нашей страны впервые встретилась в прямой форме с регулирующей ролью Советского государства в области искусства.

Многочисленный отряд художественной интеллигенции, приступив к огромной работе по инициативе председателя Совнаркома т. Ленина, как писала Московская художественная коллегия, ставил своей задачей возможно наискорейшее и наихудожественное выполнение идеи т. Ленина. Это обстоятельство оказывало прямое идейно-политическое влияние на художественную интеллигенцию, не могло не найти своего глубокого отражения на методе ее творчества, на ее философских и эстетических взглядах. Всякий добросовестный художник, принимая на себя задачу созидания монументов по заказу советского правительства, не мог не понимать, что успех его творчества теперь будет зависеть в значительной мере от того, как он поймет замысел В. И. Ленина, стремления советской власти, природу нового строя в целом. Ленинский план монументальной пропаганды привлек внимание художественной интеллигенции к идее советской государственности, поставил перед ней вопрос о руководящей роли социалистического государства в определении общих основ и направления художественной политики.

Своим планом монументальной пропаганды В. И. Ленин ставил перед деятелями искусства задачу служения трудящимся, непосредственной увязки художественного творчества с борьбой народа и участия в социалистическом строительстве. Страна ждала от скульпторов, художников, по выражению ленинского декрета,

произведений, отражающих идеи и чувства революционной, трудовой России.

Доктор Дитрих Байрау, профессор Франкфуртского университета им. Иоганна Вольфганга Гёте, в предисловии к книге «Литературный фронт. История политической цензуры 1932–1946 гг. Сборник документов» пишет: «...для партии, которая не в последнюю очередь с помощью силы, в истинном смысле этого слова „подавляющей“ риторики, пришла к власти, слово стало „оружием“. Оно приобрело то же значение, что и револьвер или пулемет. Так, например, высказывался А. Луначарский в 1921 году. „Ядом“ для масс может служить не только вражеская пропаганда, но и художественная литература. Их следовало от этого защищать» [1, с. 3].

Вопрос Н. И. Бухарина, заданный им еще в 1924 г.: «Какое Политбюро от дворянства давало директивы Пушкину, когда он писал стихи?», говорил о непонимании лучшими из большевиков хода исторического процесса – подъема от стихийности ранних классовых обществ к управляемой цивилизации трудящихся. В ленинском «Письме к съезду» отмечалось: «Из молодых членов ЦК хочу сказать несколько слов о Бухарине и Пятакове. Это, по-моему, самые выдающиеся силы (из самых молодых сил), и относительно их надо бы иметь в виду следующее: Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии, но его теоретические воззрения с очень большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)» [2, с. 345]. Именно незнание диалектики, что особо ценно было для В. И. Ленина, не позволило Н. И. Бухарину понять сущность нового социального заказа трудящихся масс художникам.

Западные буржуазные авторы этот заказ поняли как ждановщину – явление, возникшее через четверть века после возникновения ленинского плана монументальной пропаганды. Автор предисловия немецкий профессор пишет: «„Ждановщина“, согласно представленным в сборнике документам, вызрела не столько из желания соорудить внутренний фронт отпора в условиях холодной войны, сколько из господствующего в западной литературе его толкования. Она появилась скорее как часть политических интриг в сферах власти и как

изначально сомнительная попытка вырваться из дилеммы, которая состоит в том, что нельзя, как того требовали политико-идеологические установки партии, достичь совершенства в управлении литературным процессом. Творчество все-таки остается сугубо индивидуальным делом. Если же его не удастся поставить на промышленный поток, стандартизировать, то виновной в этом всегда оказывается партия, ошибочным – выбор ею инструмента воздействия на литературный процесс. „Ждановщина“ оказалась попыткой реализовать идеал такого искусства и литературы, которыми целиком дирижует партия. Этого она усердно требовала начиная с двадцатых годов. Результаты этой партийно-бюрократической оргии известны. Даже те из художников и литераторов, которые подчинились авторитету партийного руководства и стремились освободиться от него, заплатили потерей своих творений. Партия, правда, в результате обеспечила себе командные высоты в литературе и искусстве, но управляла она беспорядочным нагромождением, состоявшим из страха, скуки и однообразия» [1, с. 4]. Какой стиль западного автора, который воспроизводили в своих текстах советские диссиденты много лет! И какое непонимание социального заказа трудящихся своей художественной интеллигенции как органической части своего народа. В первую очередь трудящихся.

Составитель архивных документов Л. Бабиченко в разделе «От составителя» пишет в обращении к читателям: «В последнее время сюжеты под общим заголовком „Художник и власть“ обретают документальную основу. Многочисленные публикации, повествующие о гонениях на творческую интеллигенцию, методах политической цензуры, свидетельствуют о неослабевающем внимании читательской аудитории к этой теме. В то же время большой комплекс материалов остается пока неизвестным. Публикация ранее секретных архивных материалов позволит расширить представление о некоторых закулисных „мероприятиях“ сталинской идеологической машины на „литературном фронте“» [3, с. 5].

Таким образом, ленинский план монументальной пропаганды был первым государственным мероприятием, определяющим основные требования Советского государства к творчеству работников искусства, требования социалистической идейности и народности. А это означало конкретизацию и дальнейшее развитие ленинской

идеи большевистской партийности, привлечение художников к обслуживанию нужд миллионных масс народа, художественное воплощение идей и чувств рабочих и крестьян революционной России.

Задание В. И. Ленина не могло быть выполнено старыми методами художественного творчества. Гошистские влияния среди скульпторов во многом препятствовали полноценному и своевременному выполнению государственных заказов на монументы. Но в том-то и значение ленинского плана монументальной пропаганды, что он заставил художников, их творческие объединения, государственные организации, ведающие выполнением плана, задумываться над методом художественного творчества, способным отобразить народность и социалистическую идейность в произведениях искусства. Ленинский план монументальной пропаганды впервые поставил перед художественной интеллигенцией страны большие вопросы о поисках стиля изобразительного искусства, созвучного советской эпохе. И первые шесть месяцев выполнения ленинского плана замечательны не столько конкретными результатами творчества тех или иных художников, сколько общей концентрацией сил, мобилизацией внимания творческой интеллигенции на решение задач искусства в советскую эпоху, жаркими опорами и дискуссиями вокруг проектов и моделей монументов по принципиальным вопросам художественного стиля. Такова творческая положительная сторона работы по выполнению ленинского плана монументальной пропаганды за апрель – октябрь 1918 г.

Другая сторона итогов шестимесячного периода работы над выполнением плана В. И. Ленина касается организационных вопросов, порядка руководства делом со стороны органов Наркомпроса. Безусловно, работа Наркомпроса затруднялась серьезными объективными причинами. У многих художников не было помещений для работы, не хватало материалов, трудны были материально-бытовые условия жизни. Большим препятствием были сильные ультралевые влияния среди скульпторов, которым к тому же Наркомпрос не сумел противопоставить твердую линию реалистического искусства.

Но если сооружение новых Монументов представлялось делом трудным и требовало больших сроков, то задержку в разборе старых памятников и установлении мемориальных досок с цитатами и изречениями следует отнести полностью на счет слабой работы

Наркомпроса и его руководителя; ими было проявлено неумение организовать оперативный контроль над выполнением специального государственного задания, известное сопротивление широкому плану монументальной пропаганды.

Значение ленинского плана монументальной пропаганды чрезвычайно велико не только в аспекте истории Советского государства и культуры. Он имеет непреходящее значение в формировании основ социалистической эстетики, является серьезным шагом вперед в развитии лозунга партийности искусства, его конкретизацией в условиях советской государственности. Он является планом привлечения художественной интеллигенции на службу народу, использования искусства для социалистического просвещения народа. Он имеет, наконец, крупное практическое значение для советского градостроительства.

Все мероприятия в области искусства Советское государство в первые месяцы своего существования проводило в тяжелой обстановке разрухи в результате империалистической войны и саботажа большей части старой интеллигенции, а в дальнейшем – в условиях гражданской войны. Но, несмотря на это, Советское государство находило возможным направлять силы и средства на восстановление поврежденных исторических и культурных памятников и произведений искусства.

В. И. Ленин стоял в центре этой громадной работы. Его указания и советы касались всего процесса перераспределения культурных ценностей: национализации художественных собраний и библиотек, учета, охраны и реставрации памятников искусства и старины. Развернувшаяся Гражданская война задержала завершение процесса национализации на ряд лет.

Максимальное использование всех прогрессивных культурных завоеваний прошлого для создания новой, социалистической культуры – вот что прежде всего сказалось в политике В. И. Ленина в области искусства, как и во всем культурном строительстве.

Исторические документы (протоколы Совнаркома, правительственные постановления и декреты, ленинские произведения, письма и записи) свидетельствуют о необычайно разнообразном круге вопросов из области искусства, которыми занимался В. И. Ленин как глава правительства.

В. И. Ленин давал принципиальные указания руководству Наркомпроса о художественной политике Советской власти. Он заботился о подготовке новых кадров и материальном обеспечении художественной интеллигенции. С его именем связаны важнейшие государственные мероприятия, положившие основу советскому музейному делу, театру и кино.

Замечательная ленинская идея монументальной пропаганды средствами искусства вошла в советскую культуру не только как умелое использование воспитательной и организующей роли искусства, но и как один из первых шагов нового, советского общества на пути выработки метода социалистического реализма.

Изучение ленинских работ, относящихся к 1918 г., а также ленинских государственных документов (подписанных им декретов и пр.) по разнообразным вопросам культурного строительства показывает, что все эти высказывания и государственные мероприятия В. И. Ленина были не случайными экскурсами в область культуры. Они явились выражением определенной, глубоко теоретически и практически обоснованной системы мероприятий по культурному строительству на основе социалистической государственности. Эта система мероприятий составляла органическую часть общего начертанного в знаменитой работе «Очередные задачи Советской власти» (апрель 1918 г.) ленинского плана начала социалистического строительства. В. И. Ленин в этой своей работе осветил вопросы создания новых производственных отношений, повышения производительности труда и воспитания социалистической трудовой дисциплины, организации учета и контроля – те стержневые вопросы, которые составляли «душу» эпохи.

В. И. Ленин не мыслил разрешения этих важнейших государственных задач без самого широкого развертывания культурно-просветительной и воспитательной работы и развития всей культуры народа. Поэтому мы находим в работе В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти» и в других статьях этого периода («Как организовать соревнование?», «Набросок плана научно-технических работ» и др.) высказывания о целях и задачах культурной работы Советского государства на новом этапе.

О наличии у В. И. Ленина определенной, глубоко продуманной системы мероприятий в области культуры свидетельствуют прежде

всего умелое выделение им ведущих, узловых задач, от решения которых зависела дальнейшая судьба культурного строительства, и присутствующее В. И. Ленину мастерское соподчинение деятельности во всех областях культуры единой цели общегосударственного строительства.

Среди этих узловых задач культурного строительства выделяются широкая просветительная и культурно-воспитательная работа в народе, повышение его политической и общей грамотности и культурности; выращивание новых кадров из среды рабочих и крестьян и выдвижение их на руководящую работу; использование буржуазной интеллигенции в многообразной деятельности Советского государства; строительство новой, советской школы; мобилизация науки на службу социалистического строительства.

Укрепление Советского государства в решающей мере зависело от того, насколько пролетариат и беднейшее крестьянство найдут в себе силы для управления страной, смогут выделить из своей среды руководящие кадры на организаторскую работу во всех областях государственной, хозяйственной и культурной жизни.

Основная трудность разрешения этой задачи состояла в том, что рабочие и крестьяне до Октябрьской революции не имели организационного опыта. Вековые устои царской России не только не предоставляли трудящимся возможности приобрести такой опыт, но и создавали в массах неуверенность в своих силах, прививали им робость.

В. И. Ленин поставил задачу разбить дикий и нелепый предрассудок, будто организационной работой могут заниматься лишь представители эксплуататорских классов. Надо, писал В. И. Ленин в статье «Как организовать соревнование?», убедить массы в полной доступности для трудящихся организационной работы, укрепить веру масс в свои силы и развить почин рабочих и крестьян в деле организационного творчества.

В статье «Очередные задачи Советской власти» В. И. Ленин подчеркивал: «Организаторских талантов в „народе“, т. е. среди рабочих и не эксплуатирующих чужого труда крестьян, масса; их тысячами давил, губил, выбрасывал вон капитал, их не умеем еще найти, ободрить, поставить на ноги, выдвинуть – мы. Но мы этому научимся, если примемся – со всем революционным энтузиазмом, без которого не бывает победоносных революций, – учиться этому.

Ни одно глубокое и могучее народное движение в истории не обходилось без грязной пены – без присасывающихся к неопытным новаторам авантюристов и жуликов, хвастунов и горлопанов, без нелепой суматохи, бестолочи, зряшной суетливости, без попыток отдельных «вождей» браться за 20 дел и ни одного не доводить до конца» [4, с. 193].

Советская демократия предоставляла возможность для выдвижения из народа инициативных людей и выращивания из них организаторов нового, социалистического строя.

«Рабочие и крестьяне еще недостаточно верят в свои силы, они слишком привыкли, в силу вековой традиции, ждать указки сверху. Они еще не вполне освоились с тем, что пролетариат есть класс господствующий, в их среде есть еще элементы, которые запуганы, придавлены, воображают, что они должны пройти гнусную школу буржуазии. Этот гнуснейший из буржуазных предрассудков дольше всего держался, но он гибнет, и он погибнет до конца. И мы убеждены в том, что с каждым шагом Советской власти будет выделяться все большее и большее количество людей, освободившихся до конца от старого буржуазного предрассудка, будто не может управлять государством простой рабочий и крестьянин. Может и научится, если возьмется управлять! (Аплодисменты.)

Организационной задачей и будет задача выделения из народных масс руководителей и организаторов. Эта громадная, гигантская работа стоит теперь на очереди дня. Ее нельзя было бы и думать выполнить, если бы не было Советской власти, отцеживающего аппарата, который может выдвигать людей» [5, с. 276].

Развязывание творческой инициативы трудящихся, выращивание из их среды кадров новой интеллигенции явились серьезным фактором нарождающейся социалистической культуры. Но трудящимся не хватало конкретных знаний, опыта, культурности, и В. И. Ленин призывал их к овладению культурой. В этих условиях использование буржуазных специалистов являлось второй стороной той же проблемы создания новых кадров. И можно видеть, как В. И. Ленин вновь и вновь обращал внимание партии и рабочего класса на необходимость максимального использования буржуазной интеллигенции как живой носительницы накопленного культурного опыта. Выступая в конце апреля 1918 г. на заседании ВЦИК с докладом об очеред-

ных задачах советской власти, В. И. Ленин говорил, что без привлечения буржуазных специалистов к социалистическому строительству не может быть ни хозяйственного развития, ни выращивания кадров интеллигенции из народа.

Ленинская политика выдвижения на руководящую организационную работу наиболее талантливых и способных представителей из рабочих и крестьян была единственно правильной политикой государственного и культурного строительства. Выдвижение представителей масс на руководящую работу было немыслимо без систематического подъема их культурного уровня и социалистического перевоспитания. И здесь В. И. Ленин вновь дал образец конкретной постановки вопроса о культурной работе в тесной связи с общегосударственными задачами.

Ю. С. Кукушкин и О. И. Чистяков пишут в работе об истории советских конституций, что в Конституции 1918 г. есть одна важная для нашего анализа особенность – в ней не упоминается интеллигенция: «Конституция прямо не говорит об интеллигенции» [6, с. 14].

«Однако смысл статей 7, 10 и других позволяет сделать вывод об отношении Советской власти к ней. Статья 7 четко делит все общество на трудящихся и эксплуататоров, давая власть в руки первых и лишая ее вторых.

В условиях переходного от капитализма к социализму периода интеллигенция не могла быть однородной. Ее лучшая часть пошла с революцией, с народом, трудилась на благо рабочих и крестьян, была, следовательно, трудовой интеллигенцией, то есть вполне могла относиться к трудящимся» [6, с. 14].

Список использованных источников

1. Байрау, Д. Предисловие / Д. Байрау // Литературный фронт. История политической цензуры 1932–1946 г. Сборник документов. – Москва: Энциклопедия российских деревень, 1994. – 273 с. – Российский Центр Хранения и Изучения Документов Новейшей Истории. Ассоциация Исследователей Российского Общества XX века. – (Серия «Первая публикация» под редакцией Г. А. Бордюгова). – С. 3–4. – Текст: непосредственный.
2. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – Москва: ИПЛ, 1975. – Т. 45. – 729 с. – Текст: непосредственный.

Глава 1. Социализм как новое общество России

3. Бабиченко, Л. От составителя / Л. Бабиченко // Литературный фронт. История политической цензуры 1932–1946 г. Сборник документов. – Москва: Энциклопедия российских деревень, 1994. – 273 с. – Российский Центр Хранения и Изучения Документов Новейшей Истории. Ассоциация Исследователей Российского Общества XX века. – (Серия «Первая публикация» под редакцией Г. А. Бордюгова). – С. 5–7. – Текст: непосредственный.

4. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – Москва: ИПЛ, 1974. – Т. 36. – 740 с. – Текст: непосредственный.

5. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – Москва: ИПЛ, 1974. – Т. 35. – 600 с. – Текст: непосредственный.

6. Кукушкин, Ю. С. Очерк истории Советской Конституции / Ю. С. Кукушкин, О. И. Чистяков. – 2-е изд., доп. – Москва: Политиздат, 1987. – 364 с. – Текст: непосредственный.

Глава 2. КУЛЬТУРА НАРОДОВ И СОЦИАЛИЗМ

2.1. ОХРАНА КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ И ЛЕНИНСКИЙ ПЛАН СОВЕТСКОЙ МОНУМЕНТАЛЬНОЙ ПРОПАГАНДЫ

Декрет Совнаркома «Об охране предметов старины и искусства, принадлежащих польскому народу» и декрет «Об эвакуированных и вывезенных из пределов Литвы государственных, общественных и частных учреждениях, заведениях, имуществе, капиталах» предполагали возвращение народам предметов искусства и культурных ценностей. С другой стороны, русский народ создавал советскую культуру. В. И. Ленина занимала идея монументальной пропаганды и художественного оформления советских городов памятниками и надписями на зданиях, пропагандирующими идею социализма, закрепляющими в памяти народа образы великих деятелей культуры. Ленинский план монументальной пропаганды отличался полнотой и гармоничной завершенностью, но необходимо было сопоставить план монументальной пропаганды с ленинским планом перехода к социалистическому строительству. Широкий план использования искусства в целях строительства новой жизни, воспитания и просвещения трудящихся, приобщения народа к культурному наследию предшествовавших поколений на практике был реализован с большим трудом и преодолением непонимания и сопротивления Наркомпроса.

Первым серьезным мероприятием Советской власти в области охраны памятников культуры был декрет Совнаркома «Об охране предметов старины и искусства, принадлежащих польскому народу». До революции, в период Мировой войны и особенно во время отступления царской армии, из Польши в северо-западные губернии России было вывезено много предметов искусства и старины, имевших исключительную художественную или историческую ценность для польского народа. В. И. Ленин считал, что ценности, вывезенные из Польши в Россию, принадлежат польскому народу, должны быть сохранены

Советской республикой и переданы в национальную собственность польскому народу. В этом сказывались гуманизм национальной политики Советской власти и глубокое уважение В. И. Ленина к национальным чувствам народов.

19 января 1918 г. декрет Совнаркома «Об охране предметов старины и искусства, принадлежащих польскому народу» был опубликован за подписью В. И. Ленина. «Предметы старины и искусства, – говорилось в декрете в первом пункте, – библиотеки, архивы, картины и вообще музейные предметы, где бы они ни находились, принимаются, как национальная собственность польского народа, под охрану власти Рабочего и Крестьянского Правительства в лице Комиссариата по польским делам и „Общества охранения древностей“ до передачи их польским народным музеям» [1].

Декрет обязывал местные Советы оказывать полное содействие в охране и при перевозках польских культурных ценностей. Практическое выполнение декрета было возложено на Наркомнац и Наркомпрос. Работники этих наркоматов и местных органов власти, а также представители научной и художественной общественности республики провели большую работу по учету и организации охраны культурных и художественных ценностей польского народа. Декрет подписали председатель Совета народных комиссаров *Вл. Ульянов (Ленин)*, народный комиссар по просвещению *А. В. Луначарский*, комиссар по Польским национальным делам *Ю. Лецинский*, народный комиссар по внутренним делам *Г. Петровский*, управляющий делами Совета народных комиссаров *В. Бонч-Бруевич*.

Летом 1918 г. ленинское указание о возвращении польскому народу национального достояния стало проводиться в жизнь. 20 июня Наркомпрос принял постановление «О возвращении польскому трудовому народу эвакуированного из Польши культурного, художественного, научного и исторического достояния». В постановлении первым пунктом сказано: «Все предметы старины, искусства и науки, как-то: коллекции, картины, исторические документы, архивы, церковные колокола и утварь, старинная мебель и проч., эвакуированные во время войны из Польши, подлежат немедленно возврату польскому трудовому народу и переходят со дня опубликования настоящего постановления в ведение Комиссариата по польским делам» [2].

19 ноября 1918 г. В. И. Ленин подписал утвержденный Совнаркомом декрет «Об эвакуированных и вывезенных из пределов Литвы государственных, общественных и частных учреждениях, заведениях, имуществе, капиталах и т. п.» [3]. По этому декрету Литве, отделившейся от Советской России, передавалось имущество, эвакуированное в силу военных обстоятельств и вывезенное по политическим соображениям из Литвы, независимо от времени вывоза. Среди возвращенного имущества находились также предметы искусства и культурные ценности, имеющие историческое значение.

Проведение этих мероприятий потребовало больших усилий как от аппарата Советского государства, так и от общественности. Отчет Комиссариата имуществ Совнаркому, представленный Наркомпросом в августе 1918 г., отмечал: «Особую сложность уже начатой работы представляют взятие на учет, охрана и передача национальных художественных, художественно-исторических, исторических и других имуществ Польши, Литвы и Белоруссии. В смысле установления общих положений и определенных отношений с Польским Комиссариатом дело подвинулось далеко вперед, и ныне начата уже практическая работа по применению этих положений на деле» [4].

Таким образом, русский народ сберег от немецких грабителей величайшие национальные культурные и исторические ценности Польши и передал их польскому народу в полной сохранности. Последовательно осуществляя ленинско-сталинскую национальную политику, советское правительство передало всем отделившимся от Советской России национальностям их культурно-исторические ценности.

С другой стороны, русский народ создавал советскую культуру. Известно, что В. И. Ленина занимала идея монументальной пропаганды, т. е. художественного оформления советских городов (и в первую очередь Москвы и Петрограда) памятниками, барельефами и надписями на зданиях, пропагандирующими идею социализма, увековечивающими героическую освободительную борьбу трудящихся против угнетателей, закрепляющими в памяти народа образы великих деятелей культуры. Он высказал свои соображения по этому поводу наркому просвещения А. В. Луначарскому весной 1918 г.

В. И. Ленин подробно развил мысль о значении пропаганды средствами искусства, наметил целую программу практических меропри-

ятий по выполнению своего плана, высказал конкретные предложения, позволяющие с уверенностью приступить к делу. Сопоставление воспоминаний А. В. Луначарского с документами (протоколами СНК и др.), в которых отображена практическая деятельность по выполнению ленинского плана, позволяет сделать вывод, что беседа В. И. Ленина с А. В. Луначарским на тему о монументальной пропаганде состоялась после переезда правительства в Москву, между 15 марта и 8 апреля 1918 г.

А. В. Луначарский так сообщает об этом разговоре с В. И. Лениным, который сказал: «Давно уже передо мною носилась эта идея, которую я вам сейчас изложу. Вы помните, что Кампанелла в своем „Солнечном государстве“ говорит о том, что на стенах его фантастического социалистического города нарисованы фрески, которые служат для молодежи наглядным уроком по естествознанию, истории, возбуждают гражданское чувство, – словом, участвуют в деле образования, воспитания новых поколений. Мне кажется, что это далеко не наивно и с известным изменением могло бы быть нами усвоено и осуществлено теперь же» [5].

А. В. Луначарский так оценил это предложение: «По правде сказать, я страшно заинтересовался этим введением Владимира Ильича. Во-первых, действительно вопрос о социалистическом заказе художникам остро меня интересовал. Средств для этого не было, и мои обещания художникам о том, как много они выиграют, перейдя от службы частного рынка на службу культурного государства, естественно, повисли в воздухе. К тому же использовать искусство для такой огромной цели, как воспитательная пропаганда наших великих идей, это сразу показалось мне крайне заманчивым» [5].

В. И. Ленин тогда говорил о содержании надписей и характере произведений скульптуры, которыми надлежит украсить площади и главные улицы Москвы и Петрограда. Краткие и выразительные надписи должны напоминать об основных принципах и лозунгах марксизма, давать в четких формулировках оценки великих исторических событий, которые следует закрепить в памяти народа.

В. И. Ленин поручал составить список предшественников социализма, борцов за революцию и корифеев культуры, образы которых следовало отобразить в произведениях скульптуры, в бюстах, целых фигурах, группах, барельефах. Он предупреждал о неосуществимых

планах создания произведений из гранита, мрамора и использования золотых букв для надписей, предлагал, учитывая скудость средств у молодого государства, изготавливать памятники и памятные доски из гипса и бетона.

Важно, предупреждал В. И. Ленин, выбрать видное место для установления памятника, чтобы он был доступен народу, обращал на себя внимание, будил мысль, напоминал о героических событиях и выдающихся творцах культуры и революционной борьбы. Важнейшей частью монументальной пропаганды должна служить массовая работа при открытии таких памятников, проведение митингов, на которых разъяснялась бы историческая роль людей, память которых увековечивается социалистическим государством.

А. В. Луначарский изложил эти мысли В. И. Ленина так: «А Владимир Ильич продолжал: Я назвал бы то, о чем я думаю, монументальной пропагандой. Для этой цели вы должны сговориться на первый срок с Московским и Петербургским Советами, в то же время вы организуете художественные силы, выберете подходящие места на площадях. Наш климат вряд ли позволит фрески, о которых мечтает Кампанелла. Вот почему я говорю главным образом о скульпторах и поэтах. В разных видных местах на подходящих стенах или на каких-нибудь специальных сооружениях для этого можно было бы разбросать краткие, но выразительные надписи, содержащие наиболее длительные коренные принципы и лозунги марксизма, также, может быть, крепко сколоченные формулы, дающие оценку тому или другому великому историческому событию. Пожалуйста, не думайте, что я при этом воображаю себе мрамор, гранит и золотые буквы. Пока мы должны все делать скромно. Пусть это будут какие-нибудь бетонные плиты, а на них надписи возможно более четкие. О вечности или хотя бы длительности я пока не думаю. Пусть все это будет временно.

Еще важнее надписей я считаю памятники: бюсты или целые фигуры, может быть, барельефы, группы.

Надо составить список тех предшественников социализма или его теоретиков и борцов, а также тех светочей философской мысли, науки, искусства и т. п., которые хотя и не имели прямого отношения к социализму, но являлись подлинными героями культуры.

По этому списку закажите скульптору также временные хотя бы из гипса или бетона произведения. Важно, чтобы они были до-

ступны для масс, чтобы они бросались в глаза. Важно, чтобы они были сколько-нибудь устойчивы по отношению к нашему климату, не раскисли бы, не искалечились бы от ветра, мороза и дождя. Конечно, на пьедесталах можно делать вразумительные краткие надписи о том, кто это был.

Особое внимание надо обратить и на открытие таких памятников. Тут и мы сами, и другие товарищи, и крупные специалисты могут быть привлечены для произнесения речей. Пусть каждое такое открытие будет актом пропаганды и маленьким праздником, а потом по случаю юбилейных дат можно повторять напоминание о данном великом человеке, всегда, конечно, отчетливо связывая его с нашей революцией и ее задачами» [6].

Таким образом, в первом же своем изложении ленинский план монументальной пропаганды отличался полнотой и гармоничной завершенностью. Прежде всего необходимо было сопоставить план монументальной пропаганды с ленинским планом перехода к социалистическому строительству. Примечательно, что В. И. Ленин в тот же самый период, когда разрабатывал программу развертывания социалистического строительства, размышлял и о широком плане использования искусства в целях строительства новой жизни, воспитания и просвещения трудящихся, приобщения народа к культурному наследию предшествовавших поколений.

Ленинский план перехода к социалистическому строительству предусматривал пробуждение творческой инициативы трудящихся, выявление организаторских талантов из среды рабочих и крестьян, воспитание новой, социалистической дисциплины и сознательного отношения к труду как общественному долгу, использование старой, буржуазной интеллигенции в деле социалистического строительства.

Грандиозная ленинская программа социалистического строительства в стране, истощенной и измученной империалистической войной, поставленной в трудные условия грабительским Брестским миром, требовала максимального напряжения всех сил трудящихся Советской России, а рабочего класса в особенности. И важно отметить, как В. И. Ленин привлекает искусство к активному участию в создании этого подвига.

В. И. Ленин видел естественную потребность формирующегося нового общественного строя в том, чтобы увековечиванием памяти

великих людей прошлого напоминать свободным гражданам Советского государства о том, что десятки и сотни лет демократические деятели культуры, мыслители и революционеры боролись за прогресс, за демократию и социализм.

В чем был смысл монументальной пропаганды, задуманной В. И. Лениным? Идея тут проста с точки зрения материалистического понимания общественной жизни: людям в надписях и барельефах дается не информация как нечто вроде кода, записанного в форму. Людям в артефактах новой жизни дается смысл: пусть четкие надписи мемориальных досок и памятники напоминают советским людям, что они в своих исторических деяниях могут и должны использовать великие культурные завоевания прошлого. И пусть эти памятники и изречения будят смелые мысли и благородные чувства. Пусть они напоминают пролетариату и всем трудящимся России, что их исторический долг состоит в том, чтобы воплотить в жизнь мечты лучших умов человечества, построить социалистическое общество, создать безграничный простор для гармонического развития личности свободного советского человека и роста социалистической культуры.

Памятники – от слова «память». Новая власть стремилась вспомнить всех и увековечить память. В труднейшие годы голода, разрухи интервенции мы видим на заседаниях Петросовета эти действия. Председатель Совета Г. Зиновьев 28 декабря 1918 г. сообщает членам Петросовета о смерти Г. Лопатина.

Процитируем это чрезвычайное сообщение полностью: «Товарищи, раньше, чем перейти к повестке дня, я должен сообщить вам печальное известие о смерти Германа Александровича Лопатина. Герман Александрович Лопатин является одним из старейших русских революционеров. Герману Александровичу Лопатину выпала на долю великая честь быть первым переводчиком марксова „Капитала“, основной книги международного социализма, „Евангелия“ коммунизма. На его долю выпала еще большая честь – быть личным другом Карла Маркса и одним из представителей русского народа, которому первому пришлось лично познакомиться с Карлом Марксом и Энгельсом. Из переписки Карла Маркса с его друзьями известно, как высоко он ставил Германа Александровича Лопатина. Маркс говорил в одном из писем, что он считает Лопатина одним из умнейших и образованнейших людей своего века. Лопатину принадлежат большие

заслуги как политическому борцу. Он был одним из вождей великой революционной партии – „Народной воли“. Он вышел на арену революционной борьбы в момент, когда эта героическая партия после убийства Александра II и казни целого ряда величайших деятелей Исполнительного комитета – Желябова, Перовской, Рысакова, Кибальчича, – после того, как эта партия „Народной воли“ была обескровлена, после того, как начался разгул бешеной реакции времен Александра III и Победоносцева, Лопатин вместе с Верой Фигнер и несколькими другими крупнейшими деятелями этой эпохи, подняло знамя „Народной воли“, выпавшее из рук славных бойцов, казненных, расстрелянных и повешенных Александром III.

Г. А. Лопатину довелось недолго дышать воздухом свободы и недолго удалось ему вести политическую борьбу против царизма. Он скоро попал в Шлиссельбургскую крепость, где просидел около двух десятилетий с лишком. Он вошел туда молодым человеком в расцвете моральных и физических сил, а вышел оттуда сломленным, сгорбленным стариком. Он не мог принять сколько-нибудь деятельное участие в нашей теперешней революции. Он стоял в стороне, в стороне от нее и, может быть, относился к ней, как и многие из стариков, имеющих такие колоссальные заслуги в прошлом, с известным недоверием, скептицизмом к тому, что мы делаем. Ему случалось даже выступать с тем или другим резким словом критики против того, что мы делаем сейчас. У свежей могилы Г. А. Лопатина не будем вспоминать этих минут его слабости – на закате дней, когда он вышел искалеченный царским самодержавием. Мы будем вспоминать те величайшие заслуги, какие он имел перед рабочим классом всей России, перед всем народом русским и тем самым перед международной революцией.

Я предлагаю, чтобы Петроградский Совет как представитель рабочего населения Петрограда воздал должное усопшему революционеру и принял на себя устройство и организацию похорон. Похороны состоятся во вторник. Петроградский Совет должен взять дело похорон в свои руки и пригласить рабочих, работниц, красноармейцев и матросов отдать последний долг Герману Александровичу Лопатину, прославившему имя русского революционера» [7, с. 32–33].

Список использованных источников

1. Декрет Совета Народных Комиссаров. Об охране предметов старины и искусства, принадлежащих польскому народу. – URL: <https://istmat.org/node/28381> (дата обращения: 31 марта 2024 г.). – Текст: электронный.
2. Постановление Народного Комиссариата Просвещения. О возвращении польскому трудовому народу эвакуированного из Польши культурного, художественного, научного и исторического достояния. – URL: <https://istmat.org/node/30427> (дата обращения: 31 марта 2024 г.). – Текст: электронный.
3. Декрет Совета Народных Комиссаров. Об эвакуированных и вывезенных из пределов Литвы государственных, общественных и частных учреждениях, заведениях, имуществах, капиталах и т. п. – URL: <https://istmat.org/node/31864> (дата обращения: 31 марта 2024 г.). – Текст: электронный.
4. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. № 17. от 23 января 1918 г. Отдел первый. – URL: <https://istmat.org/node/28368> (дата обращения: 31 марта 2024 г.). – Текст: электронный.
5. Ленин о монументальной пропаганде // Литературная газета, 1933, № 4–5, 29 января. – Текст: непосредственный.
6. Ленин о монументальной пропаганде. Наследие А. В. Луначарского. Философия, политика, искусство, просвещение. – URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/vospominaniya-i-vpechatleniya/lenin-o-monumentalnoj-propagande/> (дата обращения: 31 марта 2024 г.). – Текст: электронный.
7. Петроградский Совет рабочих и красноармейских депутатов III состава. (Стенограммы заседаний). Сборник документов. Часть I. 28 декабря 1918 г. – 14 марта 1919 г. / Отв. ред. А. И. Рупасов. Отв. сост. И. М. Сапронов. Санкт-Петербург: Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, 2019. – 240 с. – Текст: непосредственный.

2.2. МОБИЛИЗАЦИЯ НАУКИ КАК ПРИВЛЕЧЕНИЕ НАУЧНЫХ СИЛ К ДЕЛУ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

При Народном комиссариате просвещения был создан «Отдел мобилизации науки», как «Отдел привлечения научных сил к делу государственного строительства», а в рамках Высшего совета народного хозяйства Советской республики образован специальный центр по научной экономической и технической экспертизе. Государственные мероприятия в области науки в первые месяцы советского строя свидетельствовали о том, что советская власть, преодолевая политические и хозяйственные трудности, считала своим долгом помогать отечественной науке быть на уровне мирового развития, разрабатывать новейшие проблемы. Важнейшие из них тесным образом были связаны с укреплением обороны страны. Решением Совнаркома был создан научно-технический отдел ВСНХ для централизации научно-технического дела, сближения науки с хозяйственной и планомерного выполнения правительственных заданий. Советское правительство за первые месяцы после революции предприняло меры по вовлечению деятелей науки в дело государственного, хозяйственного и культурного строительства и обороны страны. Сердцевинной этих мероприятий явился ленинский план мобилизации науки, тесно связанный с его планом социалистического строительства.

Крупнейшее научное учреждение молодой советской страны Академия наук, научно-исследовательские институты ведомств и кафедры высших учебных заведений в большинстве своем стали возобновлять деятельность лишь с декабря 1917 г. – января 1918 г. Да и то это была деятельность по старым наметкам и дореволюционным предположениям. Первые сдвиги в соответствии с новой политической обстановкой обозначились в среде научных работников, связанных с техникой и промышленностью. Это позволило создать в рамках Высшего Совета Народного Хозяйства советской республики специальный центр по научной экономической и технической экспертизе.

18 января 1918 г. при Народном комиссариате просвещения был создан «Отдел мобилизации науки», или, как он назывался иначе, «Отдел привлечения научных сил к делу государственного строительства». Вскоре возник еще один мобилизующий науку центр; его специальной задачей была организация государственной промыш-

ленности на научных основах. Таким центром стал Совет экспертов при ВСНХ, организованный 28 февраля 1918 года. По первоначальному замыслу он «объединяет технические и научные силы России для содействия разрешению хозяйственных задач, стоящих на очереди». Основными задачами Центрального совета экспертов были поставлены: «а) исчерпывающее и всестороннее обследование условий развития существующих и создания новых отраслей промышленности; б) выработка мер государственного руководства производительной жизнью страны и планомерного ее устройства; в) выработка программы производительной деятельности в разных отраслях промышленности, транспорта, сельского хозяйства и торговли и мер для проведения ее в жизнь» [1].

Предусматривалось также создание местных советов экспертов при областных отделах народного хозяйства. В интересах связи с рабочими организациями в центральные и местные советы экспертов делегировались представители от рабочих. В этом положении о Совете экспертов мы видим первую попытку привлечения научно-технических сил страны к переводу народного хозяйства на научную базу, широкого использования науки для перестройки экономики страны.

Политические успехи советского строя, а также прекращение саботажа старого чиновничества, учительства, сдвиги в настроении инженерно-технической и художественной интеллигенции нашли свое отражение в деятельности работников из академической и университетской среды. Существенное влияние на работников науки оказывал также и пример таких честных ученых, как К. А. Тимирязев, с первых дней революции связавший свою жизнь с делом трудящихся.

Общие ленинские установки по разработке научно-технических проблем в дальнейшем были конкретизированы в ряде документов ВСНХ, а Комиссия по изучению естественных производительных сил страны и Академия наук в целом получили финансовую базу для выполнения задания советского правительства. Советский историк культуры И. С. Смирнов в 1952 г. писал: «Еще в феврале – марте 1918 г. Наркомпросом было отпущено Академии наук в общей сложности 192 827 рублей. После известного постановления Совнаркома Наркомпросом была утверждена общая сумма расходов Комиссии по смете на 1918 г. в размере 780 тысяч рублей. Коллегия Наркомпроса вошла на правительство с ходатайством об отпуске Академии наук 350 тысяч

рублей в счет этой сметы. 31 мая Совнарком вынес решение об отпуске требуемых средств, обязав Наркомпрос представлять в Совнарком ежемесячные отчеты об их расходовании. Ленин рассматривал контроль в расходовании средств Академией наук как рычаг воздействия на выполнение намеченного плана работ. И когда 2 июля 1918 г. на утверждение Совнаркома была представлена смета Академии наук в сумме 1 841 271 рубля, принятие решения было отложено до представления Академией отчета о расходовании ассигнованных ранее 350 тысяч рублей» [2, с. 182–183].

Таким образом, В. И. Ленин и советское правительство сочетали в своей политике по отношению к Академии наук внимательность и такт с высокой требовательностью в отношении соблюдения государственной дисциплины. И. С. Смирнов резюмирует: «Проверив расходование уже отпущенных сумм, Совнарком в июле 1918 г. утвердил сверхсметный кредит Академии наук на первое полугодие 1918 г. в сумме 2 191 271 рубля, в которую входили ранее отпущенные 350 тысяч рублей. Совместная деятельность Советской власти и научных учреждений приняла конкретные, практические формы. Предпринимаются попытки активизировать научные общества и исследовательские учреждения всех ведомств, а также развернуть пропаганду научных знаний. Наркомпрос ассигнует сверхсметным порядком в мае 1918 г. 300 тысяч рублей научным обществам вместо недостаточной суммы 146 тысяч рублей. Серьезную помощь Наркомпросу оказал М. Горький. 22 мая 1918 г. на заседании Большой Государственной комиссии Наркомпроса А. В. Луначарский говорил об этом» [2, с. 183].

В протоколе имеется следующая запись: «Касаясь ассоциации по развитию и распространению точных знаний, т. Луначарский сообщает о желании М. Горького всеми силами способствовать сближению научного мира с советской властью и установлению с ней постоянных сношений» [3].

В связи с развертыванием работы по изучению и развитию естественных производительных сил в мае 1918 г. по инициативе ученых была предпринята реорганизация Сельскохозяйственного ученого комитета, который находился в ведении Народного комиссариата земледелия. До Октябрьской революции этот комитет располагал очень скудными средствами, не имел подходящего помещения, а служащие его получали вознаграждение из случайных источников.

Достаточно сказать, что метеорологическое бюро, охватывавшее всю метеосеть страны, располагало в 1917 г. годовой сметой в 24 020 рублей. Научные работники в области сельского хозяйства, поддержанные Академией наук и Наркомземом, решили преобразовать комитет и объединяемые им вспомогательные учреждения в большой научно-исследовательский институт опытной агрономии. Мысль об этом родилась среди учёных ещё до революции.

Инициатива ученых сельскохозяйственных наук нашла полную поддержку в Наркомземе. Предложенное Академией наук «Положение о российском институте Сельскохозяйственных наук» было принято также и Комиссией при Совнаркоме. Однако при утверждении решения Комиссии в правительстве обратил на себя внимание следующий предложенный авторами пункт положения: «Российский институт сельскохозяйственных наук есть автономное высшее сельскохозяйственное научное установление, управляемое конференцией с избираемым Российской Академией наук президентом во главе», но В. И. Ленин, правительство не могли согласиться с предполагаемой автономией нового научного учреждения.

В результате Совнарком постановил: «Поручить Народным Комиссариатам земледелия и просвещения переработать проект постановления в смысле предоставления Советской власти 1-е: право вето и контроля, 2-е: утверждения и увольнения должностных лиц состава и председателя» [4].

Таким образом, правительство, не имея принципиальных возражений против учреждения этого института, не согласилось с предложенной организационной формой его существования. И здесь важно отметить, как В. И. Ленин, соглашаясь с сохранением имевшейся автономии Академии наук, выступает против увеличения количества автономных научных учреждений. Вопрос этот носил политический характер. Автономия Академии наук была оправдана исторической традицией ее существования и являлась лучшей организационной формой вовлечения профессиональных ученых в активную работу. Автономия новых научных учреждений, организуемых в советское время, к тому же берущих на себя функции координации и управления многими опорными учреждениями, расположенными по всей стране, была бы исторически неправомерной и в той обстановке политически не оправдывала себя.

Государственные мероприятия в области науки в первые месяцы советского строя свидетельствовали о том, что советская власть, преодолевая политические и хозяйственные трудности, считала своим долгом всемерно помогать отечественной науке быть на уровне мирового развития, разрабатывать новейшие научные и технические проблемы. Это было тем более необходимо, что важнейшие из этих проблем тесным образом были связаны с укреплением обороны страны.

В июле 1918 г. правительством был предreshен вопрос о финансировании гидрографической экспедиции Западного района Северного Ледовитого океана в рамках 1 миллиона рублей. Были ассигнованы специальные средства для организации пробного завода по извлечению радия. В августе Комиссия при Совнаркоме занималась вопросами финансирования производства связного азота.

Крупным научно-техническим мероприятием Советского государства был ленинский декрет «О централизации радиотехнического дела», утвержденный Совнаркомом в июле 1918 г., по которому был создан единый общегосударственный Радиотехнический совет. В обязанности совета входили разработка научных проблем радиотехники и координация деятельности всех ведомств в этой области, разработка планов строительства и технических норм эксплуатации радиостанций и надзор за их деятельностью [5]. В декрете получила продолжение ленинская идея взятия власти через захват почты, телеграфа, телефона. В декрете ставится иная задача: «Задачу централизации радиотехнического дела возложить на Народный Комиссариат Почт и Телеграфов, при Радиотелеграфном Отделе которого образуется особый Радиотехнический Совет, состоящий из ответственных работников, назначенных Народным Комиссариатом Почт и Телеграфов» [5].

К июлю – августу 1918 г. относится решение Совнаркома о создании научно-технического отдела Высшего Совета Народного Хозяйства. Этот отдел был создан в целях централизации научно-технического опытного дела, сближения науки с хозяйственной практикой вообще и промышленной практикой в особенности, в целях увязки всей научно-технической работы в стране и планомерного выполнения правительственных заданий. Создание научно-технического отдела ВСНХ явилось новым шагом вперед по пути организационного проникновения науки в промышленность. Это свидетельствовало

об усилении роли науки в хозяйственном строительстве Советской страны. К данному периоду относятся также организация дела общегосударственной статистики и создание Центрального статистического управления республики.

Таким образом, советское правительство под руководством В. И. Ленина за первые 6–8 месяцев после Октябрьской революции предпринимает ряд мер по вовлечению деятелей науки в дело государственного, хозяйственного и культурного строительства и обороны страны. Сердцевиной этих мероприятий явился ленинский план мобилизации науки, тесно связанный с его планом начала социалистического строительства.

Истерики соратников во внимание не принимались. Так, А. В. Луначарский, «получив сообщение о разрушении в ходе боев в Москве бесценных исторических зданий и художественных сокровищ, он в ходе драматической сцены на заседании Совета народных комиссаров подал в отставку. Заявление об отставке Луначарский опубликовал в „Новой жизни“: „Я только что услышал от очевидцев то, что произошло в Москве. Собор Василия Блаженного, Успенский собор разрушаются. Кремль, где собраны сейчас все важнейшие художественные сокровища Петрограда и Москвы, бомбардируется. Жертв тысячи. Борьба ожесточается до звериной злобы. Что еще будет? Куда идти дальше? Вынести этого я не могу. Моя мера переполнена. Остановить этот ужас я бессилён. Работать под гнетом этих мыслей, сводящих с ума, нельзя. Вот почему я выхожу в отставку из состава Совета народных комиссаров. Я сознаю всю тяжесть этого решения. Но я не могу больше“. Отставка Луначарского не была принята» [6, с. 113–114]. То, что сказал ему вождь, историками подвергается сомнению, поскольку этот некий канонический текст был повторен несколько раз слово в слово вплоть до 1932 г.

Однако текст по смыслу явно пролеткультовский, а потому мы и не будем приписывать всего вслед за наркомом просвещения В. И. Ленину. Уточним, как описано в последующих источниках столкновение по вопросу о выходе из правительства: «В 1932 г. он писал в одной статье, что „великий вождь“ подверг его тогда из-за отставки очень серьезной „обработке“, сказав буквально следующее: „Как Вы можете придавать такое значение тому или другому старому зданию, как бы оно ни было хорошо, когда дело идет об открытии две-

рей перед таким общественным строем, который способен создать красоту, безмерно превосходящую все, о чем только могли мечтать в прошлом?». Недоверие вызывает тот факт, что Луначарский еще и 15 лет спустя помнил об этих словах, которые выражают сущность „Пролеткульта“ в прямо-таки лирической и вовсе не типичной для Ленина форме. Недоверие вызывается и временем написания статьи, 1932 годом, когда Луначарский как остаток старой революционной интеллигенции совсем не соответствовал духу времени и, вероятно, надеялся, создавая агиографию Ленина, несколько подкрепить свой исчезающий авторитет. Почти отеческий тон воспоминаний не гармонирует со столкновением с Лениным, происшедшим на заседании Петроградского комитета 1 (14) ноября» [6, с. 114].

Объективно ситуация разворачивалась несколько по-иному: «Луначарский взял назад заявление об отставке. Горький, только что вернувшийся из Москвы, смог сказать ему, что сообщения о разрушениях, причиненные артиллерийским обстрелом Кремля, весьма преувеличены» [6, с. 115]. Далее обстоятельства привели к тому, что Нарком снова взял слово на первой полосе «Новой жизни»: «Он просил понять его позицию. В качестве народного комиссара просвещения он, писал Луначарский, несет вместе с другими ответственность за сохранение культурных ценностей, но должен бессильно наблюдать за их разрушением. Тем не менее он остается на посту по настоянию других народных комиссаров. Луначарский выступил с полным пафоса и не лишённым дидактичности призывом к защите культурного достояния народа» [6, с. 115].

Список использованных источников

1. Газета рабочего и крестьянского правительства от 28 февраля 1918 года. – URL: <https://libmonster.ru/m/articles/view/ИЗ-ИСТОРИИ-СО-ВЕТСКОЙ-НАУКИ-1917–1920-гг> (дата обращения: 21.04.2023). – Текст: электронный.

2. Смирнов, И. С. Из истории строительства социалистической культуры в первый период советской власти. (Октябрь 1917 г. – лето 1918 г.) / И. С. Смирнов. – Москва: Госполитиздат, 1949. – 247 с. – Текст: непосредственный.

3. А. В. Луначарский и М. Горький. – URL: <http://lunacharsky.newgod.su/issledovania/a-v-lunacharskij-i-m-gorkij> (дата обращения: 31 марта 2024 г.). – Текст: электронный.

4. Декрет Совета Народных Комиссаров «О массовом распространении среди крестьянского населения сельскохозяйственных знаний и улучшенных приемов ведения сельского хозяйства». – URL: <https://istmat.org/node/46561> (дата обращения: 21.04.2023). – Текст: электронный.

5. Декрет Совета Народных Комиссаров «О централизации радиотехнического дела». – URL: <https://istmat.org/node/306> (дата обращения: 21.04.2023). – Текст: электронный.

6. Революционная Россия. 1917 год в письмах А. Луначарского и Ю. Мартова / Под ред. Г. А. Бордюгова и Е. А. Котеленец, сост. Н. С. Антонова и Л. А. Роговая, введ. Л. Майер. – Москва: АИРО-XXI, 2007. – 352 с. – Текст: непосредственный.

2.3. СОЗДАНИЕ НОВОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА В ОБЛАСТИ ИСКУССТВА КАК ЗАДАЧА СОЦИАЛИЗМА

Подавляющее большинство художественной интеллигенции, унаследованной от царской России, демонстрировало оторванность от народа, от нужд революционной борьбы. С другой стороны, ценности культуры были недоступны большинству трудящихся, и приобщению народа к этим ценностям мешали не только неграмотность народных масс, но и частная собственность на национальные культурные сокровища. Возникла необходимость слома старого государственного аппарата в области искусства и создания нового. Во главе новых органов становились профессиональные революционеры. Декрет об упразднении Академии художеств, ликвидация канцелярии министерства двора показывали, что советское правительство, проводя уставы партии, разрушало все звенья старой государственной машины во всех областях искусства, изъяс важнейшие учреждения из ведения добровольных художественных обществ, где преобладала антисоветски настроенная интеллигенция. Основная деятельность советского правительства в области искусства выразилась в руководстве национализацией и охраной культурных ценностей, а также в борьбе за осуществление плана монументальной пропаганды средствами искусства. Это был первый шаг в переводе художественной интеллигенции в лагерь борцов за советское искусство, первое мероприятие по мобилизации искусства на службу социалистическому строительству и просвещению масс.

Накануне Октябрьской революции в тяжелом кризисном состоянии находились русская литература и искусство. Жизнь настоятельно требовала внимания художественных творцов к трудящимся массам, отображения их дум и чаяний, чувств и переживаний. Но подавляющее большинство художественной интеллигенции оставалось служанкой «верхних десяти тысяч» и не за страх, а за совесть служило им.

Пафос пролетарской борьбы, найдя своих лучших певцов в лице М. Горького и ближайшего его окружения, наложил неизгладимый отпечаток на все развитие культуры России. Революционные события XX в. не прошли бесследно для русского искусства и литературы. Они размежевали российскую художественную интеллигенцию на два количественно неравных лагеря. На одной стороне были единицы лучших, честных, благородных представителей прогрессивного

художественного творчества, продолжавшие славные демократические традиции корифеев русской литературы и искусства, стремившиеся отобразить революционную борьбу масс, их протест против прогнивших устоев общественной и государственной жизни России. На другой стороне находилось большинство художественной интеллигенции, припавшее к кормушке правящего класса, отвернувшееся от народа, отрицавшее демократические традиции русской культуры, воспевавшее лозунг «чистого искусства» или «искусства для искусства». Пессимизм, упадничество, уход от борьбы в мечтания и формалистические ухищрения, низкопоклонство перед Западом в творчестве этих деятелей вели культуру к вырождению.

Если прибавить к этому охватившее подавляющее большинство интеллигенции настроение оборончества, способствовавшего проведению империалистической политики российской буржуазии, станет особо ясной оторванность художественной интеллигенции от народа, от запросов общественного развития, от нужд революционной борьбы. Материальные ценности культуры были недоступны большинству трудящихся царской России. Приобщению народа к этим ценностям мешали не только неграмотность народных масс, нищета и сословные преграды, но и частная собственность на многие национальные культурные сокровища, а также принадлежность их буржуазным обществам и организациям.

Октябрьская социалистическая революция не могла оставить неизменным такое положение вещей. Важнейшие материальные ценности культуры путем национализации были социальными декретами и прямым социальным действием пролетариата обращены в общенародное достояние. Со значительными трудностями был связан перевод деятельности художественной интеллигенции на рельсы активного участия в развернувшемся революционном переустройстве общественной и государственной жизни. В отличие от дела просвещения здесь не было разветвленного государственного аппарата, сталкивающегося с широкими слоями народа, имеющего большое воздействие на народ, – аппарата, слом которого предreshал бы успех создания новых форм. Самодержавие имело свои рычаги в области искусства главным образом в Министерстве императорского двора, которое ведало императорскими театрами, Академией художеств, дворцами и картинными галереями и др.

Слабость старого государственного аппарата в области искусства не означала, что победивший пролетариат мог остаться безразличным к этому аппарату как маловажному звену старой государственной машины, мог оставить его в неприкосновенности. Наоборот, внешняя ликвидация Министерства двора, проведенная Временным правительством, не затронула существа этого аппарата. Разве только то, что были введены должность правительственного главноуполномоченного бывших императорских театров и должность уполномоченного Временного правительства при Академии художеств. Вплоть до ноября 1917 г. оставалась канцелярия Министерства двора.

Советские историки отмечали: «Борьба с диктатурой пролетариата принимала не только форму открытого саботажа. Старый буржуазный аппарат пытался приспособиться к новым условиям и застраховать себя от неизбежной ломки. И это происходило именно в тех частях старого аппарата, которые подлежали немедленной, первоочередной ломке. „Союз судей“ на заседании Центрального стачечного комитета заявил, что для судей нужно сделать исключение, разрешив им продолжать работу вопреки распоряжению большевиков о роспуске. „Суд не должен бастовать... ибо тогда появятся самозванные трибуналы“, – заявил председатель „союза судей“ на заседании стачечного комитета. Члены стачечного комитета горячо приветствовали тактику судебного аппарата» [1, с. 555–556].

Так получилось потому, что «чиновники прекрасно понимали, что саботаж не только ускоряет ломку старого аппарата, но и будит инициативу масс в строительстве новых органов власти. Появление „самозванных“ трибуналов было уже фактом. Также не хотели бастовать чиновники министерства двора. Когда была ликвидирована канцелярия Министерства двора, к Луначарскому явились начальник канцелярии князь Гагарин и его заместитель барон фон дер Штакельберг. Они заявили свой протест против ликвидации канцелярии: „Мы готовим докладные записки для министра, бастовать не собираемся, и ликвидировать нас не нужно“. Протесты князя и барона не помогли. Канцелярия была ликвидирована. Ставка чиновников на сохранение старых кадров и старого аппарата была совершенно очевидна. Старый аппарат был сохранен правительством Керенского вплоть до самых мелких винтиков» [1, с. 556].

Далее в «Истории гражданской войны» приводятся сочные подробности создания нового государственного аппарата трудящихся: «Когда Луначарский и работники Народного комиссариата просвещения пришли в Зимний дворец, их встретил лакей в сером костюме и заискивающим полусшепотом пригласил завтракать. В бывшей столовой царя на столе – различные сорта рыб, изысканные блюда, соусы. В Петрограде голод, рабочие сидят без хлеба – здесь все осталось по-прежнему. Гофмаршальская часть Министерства двора имела в своем распоряжении огромный штат лакеев и официантов. При Керенском все это было сохранено в полной неприкосновенности. Вернись царь – он нашел бы все свое хозяйство в полном порядке, ему не пришлось бы даже менять свои привычки» [1, с. 556]. Теперь нам понятно, почему Бендер называл Воробьянинова гофмаршалом!

Советская власть ликвидировала весь старый аппарат Министерства двора как остаток феодально-самодержавного государства. После этого все государственное руководство искусством стало сосредотачиваться в едином центре – Наркомпросе. 12 ноября 1917 г. В. И. Ленин подписал распоряжение об увольнении от занимаемых должностей главноуполномоченного при государственных театрах Ф. Д. Батюшкова и заведующего заготовочной частью С. Л. Бертенсона. Эта мера явилась ответом Совнаркома на саботаж назначенцев Временного правительства, отказавшихся явиться с докладом к народному комиссару по просвещению. 29 января 1918 г. по распоряжению В. И. Ленина был уволен как саботажник архитектор Зимнего дворца Н. И. Крамской.

Значительно позднее, 12 апреля 1918 г., Совнаркомом был принят декрет «Об упразднении Академии художеств, реорганизации Высшего художественного училища и передаче в ведение Народного комиссариата просвещения Музея Академии художеств» [2]. Этот декрет за подписями В. И. Ленина и И. В. Сталина был опубликован в столичной печати 14 апреля 1918 г. Проведение такого мероприятия диктовалось двумя обстоятельствами. Прежде всего, требовалось сломить антисоветский саботаж большинства деятелей Академии художеств, примкнувших к антисоветскому «Союзу деятелей искусства», который отказывался прийти на помощь советской власти и принять участие в просвещении народа. Упразднение Академии художеств и преобразование имевшегося при ней Высшего художественного

училища в Свободную художественную школу вызывалось также потребностью коренной реорганизации художественного образования. Преодоление косности, рутины, демократизация образования, привлечение в художественную школу народных талантов – все это, несовместимое со старым укладом Академии, привело к ее ликвидации.

Как и следовало ожидать, Академия художеств не замедлила ответить протестом против этого шага советского правительства. При этом в ход были пущены обветшалые в революционную эпоху лозунги «свободы», «самостоятельности» и «независимости» искусства от государства. 18 апреля Совет Высшего художественного училища при Академии художеств направил в Совнарком на имя В. И. Ленина письмо с протестом против декрета правительства. Вполне понятно, что подобные протесты не могли остановить действий Совнаркома и только убеждали советское правительство в правильности и своевременности принятого декрета.

По тем же соображениям 12 июля решением Совнаркома был принят декрет о закрытии Московского художественного общества и национализации принадлежавшего ему всего движимого и недвижимого имущества [3]. Художественное училище этого общества перешло в ведение Наркомпроса. На том же заседании Совнаркома был решен вопрос о переходе Московской и Петербургской консерваторий в систему Наркомпроса и уничтожении зависимости этих музыкальных учебных заведений от Русского музыкального общества.

Так советское правительство, проводя установки партии, В. И. Ленина, под его непосредственным руководством разрушало все звенья старой государственной машины во всех областях искусства, изъывая важнейшие учреждения из ведения «добровольных» художественных обществ, где преобладала антисоветски настроенная интеллигенция. Во главе новых органов становились профессиональные революционеры: «Люди, ставшие во главе органов диктатуры, готовили себя к большой государственной деятельности еще в годы партийной работы, подполья, ссылки и эмиграции. Уже первые дни Октябрьской революции показали, какие огромные таланты, каких многочисленных организаторов не только партийной, но и государственной работы таил в себе авангард российского пролетариата. Рабочие-металлисты М. И. Калинин, взявший в свои руки городские дела столицы, Г. И. Петровский, ставший народным комиссаром внутренних дел,

профессиональные революционеры Свердлов, Менжинский – вот образцы талантливых организаторов, государственных деятелей, воспитанных большевистской партией» [1, с. 584].

Сосредоточение руководства вопросами искусства в Наркомпро-се и расширение объема этой работы нашло известное отражение в структуре Наркомпроса. В декабре 1917 г. в рамках Наркомпроса существовали отдел искусств и литературно-издательский отдел, частично занимавшийся вопросами литературы и литературной политики. В апреле 1918 г. из общего отдела искусств выделился отдел изобразительных искусств. В мае 1918 г. был организован отдел музеев и охраны памятников искусства и старины. Позднее (в августе) был создан театральный отдел.

Современные историки через столетие отмечают: «Под пристальное внимание берется все издательское дело. С весны 1921 г. любая рукопись могла быть издана только с разрешения Госиздата или его органов на местах. 6 июня 1922 г. декретом СНК РСФСР был создан специальный комитет по печати, объединявший все виды цензуры, существовавшей в Советской России, – Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит). Он должен был осуществлять предварительный просмотр всех предназначенных к публикации или распространению произведений, выдачу разрешений на их издание, составление списков запрещенных произведений. Таким образом, отныне устанавливалась предварительная и последующая цензура всех издательств, за исключением изданий Коминтерна, партийной печати, изданий Госиздата, Главполитпросвета, „Известий ВЦИК“ и трудов Российской академии наук» [4, с. 397–398].

Далее отмечается немаловажная деталь: «Организацию контроля над всеми без исключения сторонами жизни общества партия поручает органам ВЧК – ГПУ. Для этого в структуре этого учреждения были дополнительно созданы специальные подразделения – отдел политического контроля, ведавший исполнением цензурного режима, перлюстрацией корреспонденции, а также 4-е и 5-е отделения секретно-политического отдела, сотрудники которых собирали агентурные сведения через сеть информаторов и осведомителей» [4, с. 397–398].

Основная деятельность В. И. Ленина, советского правительства в области искусства в исследуемый период выразилась в руководстве

национализацией и охраной культурных ценностей, а также в борьбе за осуществление плана «монументальной пропаганды» средствами искусства. Это был первый шаг в переводе художественной интеллигенции в лагерь активных борцов за советское искусство, первое мероприятие по «мобилизации» искусства на службу социалистическому строительству и просвещению масс.

Список использованных источников

1. История гражданской войны в СССР / Под ред. М. Горького, В. Молотова, К. Ворошилова, С. Кирова, А. Жданова, И. Сталина. – Москва: Секретариат Глав. ред. «Истории гражданской войны», Гос. изд-во полит. лит., 1943. – Т. 2. Великая пролетарская революция (октябрь – ноябрь 1917 г.). – 655 с. – Текст: непосредственный.
2. Декрет Совета Народных Комиссаров. Об упразднении Академии Художеств, реорганизации Высшего Художественного Училища и передаче в ведение Народного Комиссариата Просвещения Музея Академии Художеств. – URL: <https://istmat.org/node/29188> (дата обращения: 30.03.2023). – Текст: электронный.
3. Декрет Совета Народных Комиссаров. О закрытии Московского Художественного Общества. – URL: <https://istmat.org/node/30602> (дата обращения: 30.03.2023). – Текст: электронный.
4. Косаковский, А. А. Глава VII. Большевики удерживают государственную власть / А. А. Косаковский // Драма российской истории: большевики и революция / Под ред. академика А. Н. Яковлева. – Москва: Новый хронограф, 2002. – 449 с. – (Россия. XX век. Исследования). – Текст: непосредственный.

2.4. УДЕРЖАНИЕ БОЛЬШЕВИКАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В БОРЬБЕ С АНТИСОВЕТСКИМИ ГРУППИРОВКАМИ СРЕДИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

В ходе острой идейной борьбы правящая партия стала инициатором высылки за границу и в северные губернии писателей и профессоров, помогающих контрреволюции. Достаточно мягкая форма высылки 100 лет назад была осуществлена в качестве «первого предупреждения» интеллигенции и состоялась в год и месяц завершения Гражданской войны и интервенции. Сам термин «философский пароход» был сконструирован значительно позднее этого события — в 1990 г. в завершение разрушительной перестройки. В списке активной антисоветской интеллигенции (профессуры) были те представители интеллигенции и идеологи свергнутых правящих классов, кто угрожал большевикам в их исторически оправданном деле удержания государственной власти. Акция высылки должна быть понята в контексте резолюции XII Всероссийской конференции РКП(б) августа 1922 г. «по докладу тов. Зиновьева об антисоветских партиях и течениях». Тогда партия обратила внимание на те формы организации и общественной жизни, которые являются для антисоветских партий и течений доступной ареной влияния. Предполагалось, что партийные организации должны суметь лишить антисоветские группы всякого влияния и тем уничтожить возможную опору их существования. Печать, высшая школа, кооперация рассматривались как командные высоты, которые партия должна удержать или завоевать.

Драма российской истории заключается в острой идейной борьбе сразу после прихода к власти представителей беднейших слоев народа с представителями свергнутых социальных сил. Власть пролетариата и беднейшего крестьянства была вынуждена отвечать, а поскольку оборона означает проигрыш, власти следовало активно наступать. Так, 15 марта 1922 г. В. И. Ленин, ознакомившись со сборником статей Н. А. Бердяева, Я. М. Букшпана, Ф. А. Степуна, С. Л. Франка «Освальд Шпенглер и закат Европы», охарактеризовал его как «литературное прикрытие белогвардейской организации» [1]. И это не самое сильное выражение в уже достаточно спокойной обстановке после четырех лет с победоносной революции.

В секретном письме В. И. Ленина говорилось: «Секретно. т. Горбунов! О прилагаемой книге я хотел поговорить с Уншлихтом. По-моему, это похоже на „литературное прикрытие белогвардейской организации“. Поговорите с Уншлихтом не по телефону, и пусть он мне напишет секретно, а книгу вернет» [2, с. 198]. Впервые секретное послание было напечатано по рукописи в 1959 г. в Ленинском сборнике XXXVI.

В статье «О значении воинствующего материализма» В. И. Ленин назвал журнал «Экономист» «органом современных крепостников, прикрывающихся, конечно, мантией научности, демократизма и т. п.». В контексте это звучит так: «Недавно мне прислали журнал „Экономист“ 24 № 1 (1922 г.), издаваемый XI отделом „Русского технического общества“. Приславший мне этот журнал молодой коммунист (вероятно, не имевший времени ознакомиться с содержанием журнала) неосторожно отозвался о журнале чрезвычайно сочувственно. На самом деле журнал является, не знаю насколько сознательно, органом современных крепостников, прикрывающихся, конечно, мантией научности, демократизма и т. п.» [3, с. 31].

О видном социологе П. А. Сорокине, будущем «отце американской социологии», В. И. Ленин уже после своей статьи 1918 г. «Ценные признания Питирима Сорокина», выразил сомнение в самой этой буржуазной науке. За прошедшее столетие сомнения подтвердились – на фоне научного материалистического понимания истории объявленная наукой дисциплина количественного измерения общества выглядит убого и сомнительно. Какова же ученость П. А. Сорокина? Автор пишет: «Некий г. П. А. Сорокин помещает в этом журнале обширные якобы „социологические“ исследования „О влиянии войны“. Ученая статья пестрит учеными ссылками на „социологические“ труды автора и его многочисленных заграничных учителей и сотоварищей. Вот какова его ученость: на странице 83-й читаю: „На 10 000 браков в Петрограде теперь приходится 92,2 развода – цифра фантастическая, причем из 100 расторгнутых браков 51,1 были продолжительностью менее одного года, 11 % – менее одного месяца, 22 % – менее двух месяцев, 41 % – менее 3–6 месяцев и лишь 26 % – свыше 6 месяцев. Эти цифры говорят, что современный легальный брак – форма, скрывающая по существу внебрачные половые отношения и дающая

возможность любителям 'клубники' 'законно' удовлетворять свои аппетиты" („Экономист“ № 1, стр. 83-я)» [3, с. 31–32].

И в итоге В. И. Ленин заключает: «Нет сомнения, что и этот господин, и то русское техническое общество, которое издает журнал и помещает в нем подобные рассуждения, причисляют себя к сторонникам демократии и сочтут за величайшее оскорбление, когда их назовут тем, что они есть на самом деле, т. е. крепостниками, реакционерами, „дипломированными лакеями поповщины“. Самое небольшое знакомство с законодательством буржуазных стран о браке, разводе и внебрачных детях, а равно с фактическим положением дела в этом отношении покажет любому интересующемуся вопросом человеку, что современная буржуазная демократия даже во всех наиболее демократических буржуазных республиках проявляет себя в указанном отношении именно крепостнически по отношению к женщине и по отношению к внебрачным детям. Это не мешает, конечно, меньшевикам, эсерам, и части анархистов, и всем соответствующим партиям на Западе продолжать кричать о демократии и о ее нарушении большевиками. На самом деле именно большевистская революция является единственной последовательно демократической революцией в отношении к таким вопросам, как брак, развод и положение внебрачных детей. А это вопрос, затрагивающий самым непосредственным образом интересы большей половины населения в любой стране. Только большевистская революция впервые, несмотря на громадное число предшествовавших ей и называющих себя демократическими буржуазных революций, провела решительную борьбу в указанном отношении, как против реакционности и крепостничества, так и против обычного лицемерия правящих и имущих классов» [3, с. 32–33].

Далее он отмечает: «Марксистскому журналу придется вести войну и против подобных современных „образованных“ крепостников. Вероятно, немалая их часть получает у нас даже государственные деньги и состоит на государственной службе для просвещения юношества, хотя для этой цели они годятся не больше, чем заведомые растлители годились бы для роли надзирателей в учебных заведениях для младшего возраста. Рабочий класс в России сумел завоевать власть, но пользоваться ею еще не научился, ибо в противном случае он бы подобных преподавателей и членов ученых обществ давно бы

вежливенько препроводил в страны буржуазной „демократии“. Там подобным крепостникам самое настоящее место. Научится, была бы охота учиться» [3, с. 33].

Крайне «вредные тенденции» были обнаружены правящей партией на съезде врачей. Нарком здравоохранения сообщил об этом В. И. Ленину и членам Политбюро. Прочитав доклад наркома, В. И. Ленин написал на нем резолюцию: «т. Сталину. Я думаю, надо строго секретно, не размножая, показать это и Дзержинскому, всем членам Политбюро и вынести директиву... „поручается Дзержинскому (ГПУ) при помощи Семашко выработать план мер и доложить Политбюро в – (2 недели?) срок“» [2, с. 270].

Историк А. А. Косаковский пишет показательную главу в большой антисоветской книге под редакцией «архитектора перестройки» ренегата партии А. Н. Яковлева: «Проигрывая из-за слабой общей эрудиции и теоретической подготовки кадров идеологические дискуссии с интеллигенцией, критически настроенной в отношении власти, партия стала инициатором высылки из России, Украины, Белоруссии, Грузии за границу многих известных философов, экономистов, социологов, литераторов, религиозных мыслителей и др. 19 мая 1922 г. Ленин направил записку Дзержинскому, в которой предложил „тщательнее подготовить“ вопрос о „высылке за границу писателей и профессоров, помогающих ‘контрреволюции““. Одновременно он дал распоряжение „собирать систематически сведения о политическом стаже, работе и литературной деятельности профессоров и писателей“, поручив это „толковому, образованному и аккуратному человеку в ГПУ» [4, с. 153].

Известно, что проблемы антисоветского настроения в профессиональных союзах и съездах интеллигенции тревожили руководство партии, а вопрос о Всероссийском съезде врачей было решено отдельно вынести на обсуждение Политбюро ЦК. Он слушался дважды – 24 мая и 8 июня. В результате было принято Постановление Политбюро ЦК РКП (б) по докладной записке ГПУ от 8 июня 1922 г. «Об антисоветских группировках среди интеллигенции»: «Приложение к пр[отоколу] заседания Политбюро ЦК РКП от 8.VI.22 г. № 10, п. 8.

Пп. 3, 4 и 5. Предложения тов. Уншлихта, сданные в комиссию.

3. Установить, что ни один съезд или всероссийское совещание спецов (врачей, агрономов, инженеров, адвокатов и проч.) не может

созываться без соответствующего на то разрешения НКВД. Местные съезды или совещания спецов разрешаются губисполкомами с предварительным запросом заключения местных отделов ГПУ (губотделов).

4. Поручить ГПУ через аппарат Наркомвнудела произвести с ю. VI перерегистрацию всех обществ и союзов (научных, религиозных, академических и проч.) и не допускать открытия новых обществ и союзов без соответствующей регистрации ГПУ. Незарегистрированные общества и союзы объявить нелегальными и подлежащими немедленной ликвидации.

5. Предложить ВЦСПС не допускать образования и функционирования союзов спецов помимо общепрофессиональных объединений, а существующие секции спецов при профсоюзах взять на особый учет и под особое наблюдение. Уставы для секций спецов должны быть пересмотрены при участии ГПУ. Разрешение на образование секций спецов при профобъединениях могут быть даны ВЦСПС только по соглашению с ГПУ» [6].

Дополнительно в постановлении есть поименованные заглавными буквами очень важные пункты:

«Г) Предложить ВЦИК издать постановление о создании особого совещания из представителей НКВД и НКЮ, которому предоставить право в тех случаях, когда имеется возможность не прибегать к более суровому наказанию, заменять его высылкой за границу или в определенные пункты РСФСР.

Д) Для окончательного рассмотрения списка подлежащих высылке верхушек враждебных интеллигентских группировок образовать комиссию в составе тт. Уншлихта, Курского и Каменева.

Е) Вопрос о закрытии изданий и органов печати, не соответствующих направлению советской политики (журнал Пироговского общества и т. п.), передать в ту же комиссию» [5].

Историки уточняют, что списки составлялись по принципу профессиональной принадлежности («Список литераторов», «Список врачей», «Список антисоветских инженеров» и т. д.), по городам («Список антисоветской интеллигенции г. Петрограда», Москвы, Киева, Одессы и др.), по учебным и научным учреждениям («Профессура 1-го Московского университета», «Профессура института инженеров путей сообщения» и т. д.). В них оказались наиболее яркие предста-

вители интеллектуальной элиты России и особенно те, которые уже определились со своей мировоззренческой и политической позицией – она была враждебна новой власти.

В резолюции XII Всероссийской конференции РКП(б), проходившей 4–7 августа 1922 г «по докладу тов. Зиновьева об антисоветских партиях и течениях» говорится: «В ближайшее время партия должна обратить особенно серьезное внимание на те формы организации и общественной жизни, которые являются для антисоветских партий и течений наиболее доступной ареной влияния. Таковы: всех видов кооперация (в особенности сельскохозяйственная кооперация, труд-союзы и т. п.), школы, профсоюзы (особенно непроизводственные пролетарские по своему составу; культурно-просветительное молодежи, спилки – на Украине, издательское дело и т. п. Партийные организации должны суметь сейчас уделить максимальное количество внимания и сил указанной работе, чтобы лишить антисоветские группы всякого влияния и тем в корне уничтожить возможную опору их существования. Печать, высшая школа, кооперация – все это тоже командующие высоты, которые партия обязательно должна удержать или завоевать. Умение Р. К. П. концентрировать внимание ударной задаче всегда являлось самой сильной стороной нашей партии. При правильной тактике Р. К. П. сможет в этом случае в сравнительно короткий срок окончательно ликвидировать партии эсеров и меньшевиков, как политические факторы» [6, с. 92]. Таким образом, партия уделила особое внимание идеологической работе среди творческой и научной интеллигенции с целью удержать командные высоты в области образования, культуры и искусства.

Историк, диссидент и эмигрант М. С. Геллер в начале перестройки писал: «31 августа 1922 г. „Правда“ опубликовала на первой странице сообщение о высылке „по постановлению Государственного политического управления (ГПУ) наиболее активных контрреволюционных элементов из среды профессоров, врачей, агрономов, литераторов в северные губернии. Часть за границу“. Сообщение было озаглавлено „Первое предупреждение“. В нем не было названо число высылаемых, не было сказано, кто высылается „в северные губернии“, а кто – за границу. Лишь осторожно – и в противоречии с фактами – отмечалось: „среди высланных почти нет крупных имен“» [7].

А вот современные авторы сообщают уже другое – что это было не сообщение, а статья будто бы вышла из-под пера Л. Д. Троцкого. Но в его работах этой статьи мы не находим. В упомянутой выше главе историка А. А. Косаковского, в частности, говорилось: «Кадетствующие и эсерствующие крути интеллигенции, вообразив, что НЭП дает им новую опору для контрреволюционной работы, усиленно повели таковую, поддерживая тесную связь с заграничными белогвардейцами. Советская власть, обнаружившая слишком много терпения, дала, наконец, первое предостережение: наиболее активные контрреволюционные элементы из профессоров, врачей, агрономов и пр. высылаются частью за границу, частью в северные губернии. Для рабочих и крестьян все это служит напоминанием о том, что им скорее нужно иметь свою рабоче-крестьянскую интеллигенцию» [4, с. 397].

В массовой печати и публицистике утверждают, что вся операция по высылке российской интеллигенции находилась под постоянным вниманием В. И. Ленина. Это верно: он уточнял списки кандидатов на высылку, делал пометки, давал на этот счет указания ГПУ. 17 сентября 1922 г. он пишет Уншлихту: «Будьте любезны распорядиться: вернуть мне все приложенные бумаги с заметками, кто выслан, кто сидит, кто (и почему) избавлен от высылки? Совсем краткие пометки на этой же бумаге. Ваш Ленин». Приложения «Список активной антисоветской интеллигенции (профессуры)» [8].

Если не учитывать высылку в северные губернии, то в результате операции отправки на «философских пароходах», которых было не менее пяти рейсов пассажирских судов, ровно 100 лет назад из страны Советов был выслан 81 буржуазный (или, как говорили тогда, старорежимный) представитель науки, культуры и искусства. С ними уезжали семьи, и вместе с членами семей общее число высланных из страны составляет, по разным данным, или 228, или 272 человека. Это были те представители интеллигенции, идеологи свергнутых правящих классов, кто угрожал большевикам в их исторически оправданном деле удержания государственной власти. Забавно, но сам издевательский термин «философский пароход» придумал философ и математик С. С. Хоружий уже после этого события – в период завершения перестройки в 1990 г., когда было разрешено

мазать грязью историю реального социализма и была опубликована его статья с таким названием в двух номерах «Литературной газеты».

Список использованных источников

1. Освальд Шпенглер и закат Европы / Н. А. Бердяев, Я. М. Букшпан, Ф. А. Степун, С. Л. Франк. – Москва: Берег, 1922. – 95 с. – Текст: непосредственный.

2. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – Москва: ИПЛ, 1975. – Т. 54. – 863 с. – Текст: непосредственный.

3. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – Москва: ИПЛ, 1975. – Т. 45. – 729 с. – Текст: непосредственный.

4. Косаковский, А. А. Глава VII. Большевики удерживают государственную власть. Драма российской истории: большевики и революция / Под ред. академика А. Н. Яковлева. – Москва: Новый хронограф, 2002. 449 с. – (Россия. XX век. Исследования). – Текст: непосредственный.

5. Об антисоветских группировках среди интеллигенции». «Приложение к пр[отоколу] заседания Политбюро ЦК РКП от 8.VI.22 г. № 10, п. 8. – URL: <https://alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/56017> (дата обращения: 20.04.2023). – Текст: электронный.

6. Материалы XII Всероссийской конференции РКП(б). – Тула: Изд. Агитотдела Тулгубкома, 1922. – 98 с. – Текст: непосредственный.

7. «Первое предостережение» – удар хлыстом (к истории высылки из Советского Союза деятелей культуры в 1922 г.). – URL: <http://ihst.ru/projects/sohist/papers/vf/1990/9/37-66.pdf> (дата обращения: 20.04.2023). – Текст: электронный.

8. Записка И. С. Уншлихту. 17 сентября 1922 г. – URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/31108-zapiska-i-s-unshlihtu-17-sentyabrya-1922-g> (дата обращения: 20.04.2023). – Текст: электронный.

2.5. БИБЛИОТЕЧНОЕ ДЕЛО ДЛЯ НАРОДА – ЗАДАЧА ГОСУДАРСТВА НОВОГО СОЦИАЛИЗМА

После декрета Совнаркома «Об охране библиотек и книгохранилищ» в деле реквизиции библиотек и книг был наведен порядок. Гражданская война задержала процесс национализации и затруднила работу по продвижению книги в народные массы. Было проведено совещание по вопросу о централизации библиотечного дела и введения швейцарско-американской системы учета книг в России. В результате правительством были приняты меры по снабжению библиотек новинками, обеспечено продвижение литературы к массовому читателю и достигнуто приближение библиотек к народу. Постановка библиотечного дела стала не только показателем культурного уровня страны, но и средством быстрого повышения грамотности и культурности народа. Библиотеки становились самыми распространенными после школ культурными учреждениями в стране, опорными пунктами просветительной деятельности. В ленинских директивах о работе библиотек намечалась уникальная перспектива библиотечного строительства в советской стране, в которой публичные библиотеки и читальные залы работали ежедневно.

Забываясь о сохранении для народа книжных фондов, В. И. Ленин признал необходимым первоочередное принятие Совнаркомом специального декрета «Об охране библиотек и книгохранилищ». «Все библиотеки ликвидируемых и эвакуируемых государственных учреждений, – говорится в этом декрете, – а также библиотеки отдельных обществ и лиц, поступившие в полном составе или частью в распоряжение правительственных учреждений, общественных организаций и т. д., состоят во всех местностях Российской Социалистической Федеративной Советской Республики под охраной и на учете Народного Комиссариата Просвещения; дальнейшее назначение этих библиотек, распределение их, предоставление их в пользование населения, пополнение их, равно как и создание новых библиотек – ведаются состоящим при Народном Комиссариате Просвещения Отделом Библиотек Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. В отношении библиотек, уже состоящих в ведении тех или иных Народных Комиссариатов, Отдел Библиотек осуществляет перечисленные функции по соглашению

с соответствующими Народными Комиссариатами» [1]. Декрет был опубликован в № 153 «Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов» от 21 июля 1918 года.

Это означало, что дальнейшее использование библиотек, распределение и предоставление их в пользование населения, пополнение их, равно как и создание новых библиотек на базе их фондов, находится в ведении Наркомпроса РСФСР. Все учреждения и организации, за которыми числились или в распоряжении которых имелись какие бы то ни было библиотеки, обязаны были в месячный срок довести об этом до сведения Отдела библиотек Народного комиссариата просвещения. Этот декрет, опубликованный за подписью В. И. Ленина, был первым советским законом в области библиотечного дела; он повернул внимание местных органов власти и Наркомпроса к делу охраны величайших культурных ценностей народа, какими стали книги в условиях советского строя.

К концу 1918 г. в деле реквизиции библиотек, книжных складов и книг был наведен строгий порядок. 26 ноября В. И. Ленин подписал декрет «О порядке реквизиции библиотек, книжных складов и книг вообще», по которому какая-либо реквизиция литературы из библиотек и частных собраний разрешалась лишь с ведома Наркомпроса: «1. Реквизиции библиотек, книжных магазинов, книжных складов и вообще книг производятся лишь с ведома и согласия Народного комиссариата просвещения.

2. В тех случаях, когда при конфискации по каким-либо причинам имущества в составе его окажутся книги, последние должны быть немедленно передаваемы в распоряжение Народного комиссариата по просвещению в лице его Библиотечного отделения или в распоряжение местных органов по народному образованию, сообщающих о них Народному комиссариату по просвещению» [2].

Национализация книжных богатств в Петрограде, Москве и в центральных губерниях России в основном была завершена в течение 1918 г. Но начавшаяся Гражданская война задержала процесс национализации библиотек на территории остальной части страны и в значительной мере затруднила систематическую работу в широких масштабах по продвижению книги в народные массы. Успешное решение проблемы национализации основных книжных богатств выдвигало задачу упорядочения работы библиотек, максимального

упрощения организации работы в них в целях наилучшего обслуживания населения.

26 апреля 1918 г. на заседании Совнаркома обсуждался вопрос об организации центрального управления архивами и библиотеками. А. В. Луначарскому было поручено созвать широкое совещание из представителей Наркомпроса и заинтересованных ведомств для разработки детального проекта организации центрального управления архивами, а также проекта реорганизации всего библиотечного дела.

Однако Наркомпрос не обеспечил выполнения этого постановления Совнаркома; недовольство В. И. Ленина таким положением дела проявилось при обсуждении на заседании Совнаркома 7 июня 1918 г. вопроса о Социалистической академии общественных наук. В постановлении, принятом по предложению В. И. Ленина, Совет народных комиссаров ставил на вид Комиссариату народного просвещения недостаточность его забот о правильной постановке библиотечного дела в России и поручал Комиссариату немедленно принять самые энергичные меры для централизации библиотечного дела в России и его реорганизации по усовершенствованной системе. Комиссариату народного просвещения предлагалось 2 раза в месяц отчитываться перед СНК о практических мерах в этой области.

27 июня 1918 г. во исполнение директивы В. И. Ленина Совнарком заслушал доклад заместителя наркома М. Н. Покровского о предпринятых Наркомпросом мерах и о результатах совещания московских специалистов, которые рекомендовал провести СНК. Была отправлена 27 июня 1918 г. телеграмма в Петроград, Библиотечному отделу Наркомпроса, копии Луначарскому и Рязанову: «Вызываются в Москву на совещание по вопросу о централизации библиотечного дела и введения швейцарско-американской системы в России – понедельник 1 июля пять часов в помещении Наркомиссариата просвещения, Остоженка, 53 – представители библиотек Публичной, Академической, Университетской, Политехникума, Путей сообщения, Технологического института, Духовной академии, бывших Государственного совета и Государственной думы, также Книжной палаты. Неисполнение этого предписания повлечет за собой тяжелые революционные кары. Заместитель Наркома просвещения Покровский. Председатель Совнаркома Ленин» [3].

Особый интерес вызывает вопрос о введении швейцарско-американской системы в библиотечном деле: «27 июня 1918 г. на заседании Совета Народных Комиссаров был заслушан доклад заместителя народного комиссара просвещения М. Н. Покровского о принятых Наркомпросом мерах о введении швейцарско-американской системы в библиотечном деле (прот. 148, п. 1). На заседании СНК было принято решение о посылке телеграммы Луначарскому и Рязанову за подписью Ленина и Покровского» [4, с. 624]. Мы знаем ее как десятичную систему (ДС): «Сторонники ДК в России считают в ней самыми ценными такие качества как легкая запоминаемость индексов и международность. В связи с известными политическими событиями в России распространение ДК приостановилось, а в октябре 1917 г. перед специалистами встает вопрос о классификационной системе для библиотек. Опыта создания национальной классификационной системы нет, и советские библиотекари обращаются к ДК, как тогда ее называли „швейцарско-американской системе“» [5].

Докладчик на заседании СНК показал необходимость привлечения петроградских специалистов к разработке программы библиотечной работы в РСФСР и первых декретов Совнаркома в этой области. При обмене мнениями по докладу было высказано единодушное пожелание в первую очередь законодательно закрепить порядок охраны библиотек, чтобы предохранить от утраты и расхищения колоссальные книжные богатства, сосредоточенные в руках государства. Совнарком постановил по докладу: «Предложить Наркомпросу разработать проект декрета об охране библиотек в России (особенно в бывш. усадьбах) и внести его на рассмотрение СНК в четверг 4-го июля с. г. Предложить тов. Покровскому доложить СНК о результатах совместного совещания московских и петроградских специалистов библиотечного дела тотчас после окончания его работ, но во всяком случае не позднее четверга 4-го июля с. г. Поручить тов. Покровскому дать в печать за своей подписью официальное сообщение результатов работ совещания по библиотечному делу (изложение его сегодняшнего доклада СНК)» [4].

А совещание представителей центральных библиотек, для сбора которого была разослана телеграмма, состоялось в июле 1918 г. Совещание разработало «Положение об обмене книгами», «Положение

о справочном бюро» и приняло ряд других решений, способствующих дальнейшему развитию библиотечного дела.

Впоследствии А. В. Луначарский в выступлении на заседании Госиздата в 1924 г. говорил в порядке воспоминаний и пояснений: «Владимир Ильич обращал сугубое внимание на все, что имеет отношение к книге. Его с первого дня переворота волновал вопрос о библиотеках и изданиях. В следующую после взятия Зимнего дворца ночь, часа в 4 или 5, он отвел меня в сторону, после того как состоялось мое назначение комиссаром по просвещению, и сказал: „Постарайтесь обратить в первую голову внимание на библиотеки. Надо заимствовать в передовых буржуазных странах все те формы широкого распространения библиотечных книг, которые там выработаны. Поскорее надо сделать книгу доступной массе“. И потом, как бы спохватившись, добавил: „Нашу книгу надо постараться бросить в возможно большем количестве и во все концы России“. Так что не о ликвидации безграмотности как таковой, но о другом, не менее настоящем вопросе народного просвещения заговорил со мной Владимир Ильич в первый день, когда он в качестве руководителя правительства обратился ко мне, к своему помощнику по народному просвещению, – он заговорил со мной как раз о библиотеках и издательствах» [6, с. 75–76]. Этот же текст имеется на сайте документов А. В. Луначарского [7].

В. И. Ленин заботился о своевременном снабжении библиотек всеми выходящими книжными новинками, что облегчало продвижение литературы к массовому читателю. Именно в свете выполнения ленинской установки на приближение библиотек к народу следует рассматривать на первый взгляд кажущееся ведомственным мероприятием по переводу Государственной книжной палаты из ведения Народного комиссариата внутренних дел в систему Наркомпроса.

Правительством были приняты меры к обеспечению государственных книгохранилищ «обязательным экземпляром» всей издаваемой в стране литературы. 21 мая 1918 г. Комиссия при Совнаркомом обсуждала первоначальный проект циркулярного распоряжения о снабжении всеми изданиями государственных книгохранилищ: библиотеки Румянцевского музея (в СССР библиотека имени В. И. Ленина, в РФ – Российская государственная библиотека), библиотеки Академии наук и Публичной библиотеки в Петрограде (Ныне Российская национальная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина).

Комиссия решила передать проект на заключение в Наркомпрос. Совнарком, утверждая протокол Комиссии от 24 мая 1918 г., обязал Наркомпрос отнестись к проекту как к делу чрезвычайно серьезному и срочному и предоставил ему однодневный срок на завершение работы над проектом. Кроме того, Совнарком вынес решение обязать всех издателей собрать все недоимки и внести в библиотеки.

В. И. Ленин придавал первостепенное значение библиотекам и уделял им исключительное внимание не только потому, что постановку библиотечного дела считал одним из существенных показателей культурного уровня страны, но главным образом потому, что видел в нем важнейшее средство повышения грамотности и культуры народа.

Н. К. Крупская писала в предисловии к первому изданию брошюры «Что писал и говорил Ленин о библиотеках»: «Начиная библиотечный поход, необходимо ознакомиться с тем, что говорил и писал по этому поводу Ильич. Библиотечное дело он принимал очень близко к сердцу. Занимаясь сам постоянно в библиотеках, он знал, видел, как страшно отстает наша страна на этом фронте. Он еще в 1913 г. мечтал о том, чтобы громадные библиотеки с сотнями тысяч и миллионами томов сделать доступными для массы, для толпы, для улицы.

После, когда власть была завоевана, Владимир Ильич уделял много времени на то, чтобы помочь всячески развитию библиотечной сети, возможно лучшему ее снабжению. Он постоянно требовал данных и от Наркомпроса, и от отдельных специалистов, и от РКИ. Он внимательно читал все, что выходило по библиотечному делу» [8].

В 1929 г. Н. К. Крупская живописала обстановку переделки всего библиотечного дела Российской империи для новой Советской России: «Ничто, может быть, так не пострадало во время Гражданской войны и разрухи, как библиотеки. Их жгли белые, их помещения занимали под госпитали. В календаре работы В. И. Ленина (см. „Записки Института Ленина“, вып. I) говорится о том, что 27 января 1921 г. Владимир Ильич поручил предоставить Академии наук помещение, ранее принадлежавшее ее библиотеке, а в то время занятое полевым запасным госпиталем: „До сих пор ничего не сделано. Надо проверить, сделать и, пожалуй, назначить расследование о волоките“.

Если нужно было вмешательство Ильича для того, чтобы очистить помещение библиотеки Академии наук, то можно себе представить,

как жилось всяким обычным библиотекам. На библиотечном съезде в свое время т. Сейфуллина рассказывала, как в один прекрасный день местные власти распорядились перевести коллектор, где были тысячи книг, в маленькую комнатушку и очень удивились, когда узнали, что коллектор – это не комиссия, а книжный склад...

Библиотеки то открывали, то закрывали. Приходилось чистить библиотеки от черносотенных и религиозных книг, и оказывалось, что при этом полки старых библиотек почти опустошались. Помещицы библиотеки часто просто разбирались по рукам, то же случилось и с библиотеками, которых лишили библиотекаря. Много было благих пожеланий и мало умения.

Например, мне пришлось наблюдать в 1919 г., как в Казани в одном из лучших особняков с зеркальными окнами решено было организовать Дворец книги. И что же сделали? Позакрывали библиотеки по всей губернии, книги из них взяли и свезли в Дворец книги, собрались их расклассифицировать по десятичной системе, а пока что они были свалены в кучу, громоздились друг на друге, и никто не знал, что с ними делать. В то же самое время в Румянцевской библиотеке (теперь библиотека им. Ленина) в Москве лежало около миллиона неразобранных книг. Об этом рассказывала Владимиру Ильичу т. Манучарьянц, а он говорил о том, что надо устраивать субботники, на что она замечала, что тут нужна квалифицированная публика, а то так разберут, что потом наплачешься.

Библиотекари в общем и целом проявили большую самоотверженность. Благодаря им главным образом удалось сохранить очень многое. Но годы гражданской войны и общей разрухи наложили свою печать на общее отношение к библиотечному делу. Ему не придают того значения, которое оно имеет.

Когда теперь перечитываешь высказывания Ильича по библиотечному делу, чувствуешь, как важно и жизненно то, что он говорил, и хоть прошли года, но статьи его, написанные по этому поводу, и сейчас, пожалуй, больше, чем когда-нибудь, служат руководством к действию» [8].

Библиотеки могли стать самыми распространенными (после школ) культурными учреждениями в стране, явиться опорными пунктами внешкольной, просветительной деятельности. Эта позиция В. И. Ленина по отношению к библиотекам, занятая с первых же

дней советского строя, благотворно сказалась на развитии советского библиотечного дела. В ленинских директивах о работе библиотек намечалась уникальная перспектива библиотечного строительства в Советской стране. Сегодня особенно поражают директивы столетней давности о ежедневной, включая праздники и выходные, работе всех открытых народу публичных библиотек с 8 часов утра до 11 часов вечера.

В ленинской работе о задачах публичной библиотеки в Петрограде говорится: «Чтобы разумно, осмысленно, успешно участвовать в революции, надо учиться. Библиотечное дело в Петрограде поставлено, в силу многолетней порчи народного просвещения царизмом, из рук вон плохо.

Немедленно и безусловно необходимы следующие основные преобразования, исходящие из принципов, давно осуществленных в свободных государствах Запада, особенно в Швейцарии и в Соединенных Штатах Северной Америки:

1) Публичная библиотека (бывшая Императорская) должна немедленно перейти к обмену книгами как со всеми общественными и казенными библиотеками Питера и провинции, так и с заграничными библиотеками (Финляндии, Швеции и так далее).

2) Пересылка книг из библиотеки в библиотеку должна быть, по закону, объявлена даровой.

3) Читальный зал библиотеки должен быть открыт, как делается в культурных странах в частных библиотеках и читальнях для богатых людей, ежедневно, не исключая праздников и воскресений, с 8 час. утра до 11 час. вечера.

4) Потребное количество служащих должно быть немедленно переведено в Публичную библиотеку из департаментов Министерства народного просвещения (с расширением женского труда, ввиду военного спроса на мужской), в каковых департаментах $\frac{9}{10}$ заняты не только бесполезным, но вредным трудом» [9, с. 132–133].

Внимание к библиотечному делу, к книгам во многом явилось результатом социального качества советского правительства – самого образованного правительства в мире тогда и, пожалуй, на сегодняшний день. Нарком просвещения А. В. Луначарский также остался в мировой истории как самый уникальный, образованный и культурнейший министр просвещения.

Список использованных источников

1. Декрет Совета Народных Комиссаров. Об охране библиотек и книгохранилищ. – URL: <https://istmat.org/node/30652> (дата обращения: 30.04.2023). – Текст: электронный.
2. 1918, 26 ноября. Декрет СНК о порядке реквизиции библиотек, книжных магазинов и складов и книг вообще. – URL: <http://opentextnn.ru/old/censorship/russia/sov/law/snk/1917/index.html?id=594> (дата обращения: 30.04.2023). – Текст: электронный.
3. 27 июня. Телеграмма в Петроград Библиотечному отделу Народного комиссариата по просвещению о вызове в Москву представителей библиотек Петрограда на совещание по вопросу о централизации библиотечного дела. – URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/14973> (дата обращения: 30.04.2023). – Текст: электронный.
4. Декреты Советской власти. т. II. 17 марта – 10 июля 1918 г. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории акад. наук СССР. – Москва: Политиздат, 1959. – 698 с. – Текст: непосредственный.
5. Классификационные системы, применяемые в библиотеках РФ: ББК, УДК, ДКД. – URL: <http://www.libhelp.ru/documents/founds/vip2/vip2.6.htm> (дата обращения: 30.04.2023). – Текст: электронный.
6. Книга о книге / Науч.-исслед. ин-т книговедения при Гос. публичной б-ке. – Ленинград: [б. и.], 1927–1932. – 3 т. – 1929. – II, 262 с.
7. Ленин – Луначарскому. – URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/lenin-i-lunacharskij/49> (дата обращения: 30.04.2023). – Текст: электронный.
8. Крупская, Н. К. Что писал и говорил Ленин о библиотеках / Н. К. Крупская. – URL: <https://pub.wikireading.ru/135073?ysclid=lufu9cgohl645606691> (дата обращения: 30.04.2023). – Текст: электронный.
9. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – Москва: ИПЛ, 1974. – Т. 35. – 600 с. – Текст: непосредственный.

2.6. НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ И ОРГАНИЗАЦИЯ МУЗЕЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Во время империалистической войны возник стихийный отлив за границу художественных ценностей из частных и государственных владений. В период Временного правительства за границу увозили вагонами произведения искусства и антикварные драгоценности. Это продолжалось и в первые дни пролетарской революции, а потому Советскому правительству диктатуры пролетариата в рамках мер принуждения пришлось принимать срочные меры для организации охраны музейных ценностей, памятников искусства и старины в общегосударственном масштабе. Декрет Совета народных комиссаров «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» предусматривал в целях сохранения, изучения и ознакомления масс населения с сокровищами искусства и старины объявить их всенародным достоянием и провести первую государственную регистрацию всех монументальных и вещественных памятников искусства и старины. Вся музейная деятельность оказалась в непосредственном ведении Всероссийской коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Народном комиссариате по просвещению. В первые месяцы активно протекал процесс национализации художественных и культурных ценностей: живописи, скульптуры, собрания книг. Из частных владений дворян и буржуазии, ликвидированных учреждений местные органы Советской власти изымали коллекции произведений искусства и книг и сосредоточивали их в государственных хранилищах или передавали во временное пользование общественным организациям.

Для разрушения старых и новых исторических мифов о разрушительной силе революции, якобы уничтожившей культурные ценности старого мира важно обратиться к документам об охране культурных ценностей советской властью буквально с первых дней ее возникновения и утверждения. Чрезвычайно показательна для характеристики отношения советского правительства к охране унаследованных народом сокровищ культуры и искусства переписка между Управлением делами Совнаркома и Наркомпросом о создании специального отряда Красной гвардии для охраны дворцов, музеев и памятников Петрограда.

В. И. Ленин ясно видел, что народ полностью поддерживает политику Советской власти в области культуры и сохранности культурных ценностей. Повсеместно, как только восставшие рабочие подавляли вооруженное сопротивление контрреволюции, Военно-революционные комитеты и местные Советы немедленно принимали меры к охране культурных ценностей: дворцов, библиотек, архивохранилищ, музеев, памятников старины. В этом сказался творческий дух пролетарской революции, государственный разум народов Советского государства.

Разъясняя трудящимся необходимость бережного отношения к народному добру, В. И. Ленин, советское правительство приступили к организации государственной охраны памятников искусства и старины в масштабе всей страны. Во время империалистической войны возник стихийный отлив за границу художественных ценностей из частных и даже государственных владений. В период Временного правительства за границу увозили целыми вагонами художественную мебель, произведения искусства, антикварные драгоценности. Это продолжалось и в первые дни пролетарской революции. Советскому правительству в рамках мер принуждения диктатуры пролетариата пришлось принимать срочные меры для организации охраны музейных ценностей, памятников искусства и старины в общегосударственном масштабе.

По указанию В. И. Ленина в ноябре 1917 г. при Наркомпросе была организована Коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины: «Для проведения в жизнь единого плана общегосударственного музейного строительства и в целях объединения связанных с этим работ по реорганизации существующих и созданию новых художественных и культурно-исторических музеев Советской Республики вся музейная деятельность этого характера находится в непосредственном ведении Всероссийской Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Народном Комиссариате по Просвещению в Москве и Петрограде» [1].

К работе этой коллегии были привлечены крупные ученые: академики И. А. Орбели, Н. Я. Марр и другие. В конце 1917 г. в Москве образовалась коллегия, подобная петроградской. Организация этой коллегии была поручена Наркомпросом известному художнику и историку искусства И. Э. Грабарю. Он привлек к работе коллегии

знатоков музейного дела и искусствоведов, желавших помочь Советской власти в сохранении памятников культуры. Благодаря деятельности этих коллегий в двух столицах страны, где было сосредоточено больше всего музеев, государственных хранилищ и частных коллекций, а также исторических памятников и изданий, были сохранены важнейшие памятники русской культуры.

В декабре 1917 г. Совнарком ассигновал 15 тысяч рублей на расходы для поддержания порядка во дворцах, перешедших в общенародное достояние. В марте 1918 г. в связи с угрозой немецкого нападения на Петроград Совнарком принял энергичные меры по эвакуации и охране художественных и исторических ценностей Петрограда. Во исполнение декрета «О памятниках республики» была организована специальная комиссия и ассигнованы средства для ее работы по учету, сохранению и эвакуации художественных ценностей [2].

Однако детальные шаги по национализации культурного наследия шли постепенно. Так, декрет о национализации Троице-Сергиевской лавры был принят лишь в апреле 1920 г. [3]. Проект декрета за авторством А. В. Луначарского о национализации Троице-Сергиевой лавры выглядел так: «Принимая во внимание, что Троице-Сергиевская лавра как ценный художественно-исторический и бытовой памятник имеет исключительное общественное значение для дела исторического просвещения и художественного развития народных масс, Совет Народных Комиссаров постановил:

1) Троице-Сергиеву лавру со всеми ее художественными и историческими и бытовыми ценностями объявить государственной собственностью Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

2) Все здания Троице-Сергиевской лавры в пределах старых и новых стен со всем художественным и хозяйственным имуществом, хозяйственными постройками, инвентарем и землей в тех же пределах передаются в ведение и распоряжение отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного комиссариата по просвещению.

3) Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного комиссариата по просвещению вырабатывает и вводит в действие положение и инструкцию об управлении Троице-Сергиевской лавры и об использовании ее художественных со-

браний, исторических памятников, храмов и других зданий в целях демократизации художественно-исторических знаний и научного изучения.

4) Храмы, жилые помещения, хозяйственные постройки, мастерские, инвентарь, находящиеся в пределах старых и новых стен Лавры, поскольку это не препятствует прямым задачам отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины, могут быть использованы для других целей лишь с ведома и разрешения отдела.

Нарком по просвещению А. Луначарский» [4].

В. И. Ленин, советское правительство в тот период острейшей политической борьбы не только уделяли внимание охране исторических памятников, но и принимали эффективные меры по обеспечению их сохранности. В январе 1918 г. решением правительства было отпущено 450 тысяч рублей на ремонт Кремля. Вскоре после переезда правительства в Москву В. И. Ленин дал указание о реставрации важнейших исторических зданий Кремля, поврежденных в октябре 1917 г. В одной из своих записок коменданту Кремля 17 мая 1918 г. В. И. Ленин писал: «Товарищу коменданту Кремля. Предлагаю в срочном порядке произвести реставрацию Владимирских ворот (кремлевская башня, выходящая к Историческому музею), поручив кому-либо из архитекторов по указанию П. П. Малиновского представить смету и наблюдать за исполнением работ» [5].

В тяжелых условиях экономической разрухи и крайней нехватки строительных материалов правительство выделяло средства на реставрацию Кремля. Большое значение имел принятый по инициативе В. И. Ленина декрет Совета Народных Комиссаров от 5 октября 1918 г. «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» [6].

Декрет предусматривал в целях сохранения, изучения и возможно полного ознакомления широких масс населения с сокровищами искусства и старины объявить их всенародным достоянием и провести первую государственную регистрацию всех монументальных и вещественных памятников искусства и старины, взять на учет находящиеся в ведении обществ, учреждений и частных лиц собрания предметов искусств и старины, имеющих научное, историческое и художественное значение.

Архитектору И. Бондаренко, руководившему реставрационными работами в Кремле, В. И. Ленин дал указание восстанавливать все как было, делать прочно и хорошо. И. Бондаренко в своих воспоминаниях отмечает, что «Ильич посоветовал нам восстановить первоначальный вид зданий, освободить их от более поздних наслоений, искажавших подлинно народную архитектуру Кремля» [5].

Таким образом, в первые месяцы Советской власти активно протекает процесс национализации художественных и культурных ценностей: живописи, скульптуры, собрания книг. Из частных владений дворян и буржуазии, разных ликвидированных учреждений местные органы Советской власти изымают богатейшие коллекции произведений искусства и книг и сосредоточивают их в государственных хранилищах или передают во временное пользование общественным организациям.

В отличие от реквизиций книг обращение художественных коллекций в общенародное достояние протекало более организованно и планомерно. Это находит свое известное объяснение в том, что основные художественные ценности страны были сконцентрированы в крупнейших общественных и частных собраниях, а также и в том, что Советской власти честно помогали крупные специалисты – искусствоведы и художники. Одним из первых среди них был И. Э. Грабарь. Возглавляемая им Коллегия при Наркомпросе, впоследствии переименованная в Отдел Наркомпроса по делам музеев и охране памятников искусства и старины, развернула большую и серьезную работу по выполнению специальных указаний В. И. Ленина. Эти указания касались национализации художественных собраний, учета, охраны и реставрации памятников искусства и старины.

«Одним из первых больших дел „Отдела“, – вспоминает И. Э. Грабарь, – была разработка декретов о национализации крупнейших частных художественных собраний, об учете и охране произведений искусства и о национализации Троице-Сергиевской лавры. Инициатива всех этих декретов исходила от В. И. Ленина. Они шли от нас к нему на утверждение, и некоторые из них, как декреты о национализации частных собраний и лавры, он лично исправил, значительно усилив ответственность заведующих за их сохранность» [7, с. 274].

Прежде всего был подготовлен по инициативе В. И. Ленина и утвержден им декрет Совнаркома о национализации художе-

ственной галереи имени братьев Третьяковых. В этой галерее была сосредоточена богатейшая коллекция произведений русской живописи, которая имела выдающееся значение по своей культурной и художественной ценности. Являясь самым крупным собранием произведений русской живописи, Третьяковская галерея выполняла просветительные и научные задачи общегосударственного значения. Но переданная ее основателями, братьями Третьяковыми, в дар городу Москве, эта галерея до революции управлялась специальным советом, который избирался Московской городской думой. Состав совета галереи был весьма разнородный, и руководство таким важнейшим культурно-просветительным учреждением не отражало общегосударственных интересов, не могло обеспечить правильного использования этих исключительных художественных богатств русского народа.

Интересы сохранности, развития и правильного использования галереи для просвещения трудящихся и научных целей требовали того, чтобы она была обращена в общенародную собственность и вошла в сеть государственных музеев. С другой стороны, будучи национализированной, она могла стать базой для сосредоточения реквизируемых частных художественных коллекций и явиться основой для развёртывания большого музея национальной русской живописи, способного отразить своей экспозицией прекрасное творчество русского гения в области изобразительных искусств. Исходя из этого советское правительство приняло декрет «О национализации Третьяковской галереи»: «Принимая во внимание, что московская городская художественная галерея имени П. и С. М. Третьяковых является по своему культурному и художественному значению учреждением, выполняющим общегосударственные просветительные функции, и что интересы рабочего класса требуют, чтобы Третьяковская галерея вошла в сеть общегосударственных музеев, направляемых в своей деятельности Народным комиссариатом по просвещению, Совет Народных Комиссаров постановил:

1) Московскую городскую художественную галерею имени П. и С. М. Третьяковых объявить государственной собственностью Российской Федеративной Советской Республики и передать в ведение Народного комиссариата по просвещению на общем основании с прочими государственными музеями.

2) Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Народном комиссариате по просвещению срочно выработать и ввести в действие новое положение об управлении галереей и ее деятельности в соответствии с современными музейными потребностями и задачами демократизации художественно-просветительных учреждений Российской Советской Республики» [8].

Он был утвержден 3 июня 1918 г. на заседании Совнаркома и 6 июня за подписью В. И. Ленина опубликован в центральной печати. Несколькими месяцами позднее были национализированы крупнейшие частные художественные собрания в Москве. Ленинские декреты, обратив выдающиеся художественные ценности в общенародное достояние, создали базу для продвижения этих сокровищ в народ, для приобщения трудящихся к высшим завоеваниям художественного творчества, для просвещения народа.

Национализация художественных сокровищ внесла коренное изменение в развитие нашего искусства, предоставив возможность подлинно научного изучения и использования художественного наследия, оздоровила музейную работу, превратив ее из забытого участка в составную часть борьбы за новое искусство и просвещение трудящихся.

Список использованных источников

1. Постановление Народного Комиссариата Просвещения. Об объединении деятельности художественных и культурно-исторических музеев. – URL: <https://istmat.org/node/38309> (дата обращения: 12.05.2023). – Текст: электронный.

2. Декрет о памятниках Республики. 12 апреля 1918 г. – URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/14663-12-aprelya-dekret-o-pamyatnikah-respubliki> (дата обращения: 12.05.2023). – Текст: электронный.

3. Декрет Совета Народных Комиссаров. Об обращении в музей историко-художественных ценностей Троице-Сергиевской Лавры. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. Управление делами Совнаркома СССР М. 1943. стр. 192–193. Статья № 133. Декрет Совета Народных Комиссаров. – URL: <https://istmat.org/node/41470> (дата обращения: 12.05.2023). – Текст: электронный.

4. А. В. Луначарский – в Малый Совнарком (Не позднее 31 декабря 1919 г.). – URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/ob-ateizme-i-religii/o-nacio->

nalizacii-troice-sergievskoj-lavru (дата обращения: 12.05.2023). – Текст: электронный.

5. Из истории Кремля. – URL: <http://museums.artyx.ru/books/item/foosoo/zoooooo23/stoo1.shtml> (дата обращения: 12.05.2023). – Текст: электронный.

6. Декрет Совета Народных Комиссаров от 5 октября 1918 г. «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений». – URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Декрет_СНК_РСФСР_от_05.10.1918_О_регистрации,_приеме_на_учет_и_охранении_памятников_искусства_и_старины (дата обращения: 12.05.2023). – Текст: электронный.

7. Грабарь И. Э. Моя жизнь: Автобиография. – Москва; Ленинград: Искусство, 1937. Москва: [Тип.] Гознак. – 376 с. – Текст: непосредственный.

8. Декрет «О национализации Третьяковской галереи». – URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/18-06-03.htm> (дата обращения: 12.05.2023). – Текст: электронный.

2.7. ПОЛИТИКА БЕРЕЖНОГО ОТНОШЕНИЯ К УЧЕНЫМ В ИНТЕРЕСАХ МАКСИМАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НАУКИ ДЛЯ НУЖД НАРОДА

Российские ученые по-разному отнеслись к русским революциям: Февральскую революцию восприняли как свою, а Октябрьская революция вызвала их недовольство и ропот. Первым вопросом, поставленным новой властью перед мимикрирующей наукой, стало рассмотрение предложения Академии наук работать по учету естественных богатств России. Слабость Академии — неумение составить единый план широкого обобщения — выявилась в связи с тем, что перед Академией встали качественно новые задачи. Поскольку правящая партия полагала, что интеллигенция неизбежно придет к социализму, но придет своим путем, то основной опасностью следовало считать поспешное реформирование Академии наук. План обобщения народно-хозяйственных проблем, реорганизации промышленности и экономического подъема России, за разработку которого не осмелились приняться академики, дал В. И. Ленин. Его «Набросок плана научно-технических работ» вошел в историю Советского государства не только как первый документ председателя Совнаркома, адресованный Академии наук, но и как первый документ социалистического планирования. Работа Советской власти в союзе с деятелями науки и техники показывает, какое почетное место отводилось науке в строительстве нового общества уже в начальный период деятельности советского правительства.

Первый Народный комиссар просвещения РСФСР А. В. Луначарский в итоговой статье «К 200-летию Всесоюзной академии наук» писал о специфическом отношении российских ученых к двум русским революциям: «К революции буржуазной, февральской, Академия отнеслась дружелюбно, и в этом нет ничего удивительного, может быть, среди академиков и были какие-нибудь чудачки православно самодержавных воззрений, но большинство состояло из объективных ученых, которые в общем предпочитали Европу России, довольно легко мирились с самодержавием, но без сожаления с ним расстались. Они ожидали лучшего. Левое меньшинство Академии состояло из настоящих либералов, из кадетов и кадетствующих. Февральскую революцию они восприняли, как свою» [1].

Далее выясняется, что к Октябрьской революции отношение ученых было совершенно другое: «Еще в первый период войны Академия создала так называемый КЕБС, Комитет по изучению естественных богатств России. Она, конечно, еще с большей готовностью согласилась служить научным помощником в деле продолжения войны при новом ее Милюковско-Керенском обороте. Но в недрах зажившегося самодержавия созрела не только буржуазная революция, но и революция пролетарская. Она последовала скоро за своим немощным предшественником и пожрала его. Мы знаем, что научный мир в общем и целом отнесся к новой революции как к неожиданному и нелепому происшествию. Подобная небывалая буря, обрушившаяся к тому же на голову каждого ученого и в области частного быта, и в научной колоссальное количество неудобств, вызвала недовольство и ропот в самых широких научных кругах. Многие надеялись, что это наваждение пройдет быстро» [1].

Причина такого положения дел и сознания ученой касты заключалась в оторванности ученых от общественной жизни. Тем не менее ситуация после взятия власти пролетариатом быстро изменилась, и Нарком просвещения повествует об этом так: «Глубочайшая оторванность от общественной жизни, в которой существовала ученая каста, делала для многих из них совершенно непонятным то, что происходило вокруг, и болезненно било по нервам. Я недостаточно знаком со внутренней жизнью Академии, чтобы сказать, чьей заслугой было то, что Академия Наук, в общем и целом, как учреждение, как большинство ее состава, сумела поставить себя совершенно иначе.

В начале 1918 г., только что оглядевшись в стенах недавно занятого нами Министерства просвещения в Чернышевском переулке, я решил выяснить отношение к нам Академии среди всеобщих бушевавших волн злобного бойкота. Я запросил Академию, какое участие она собирается принять в нашей культурно-просветительной работе и что может она дать в связи с мобилизацией науки для нужд государственного строительства, которую считает необходимой произвести новое правительство.

Российская академия наук, за подписью своего президента Карпинского и своего неперемennого секретаря Ольденбурга, ответила мне буквально, что «она всегда готова по требованию жизни и государства на посильную научную теоретическую разработку отдель-

ных задач, выдвигаемых нуждами государственного строительства, являясь при этом организующим и привлекающим ученые силы страны центром». Я знаю, что Академию обвиняли в своеобразной мимикрии, в своеобразной самобронировке. Раз Академии пришлось жить в «зверином царстве», что же ей, умной, многоопытной, оставалось делать, как не приобрести сейчас же защитный цвет и не заявить, что мы-де, объективные ученые, посильно служим жизни, какие бы она превращения ни переживала и признаем всякое государство. Разве не так когда-то кастовая интеллигенция церкви заявляла, что «несть власти аще не от бога?» [1].

Итак, первым вопросом, поставленным отечественной наукой перед новой властью и новой властью перед мимикрирующей под новую власть наукой страны на заседании Совнаркома стало рассмотрение предложения Академии наук работать по учёту естественных богатств России. 12 апреля 1918 г. Совнарком, заслушав сообщение народного комиссара просвещения, вынес постановление большой принципиальной важности: «Заслушав доклад Народного Комиссариата просвещения о предложении Академии Наук ученых услуг Советской власти по исследованию естественных богатств страны, Совет Народных Комиссаров постановляет: пойти навстречу этому предложению, принципиально признать необходимость финансирования соответственных работ Академии и указать ей, как особенно важную и неотложную задачу – разрешение проблем правильного распределения в стране промышленности и наиболее рациональное использование ее хозяйственных сил» [2, с. 705].

Вместе с протоколом Совнаркома сохранился текст предлагаемой А. В. Луначарским резолюции (черновой автограф): «Заслушав доклад нар. комиссара по просвещению о предложении Академией наук ученых услуг Советской власти по исследованию естественных богатств страны, Совнар<ком> постановляет пойти навстречу этому предложению, принципиально признать необходимость финансирования соответственных работ Академии и указать ей как особенно [желательную для] важную и неотложную задачу систематическое [расследование] разрешение проблем правильного распределения в стране промышленности и наиболее рациональное использование ее хозяйственных сил. Луначарский. 12 а<п>р. 1918 г.» [3]. В тот же день на заседании Совнаркома резолюция была принята как постановле-

ние, а В. И. Ленин подписал протокол [4]. С принятием этого декрета связан написанный В. И. Лениным «Набросок плана научно-технических работ» [5, с. 228–231].

Постановление Совнаркома, одобрявшее предложение Академии наук, не только означало большую политическую победу советского строя в области науки, но и предрешало вопрос об организационной форме объединения ученых вокруг высокоавторитетного советского научного центра, каким по праву могла быть и впоследствии стала Академия наук.

Программа Комиссии по изучению естественных производительных сил страны, которую представила Академия наук советскому правительству и за осуществление которой принялись ученые после указанного выше постановления Совнаркома, предусматривала обширный круг работ. Намечались проведение экономических, статистических, этнографических и картографических исследований, разработка недр, энергетических ресурсов и сельского хозяйства.

Когда правительство поставило центральной задачей Академии наук научную разработку проблем для наиболее рационального использования хозяйственных сил страны, с особенной наглядностью обнаружилась слабость Академии – неумение составить единый план широкого обобщения. Эта слабость особенно выявилась в связи с тем, что перед Академией встали качественно новые задачи, которые заставляли ее разработать перспективу коренной перестройки методов работы, преодолеть отрыв теории от практики, отказаться от традиции индивидуального выбора научных тем вне зависимости от важнейших запросов общественной жизни.

Все эти слабости Академии более, чем кому-либо, были ясны В. И. Ленину. Однако В. И. Ленин, проявляя величайший такт и осторожность, не ставил тогда перед Академией никаких условий партийно-политического или организационного характера. В тот период В. И. Ленин считал необходимым предъявлять деятелям науки требования гражданского долга – служения народу, сотрудничества с Советской властью, которую установил народ. И поскольку деятели науки шли на это, база для работы имелась. В. И. Ленин считал, что отрицательные традиции академической среды, имевшие почти двухвековую историю, не могут быть преодолены по приказу или декретом. Нужно было время не только для того, чтобы сбросить груз

старых отрицательных традиций, но и для того, чтобы ученые могли убедиться в преимуществах советского строя для науки.

Впоследствии В. И. Ленин говорил о том, что интеллигенция неизбежно придет к социализму, но придет своим путем. Он утверждал в работе «Об едином хозяйственном плане»: «Задача коммунистов внутри „Гоэлро“ – поменьше командовать, вернее вовсе не командовать, а подходить к специалистам науки и техники („они в большинстве случаев неизбежно пропитаны буржуазными мирозерцанием и навыками“, как говорит программа РКП) чрезвычайно острожно и умело, учась у них и помогая им расширять свой кругозор, исходя из завоеваний и данных соответственной науки, памятуя, что инженер придет к признанию коммунизма *не так*, как пришел подпольщик-пропагандист, литератор, *а через данные своей науки*, что *по-своему* придет к признанию коммунизма агроном, по-своему лесовод и т. д.» [6, с. 346].

В этой мысли В. И. Ленина не только выражалась уверенность, что лучшая часть старой интеллигенции неизбежно признает преимущества социализма и перейдет на его позиции, но и подчеркивалась необходимость известного времени, в течение которого интеллигенция придёт к идеалам пролетариата.

Поэтому в рассматриваемый период В. И. Ленин считал основной опасностью попытку поспешного реформирования Академии наук, которое под флагом мнимого новаторства могло отпугнуть ученых от советского строя и задержать процесс привлечения работников науки к социалистическому строительству. И В. И. Ленин полностью одобрял политику бережного отношения к ученым в интересах максимального использования науки для нужд народа, которую проводил Наркомпрос. В статье, посвященной 200-летию Академии наук, А. В. Луначарский писал: «...я прекрасно помню две-три беседы, в которых он буквально предостерегал меня, чтобы кто-нибудь не „озорничал“ вокруг Академии». В контексте это звучит так, что новая власть могла выбрать (но не выбрала!) силовое решение в отношении Академии: «Или Наркомпрос должен был, видя, что Академия мешкает креститься в новую веру, крестить ее, как Добрыня, огнем и мечем? [Но я надеюсь, что А. И. Рыков не сочтет меня нескромным, если я повторю приведенные им слова В. И. Ленина, на которые он сослался при обсуждении одного вопроса, связанного с Академией: „Не надо давать некоторым коммунистам-фанатикам съесть Академию“.]

Да, В. И. Ленин не только не расхотел в этом вопросе с Наркомпросом, но очень часто заходил дальше, и я прекрасно помню две-три беседы, в которых он буквально предостерегал меня, чтобы кто-нибудь не „озорничал“ вокруг Академии» [1]. Так, В. И. Ленин был встревожен, услышав, что в кругах Наркомпроса поговаривают о необходимости реорганизации Академии. При первой же встрече с А. В. Луначарским В. И. Ленин попросил проинформировать его о планах реорганизации. После этого, как вспоминал А. В. Луначарский, В. И. Ленин сказал ему, что сейчас вплотную Академией заняться некогда, а это важный общегосударственный вопрос; тут нужны осторожность, такт и большие знания. В. И. Ленин предупредил А. В. Луначарского о непродуманных шагах в подходе к Академии, за которые потом придется строго взыскивать с руководителей Наркомпроса. Такое бережное отношение главы Советского государства предоставляло коллективу ученых старейшего научного учреждения страны возможность органической перестройки по мере установления более прочных связей с органами советской власти, советской общественностью и критического пересмотра своего научного арсенала и методов работы. Нарком вспоминал, что в то время «один очень уважаемый молодой коммунист и астроном придумал чудесный план реорганизации Академии. На бумаге выходило очень красиво. Предварительным условием являлось, конечно, сломать существующее здание на предмет сооружения образцового академического града. В. И. Ленин очень обеспокоился, вызвал меня и спросил: „Вы хотите реформировать Академию? У вас там какие-то планы на этот счет пишут?“

Я ответил: „Академию необходимо приспособить к общегосударственной и общественной жизни, нельзя оставить ее каким-то государством в государстве. Мы должны ее ближе подтянуть к себе, знать, что она делает, и давать ей некоторые директивы. Но, конечно, планы коренной реформы несвоевременны и серьезного значения мы им не придаем“.

Несколько успокоенный Ильич ответил: „Нам сейчас вплотную Академией заняться некогда, а это важный общегосударственный вопрос. Тут нужна осторожность, такт и большие знания, а пока мы заняты более проклятыми вопросами. Найдется у вас какой-нибудь смельчак, наскочит на Академию и перебьет там столько посуды, что потом с вас придется строго взыскивать“.

Этот наказ В. И. я запомнил в обеих его частях: и в части угрозы взыскать с тех, кто перебьет академическую посуду, и в той части, что придет время, когда этот „важный государственный вопрос“ будет урегулирован со всей силой мысли нашей великой партии» [1].

Сам Нарком оценил историческое положение науки весьма метафорически: «Затворница самодержавия освобождена. Быть может, многим академикам кажется, что это вовсе не свобода. Им привольно жилось в их золоченой клетке. Да, пожалуй, это не есть метафизическая свобода, которой, впрочем, и вообще-то не существует. Наша свобода есть освобождение от религиозных и буржуазных предрассудков, наша свобода есть освобождение от всяких мелочных пут классового, сословного национального характера. Недаром Лассаль говорил об естественном союзе ученого и рабочего. Нам нужна могучая и говорящая правду наука, а науке нужно государство или общество, способное полностью выполнять продиктованные подлинным знанием действительности принципы» [7].

Что касается плана широкого научного обобщения всех народнохозяйственных проблем, о котором писал А. В. Луначарский в Академию наук и за разработку которого не осмелились приняться академики, то его дал В. И. Ленин. Известный ленинский «Набросок плана научно-технических работ», относящийся к весне 1918 г., замечателен новизной постановки вопроса, широким размахом, методологической силой и той органической связью с жизнью масс, которой отличалось каждое государственное мероприятие В. И. Ленина. Владимир Ильич писал: «Академии наук, начавшей систематическое изучение и обследование естественных производительных сил... России, следует немедленно дать от Высшего совета народного хозяйства поручение образовать ряд комиссий из специалистов для возможно более быстрого составления плана реорганизации промышленности и экономического подъема России.

В этот план должно входить:

рациональное *размещение* промышленности в России с точки зрения близости сырья и возможности наименьшей потери труда при переходе от обработки сырья ко всем последовательным стадиям обработки полуфабрикатов вплоть до получения готового продукта.

Рациональное с точки зрения новейшей наиболее крупной промышленности и особенно трестов слияние и сосредоточение производства в немногих крупнейших предприятиях.

Наибольшее обеспечение теперешней Российской Советской Республике (без Украины и без занятых немцами областей) возможно *самостоятельно* снабдить себя *всеми* главнейшими видами сырья и промышленности.

Обращение особого внимания на электрификацию промышленности и транспорта и применение электричества к земледелию. Использование непервоклассных сортов топлива (торф, уголь худших сортов) для получения электрической энергии с наименьшими затратами на добычу и перевоз горючего.

Водные силы и ветряные двигатели вообще и в применении к земледелию» [5, с. 228–229].

В. И. Ленин поставил перед Академией наук задачу «возможно более быстрого составления плана реорганизации промышленности и экономического подъема России». Это была задача комплексного изучения естественных производительных сил страны и возрождения ее экономики, впервые поставленная перед отечественной наукой большевиками. Для своего разрешения она требовала умелой организации научно-технических работников Советской страны и умелого их использования. Таким образом, в ленинском «наброске» была дана целая программа научно-исследовательской деятельности Академии наук и всех научно-технических сил страны на ряд лет.

Ленинский «Набросок плана научно-технических работ» вошел в историю Советского государства не только как первый документ Председателя Совнаркома, адресованный Академии наук, но и как первый ленинский документ из области социалистического планирования. В этом наброске В. И. Ленин писал о руководящем принципе составления плана экономического подъема России. Здесь он говорил о рациональном размещении промышленности на территории страны, о строительстве крупной промышленности, об электрификации и использовании местного топлива в энергетическом хозяйстве. И то обстоятельство, что все эти коренные задачи государства В. И. Ленин считал возможным разрешить в тесном союзе с деятелями науки и техники, показывает, какое почетное место отводилось науке в развернувшемся строительстве нового общества уже в начальный период деятельности советского правительства.

Статья Наркома просвещения завершается образными сравнениями о различии положения науки в капиталистическом и социали-

стическом обществах: «Академия наук сумела сказать новой стихии с самого ее появления: „Я не противоречу тебе, я постараюсь жить с тобою, я постараюсь быть полезной тебе. Ты же, со своей стороны, пощади меня, отнесись ко мне с тактом; как только позволят тебе обстоятельства – позаботься обо мне, сохрани мои научные ресурсы, умножь их, как только сможешь. Тогда мы постепенно сольемся, мы обменяемся нашими дарами. Ты вольешь в меня твое мужество, твою энергию, ты вольешь в меня новые силы, новых Ломоносовых, которых породят нам фабрики и деревня. Я дам тебе бесчисленные сокровища знаний, я разрешу многие из задач, которые станут перед тобой, я помогу тебе организовать научные силы вокруг твоей борьбы“. Вот что сказала Академия Советской Власти, которая ответила „All right! Попробуем“. До сих пор мы не раскаялись в этой пробе и думаем, что не раскаемся и впредь» [1].

Список использованных источников

1. Луначарский А. В. К 200-летию Всесоюзной академии наук. – URL: <http://lunacharsky.newgod.su/articles/k-200-letiu-vsesouznoj-akademii-nauk> (дата обращения: 15.05.2023). – Текст: электронный.
2. Из постановления СНК РСФСР о привлечении Академии наук к решению народнохозяйственных задач (12 апреля 1918) // Хрестоматия по отечественной истории (1914–1945 гг.) / Моск. пед. гос. ун-т; [Сост. Э. М. Щагин и др.]; Под ред. А. Ф. Киселева, Э. М. Щагина; [Предисл. Э. М. Щагина]. – Москва: ВЛАДОС, 1996. – 894 с. – Текст: непосредственный.
3. Наследие А. В. Луначарского. Философия, политика, искусство, просвещение. – URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/lenin-i-lunacharskij/38> (дата обращения: 15.05.2023). – Текст: электронный.
4. Известия. – 1918. – № 77. – 19 апреля. – Текст: непосредственный.
5. Декреты Советской власти. Т. II. 17 марта – 10 июля 1918 г. – Москва: Политиздат, 1959. – 698 с. – Текст: непосредственный.
6. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – Москва: ИПЛ, 1974. – Т. 36. – 741 с. – Текст: непосредственный.
7. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – Москва: ИПЛ, 1970. – Т. 42. – 606 с. – Текст: непосредственный.
8. Луначарский, А. В. К 200-летию Всесоюзной Академии Наук / А. В. Луначарский // Новый мир. – 1925. – № 10. – С. 99–112. – Текст: непосредственный.

2.8. ИЗДАНИЕ КНИГ ДЛЯ НАРОДА – ЗАДАЧА ГОСУДАРСТВА НОВОГО СОЦИАЛИЗМА

Советское государство от распространения книги в среду трудящихся перешло к изданию новых книг и массовому переизданию классической литературы. Для развертывания советской издательской деятельности требовалась законодательная и организационная база, управление издательским делом было сосредоточено в Наркомпросе. В отличие от академических изданий при подготовке избранных сочинений редакция обязывалась руководствоваться степенью близости сочинений трудовому народу, для которого эти народные издания предназначаются. Предполагалось сопровождать издания сочинений классиков предисловиями и комментариями авторитетных ученых и литераторов. В дореволюционных статьях В. И. Ленин писал, что произведения корифеев русской культуры недоступны народу; бичевал общественные порядки и доказывал, что единственный выход – борьба за социализм. После революции политическая агитация явилась первой и наиболее доступной формой массового распространения социалистической идеологии, без чего невозможно было строительство советской, социалистической культуры. Результатом культурной революции явились ликвидация неграмотности населения страны, введение всеобщего семилетнего обучения и создание национальных кадров новой социалистической интеллигенции.

Советское государство не могло ограничиться в деле распространения книги лишь продвижением в среду трудящихся ранее изданных и накопленных в библиотеках книжных богатств. Требовалось издание новых книг, а также массовое переиздание классической литературы, чтобы сделать ее действительно доступной народу. Потребность в организации советского издательского дела многократно возростала под влиянием политической обстановки, которая настоятельно требовала противопоставить массовое издание советских книг вредной политической и художественной литературы, все еще издававшейся старыми издательствами, а также меньшевиками, эсерами и иными противниками пролетарской революции.

Для развертывания советской издательской деятельности требовалась законодательная и организационная база. Как все важнейшие вопросы культуры, управление издательским делом было сосредоточено в Наркомпросе. Законодательной основой послужил декабрь-

ский 1917 г. декрет ВЦИК. Декрет был принят с прямого одобрения В. И. Ленина, причем в тексте декрета отражены некоторые из его прямых указаний.

Вопрос о монополизации издания русских классиков и создании при Наркомпросе Литературно-издательского отдела возник в среде руководящих работников Наркомпроса. Одним из инициаторов этого мероприятия и первым руководителем Литературно-издательского отдела Наркомпроса был П. И. Лебедев-Полянский. 29 декабря 1917 г. ВЦИК утвердил декрет «О Государственном издательстве» 4 января 1918 г. декрет был опубликован в «Газете Временного рабочего и крестьянского правительства».

Декрет обязывал Наркомпрос приступить к широкой издательской деятельности, указав, что «в первую очередь должно при этом быть поставлено дешевое народное издание русских классиков». Устанавливалось, что сочинения всех авторов, а классиков прежде всего, переходят «из области частной собственности в область общенности, могут быть для каждого писателя особым постановлением Гос. ком. по просвещению объявлены государственной монополией, сроком, однако, не дольше, как на пять лет» [1].

Было предусмотрено переиздание произведений корифеев художественной литературы, «творения которых перейдут согласно настоящему закону в собственность народа». Издание сочинений классиков предполагалось в двух видах: академическое и однотомники избранных произведений. При подготовке избранных сочинений редакция обязывалась руководствоваться «степенью близости отдельных сочинений трудовому народу, для которого эти народные издания предназначаются». Предполагалось сопровождать издания сочинений классиков предисловиями и комментариями авторитетных ученых и литераторов. Издаваемые Наркомпросом книги должны были поступать в продажу по себестоимости.

Кроме того, декрет поручал Наркомпросу массовое издание учебников. ВЦИК предлагал Совнаркому открыть Наркомпросу для его издательской деятельности кредит в 1 миллион рублей. Типографские заказы должны были распределяться при участии профсоюзной общенности печатников. Таким образом, декрет предусматривал развертывание советской издательской деятельности при широком участии ученых, писателей и рабочих-печатников.

Из писательской среды честно откликнулись на приглашение Наркомпроса и активно работали А. Блок и В. Брюсов. В какой же мере декрет «О Государственном издательстве» отражал мысли и установки В. И. Ленина по вопросам культуры и культурного строительства? Прежде всего необходимо отметить, что весь дух декрета, его содержание проникнуты ленинскими идеями народности культуры, использования классического культурного наследства и критического его освоения. Кроме того, отдельные формулировки декрета обусловлены конкретными замечаниями В. И. Ленина.

Под влиянием В. И. Ленина было выдвинуто коренное положение декрета: «в первую очередь должно при этом быть поставлено дешевое народное издание русских классиков». Это было связано с одним из основных положений политики В. И. Ленина в области культурного строительства, которую он неоднократно обосновывал на съездах, подчеркивая с особенной настойчивостью, что нашей задачей является приобщение масс к культурным ценностям и завоеваниям прошлого. Указание В. И. Ленина об издании произведений классиков для народа и его директивы Публичной библиотеке – одно из самых первых практических мероприятий, отображающих ленинскую политику демократизации культуры, предоставления культурных сокровищ народу.

На основании декрета «О Государственном издательстве» Литературно-издательский отдел Наркомпроса развернул огромную работу по переизданию художественной литературы. Наркомпросом был утвержден список русских прозаиков, поэтов и критиков, сочинения которых были монополизированы на 5 лет. В список вошли 58 авторов. Центральное место списка занимали корифеи русской литературы. Было решено приступить к изданию произведений Маркса и Энгельса, а также Плеханова.

В дореволюционных статьях В. И. Ленин с горечью писал, что произведения корифеев русской культуры недоступны народу; гневно бичевал он общественные порядки, отделявшие культуру от народа, доказывал, что единственный выход из этого – борьба за социализм. «Толстой-художник известен ничтожному меньшинству даже в России, – писал В. И. Ленин в 1910 г. – Чтобы сделать его великие произведения действительно достоянием *всех*, нужна борьба и борьба против такого общественного строя, который осудил миллионы и десятки

миллионов на темноту, забитость, каторжный труд и нищету, нужен социалистический переворот» [2, с. 19].

Нужный России социалистический переворот произошел! И сразу же полностью оправдались слова В. И. Ленина. Советская Россия стала издавать произведения Л. Н. Толстого для всех трудящихся. К лету 1918 г., помимо Литературно-издательского отдела Наркомпроса, были организованы большие советские издательства ВЦИК, Московского и Петроградского Советов, партийное издательство «Коммунист». Кроме того, издавали книги Высший Совет Народного Хозяйства и другие ведомства. К 1918 г. относится появление первых советских литературных и литературно-художественных журналов. Так, несмотря на военные тяготы и хозяйственные трудности, молодая Советская республика, крайне стесненная в финансах, бумаге, типографском оборудовании, развернула широкую издательскую деятельность, выполняя директивы В. И. Ленина о продвижении книги в народ. В массы читателей Советская власть начала продвигать лучшую разнообразную литературу: труды Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, произведения классиков художественной литературы, естественно-научную и агрономическую литературу и многие, многие другие книги, которые так давно ждал народ.

Массовая политико-просветительная работа в нашей стране в первые месяцы Советской власти играла исключительно большую роль. В стране еще открыто действовали враждебные народу политические партии: меньшевики, эсеры, анархисты. Они тоже вели «культурно-просветительную» работу в массах, имели свои клубы, газеты, выпускали брошюры. Они пытались влиять на массы через кооперацию, профсоюзы, культурные общества. Меньшевики и эсеры с нескрываемой злобой вели антисоветскую агитацию, прикрывая ее фальшивой фразеологией о защите «демократии», ратовали за «культурную» работу вне политики. Это была попытка отвлечь массы от насущных нужд укрепления социалистического государства, использовать тягу народа к просвещению в антисоветских целях.

В этих условиях большевистская политическая агитация, естественно, должна была занять первое место в системе культурно-просветительной работы Советского государства, ибо она способствовала разрешению текущих политических, военных и хозяйственных

задач страны, освещала борьбу масс светом научного социализма, несла социалистическую идеологию в народ.

В результате великих преобразований, проведенных партией большевиков за годы Советской власти, две великие силы нашей страны – народ и коммунизм – слились воедино. Это величайшее единство готовили большевики с первых дней советского строя, неся в массы идеи непримиримой классовой борьбы, советской государственности и советского патриотизма. И политическая агитация явилась первой, наиболее доступной формой массового распространения социалистической идеологии, без чего невозможно было строительство советской, социалистической культуры.

В результате социалистической революции и культурной революции как части плана построения социализма последовательно и настойчиво проводя в жизнь ленинскую национальную политику, Коммунистическая партия и Советское государство обеспечили победу подлинной культурной революции во всех союзных и автономных республиках. Важнейшим результатом культурной революции являются ликвидация неграмотности подавляющего большинства населения страны, введение всеобщего семилетнего обучения и создание многочисленных национальных кадров новой, социалистической интеллигенции. Состояние народного образования – один из ярких показателей культурного уровня той или иной страны, того или иного народа.

И. П. Верховцев пишет в 1957 г., то есть через 40 лет после Октября, обзор по итогам культурной революции: «До Октябрьской революции в Таджикистане имелось лишь несколько начальных духовных школ, в которых обучались дети баев и мулл. Один грамотный приходился тогда на 200 человек. Ныне Таджикская ССР располагает тысячами общеобразовательных школ, десятками средних специальных учебных заведений, она имеет девять высших учебных заведений. Известный таджикский писатель Садриддин Айни был очевидцем темноты и невежества народных масс Таджикистана, когда в нем господствовали царские чиновники, узбекские и таджикские феодалы-помещики во главе с бухарским эмиром. Тот же Айни был активным участником культурной революции в своей республике. Он так писал о великих завоеваниях своего народа после Октябрьской революции: „Сорок лет из 75 я прожил в мрачную эпоху феодализма и эми-

рата, и лишь при Советской власти мои глаза увидели светлый день» [3, с. 46].

Автор отмечает: «До Октябрьской революции на огромной территории Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Туркмении, Таджикистана не имелось ни одного высшего учебного заведения. В настоящее время в этих пяти республиках работает 85 вузов, готовящих национальные кадры для самых различных участков государственного, хозяйственного и культурного строительства. То же самое можно сказать о Белоруссии, Азербайджане и Армении, которые не имели прежде ни одного высшего учебного заведения, а ныне располагают своими университетами и многими институтами. Очень знаменательно, что советские республики по размаху высшего образования далеко опередили не только страны Востока, но и западноевропейские капиталистические государства» [3, с. 47].

Брошюра заключается выводом: «Чтобы полнее оценить исторические достижения в культурном развитии советских народов, следует непременно учесть, что 48 национальностей нашей страны только после победы Великой Октябрьской социалистической революции получили свою письменность. Советская власть не только приобщила их ко всем благам культуры, но и сделала активными творцами новых сокровищниц мировой культуры» [3, с. 48].

В итоге возникло то, что современные исследователи называют «матрицей советской жизни». Однако ее происхождение сегодня выветрилось под влиянием ветров истории: «без малого тридцать лет назад советский коллектив – дружная семья строителей светлого будущего страны и человечества, единственно дозволенная форма социальной жизни граждан – канул в историю. Вместе с породившим и взрастившим его общественным строем. Звучащий сегодня шлягер начала 70-х гг. „Мой адрес – Советский Союз“ – явная ностальгия по мироощущению молодости. Популярность написанной три десятилетия спустя песни Олега Газманова „Сделан в СССР“ также отчасти обусловлена склонностью находить утешение в воспоминаниях об идеализированном прошлом. Впрочем, прошлое – фундамент настоящего. Частотные словари русского языка свидетельствуют: „коллектив“ не исчез из повседневной лексики, хотя употребляется реже прежнего, как синоним любой сплоченной просоциальной группы. Никто из наскорю опрошенных 20–30-летних не вспомнил

о коммунистической бригаде, где с нами Ленин впереди, о социалистическом соревновании, ленинском субботнике, о советском народе как новой исторической общности и прочих полумифических реалиях советской жизни. Причастность коммунистическим идеалам, марксистско-ленинскому мировоззрению из нынешнего „коллектива“ напрочь выветрилась» [4, с. 7–8].

Список использованных источников

1. Декрет о государственном издательстве (Принят в заседании Центр. Исп. К-та 29 декабря 1917 г.). – URL: <https://istmat.org/node/28307> (дата обращения: 15.05.2023). – Текст: электронный.
2. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – Москва: ИПЛ, 1973. – Т. 20. – 583 с. – Текст: непосредственный.
3. Верховцев, И. П. Что дала Октябрьская революция народам СССР / И. П. Верховцев. – Москва: ГИПЛ, 1957. – 63 с. – Текст: непосредственный.
4. Донцов, А. И. Родословная советского коллектива / А. И. Донцов, Д. А. Донцов. – Москва: Издательство АСТ, 2019. – 320 с. – Текст: непосредственный.

2.9. НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ АРХИВНОГО ДЕЛА И РАЗОБЛАЧЕНИЕ ТАЙНОЙ ДИПЛОМАТИИ КАК ЗАДАЧА РАННЕГО СОЦИАЛИЗМА

Ленинский декрет «О реорганизации и централизации архивного дела» создал единый Государственный архивный фонд, в результате революция обратила архивные сокровища в общенациональное достояние. Требование обнаружить тайные архивы министерства иностранных дел, скрывавшие империалистические договоры, разоблачало антинародную захватническую политику самодержавия и Временного правительства. В борьбе за достижение мира Советское правительство, опубликовав тайные договоры, показало, что правители всех стран — разбойники. В первом декрете Советской власти «О мире» провозглашается, что новое правительство отменяет тайную дипломатию. Сохранение архивов и их национализация не позволило осуществить фальсификации в интересах свергнутых классов, но сохранило размежевание российской интеллигенцию и госслужащих на два количественно неравных лагеря.

Заметной вехой советского культурного строительства в начальный период новой государственности является ленинский декрет «О реорганизации и централизации архивного дела», которому предшествовала серьезная работа Наркомпроса и других народных комиссариатов, а также местных органов Советской власти по сохранению архивов и их всестороннему использованию. Первый пункт декрета, представленного в электронной библиотеке исторического факультета МГУ: «Все архивы правительственных учреждений ликвидируются, как ведомственные учреждения, и хранящиеся в них дела и документы отныне образуют единый Государственный архивный фонд» [1].

Особо важен пятый пункт: «Правительственные учреждения не имеют права уничтожать какие бы то ни было дела и переписку или отдельные бумаги без письменного разрешения Главного управления архивным делом. Нарушители сего запрещения будут привлечены к судебной ответственности» [1].

Октябрьская социалистическая революция сохранила в неприкосновенности архивы всех видов: государственные и учрежденские,

частновладельческие и церковные. Она обратила основные архивные сокровища в общенациональное достояние. Советская власть отнеслась к архивам как к величайшему культурному богатству, многостороннему по своей значимости. Советская власть поставила архивы на службу народу в его политической борьбе, в практической деятельности многочисленных организаций и учреждений страны, в научной работе.

Ленинское требование обнародовать тайные архивы министерства иностранных дел, скрывавшие империалистические договоры, стало выполняться еще в ноябре 1917 г. Публикацию этих архивов начал матрос Балтийского флота И. Г. Маркин. Он опубликовал в газетах и отдельными брошюрами секретные документы, разоблачающие антинародную захватническую политику царского самодержавия и Временного правительства.

Наркоминдел возглавил Л. Д. Троцкий, которому приписывают фразу «Дело мое маленькое: опубликовать тайные договоры и закрыть лавочку». Многие сотрудники МИД, как и работники ведомственного архива, отказались сотрудничать с большевиками. Архивариусы повсюду в старом госаппарате заявляли, что признают власть, избранную Учредительным собранием, и потому требовали прекратить вмешательство политических организаций в деятельность архивов. Именно поэтому в архивах появились профессиональные революционеры, а на дверях вывешивали объявление: «Старых чиновников просят с предложениями своих услуг не беспокоиться».

Вспоминают, что работу по дешифровке Л. Д. Троцкий курировал лично, и вся эта работа на 100 лет опередила знаменитую Wikileaks: «Он проведаль Маркина, выделил двух машинистов, переводчиков, охрану. Шифровальщиков прислал Главный морской штаб Ревкома. Их посадили в бронированные комнаты, а документы поместили в несгораемые шкафы» [2]. «Сборники документов раскупались на расхват. Работники иностранных посольств и саботажники старого МИД пытались их скупить и уничтожить», как отмечает «История дипломатии» [3, с. 307].

Эффект на Западе и внутри страны был ошеломляющим. В. И. Ленин в речи на Первом Всероссийском съезде военного флота заявил: «Мы опубликовали и впредь будем опубликовывать тайные договоры. Никакая злоба и никакая клевета нас не остановит на этом пути.

Господа буржуа злобствуют оттого, что народ видит, из-за чего его гнали на бойню. Они пугают страну перспективой новой войны, в которой Россия оказалась бы изолированной. Но нас не остановит та бешеная ненависть, которую буржуазия проявляет к нам, к нашему движению к миру. Пусть она попробует повести народы на четвертый год войны друг против друга! Это ей не удастся. Не только у нас, но во всех воюющих странах назревает борьба против собственных империалистических правительств. Даже в Германии, которую империалисты десятки лет старались превратить в военный лагерь, где весь правительственный аппарат направлен к тому, чтобы малейшее проявление народного возмущения было пресечено в самом зародыше, и там дошло до открытого восстания во флоте. Нужно знать, как неслыханно велик полицейский произвол в Германии, чтобы понять, какое значение имеет это восстание. Но революция не заказывается; революция является как следствие взрыва негодования народных масс. Если было так легко справиться с шайкой жалких, полоумных людей, как Романов и Распутин, то зато неизмеримо труднее бороться с организованной и сильной кликой германских коронованных и некоронованных империалистов. Но можно и должно работать рука об руку с революционным классом трудящихся всех стран. И на этот путь встало Советское правительство, когда опубликовало тайные договоры и показало, что правители всех стран – разбойники. Это есть пропаганда не словом, а делом. (Бурные аплодисменты.)» [4, с. 116–117].

При помощи архивных документов были разоблачены многие враги народа, тайные служители охранки и царской полиции. Архивные документы стали широко использоваться при создании аппарата новой государственной власти. В первом же декрете Советской власти «О мире» говорится: «Тайную дипломатию Правительство отменяет, со своей стороны выражая твердое намерение вести все переговоры совершенно открыто перед всем народом, приступая немедленно к полному опубликованию тайных договоров, подтвержденных или заключенных правительством помещиков и капиталистов с февраля по 25 октября 1917 г. Все содержание этих тайных договоров, поскольку оно направлено, как это в большинстве случаев бывало, к доставлению выгод и привилегий русским помещикам и капиталистам, к удержанию или увеличению аннексий великороссов, Правительство объявляет безусловно и немедленно отмененным» [5].

Национализация архивов создавала важнейшие условия для их научного использования и подлинно научной разработки отечественной истории, опирающейся на все богатство накопленных столетиями документов и материалов. Недаром вокруг архивов классовый враг развернул борьбу, применяя все средства – саботаж, стремление получить автономию, он пытался дезориентировать советскую власть в оценке значимости архивов и открыть к ним доступ всем желающим. Но все эти ухищрения классового врага не дали ему никаких результатов. Советская власть прочно удержала за собой архивы и поставила их на службу государственному строительству, на службу науке.

Руководство архивами советское правительство возложило на Наркомпрос, в системе которого был создан Центральный комитет по управлению архивами. Этому учреждению совместно с руководством Наркомпроса поручалась разработка проекта переустройства архивного дела в соответствии с запросами советского государственного строя и требованиями науки. 26 апреля 1918 г. Совнарком рассмотрел вопрос об организации Центрального управления архивами и библиотеками, а также о создании архива и библиотеки истории революционного движения в России. Были ассигнованы специальные средства (200 тысяч рублей) для нужд Центрального комитета по управлению архивами и предложено в двухнедельный срок представить детально разработанную смету. Совнарком поручил Наркомпросу А. В. Луначарскому привлечь специалистов и представителей заинтересованных ведомств для разработки детального проекта организации Центрального управления архивами. Разработанный по заданию правительства проект декрета 30 мая был рассмотрен Совнаркомом, а 1 июня утвержден и подписан В. И. Лениным. 8 июня декрет за подписью В. И. Ленина был опубликован в «Известиях».

Первый пункт декрета означал ликвидацию ведомственной собственности на архивы. Архивы становились общегосударственной собственностью, их хранение, обработка и использование должны были производиться исходя из нужд всей страны и на основе определенных научных положений.

Заведывание единым государственным архивным фондом было возложено на вновь созданное специальное Главное управление архивным делом, подчинявшееся Наркомпросу. Руководителю Главно-

го архивного управления, который утверждался Совнаркомом, было присвоено право непосредственного доклада правительству.

Все документы и делопроизводство, относящиеся к периоду до 25 октября 1917 г., поступали в единый архивный фонд. Более поздние делопроизводство и документация могли храниться в действующих архивах ведомств и учреждений определенной срок (позднее этот срок был ограничен пятью годами). Все изданные ранее декреты и постановления об организации архивного дела были отменены.

Ленинский декрет об организации и централизации архивного дела заложил основу советского архивного строительства. Последовательно осуществляя большевистскую программу демократизации общественного строя, ленинский декрет передал все архивы в пользование созданной народом власти, в интересах народа. Ленинский декрет ликвидировал не только частную собственность на архивы общенационального значения, но и узковедомственный подход к архивным материалам, чем создал благоприятную обстановку для разработки объективной подлинно научной истории нашей Родины.

Примечательно, что к исследуемому периоду относится важнейшее положение Ленина о взаимоотношении между рабочим классом и наукой. Последний пункт плана речи на I Всероссийском съезде по просвещению (август 1918 г.) В. И. Ленин озаглавил лозунгом: «Идти в народ»... «Союз науки и рабочих»... [6, с. 528]. Это один из ведущих лозунгов диктатуры пролетариата в области культуры.

Сохранение архивов не позволило осуществить фальсификации в интересах свергнутых правящих классов, но сохранилось размежевание российской интеллигенции и госслужащих на два количественно неравных лагеря. Между лагерями шла борьба: «В Министерстве иностранных дел находилось большое количество зашифрованной корреспонденции. Шифры были предусмотрительно выкрадены чиновниками министерства и бывшим министром Нератовым. Маркин вместе с несколькими красногвардейцами ночами просиживали в шифровальной. Большинство этой корреспонденции было расшифровано. Так появились новые специалисты по шифровке. „Пусть знают трудящиеся всего мира, – писал Маркин в предисловии к ‘Сборнику секретных документов’, – как за их спинами дипломаты в кабинетах продавали их жизнь... Заключали позорные договоры. Пусть знает всякий, как империалисты росчерком пера

отхватывали целые области. Орошали поля человеческой кровью. Каждый открытый документ есть острейшее оружие против буржуазии» [7, с. 583–584].

Список использованных источников

1. Декрет о реорганизации и централизации архивного дела. 1 июня 1918 г. – URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/18-06-01-2.htm> (дата обращения: 31 марта 2024 г.). – Текст: электронный.
2. Как Троцкий и матрос Маркин Wikileaks в 1917 году делали. – URL: <https://tov-trotsky.livejournal.com/19449.html> (дата обращения: 31 марта 2024 г.). – Текст: электронный.
3. История дипломатии. Дипломатия в Новое время. (1872–1919). Под ред. Акад. Потемкина В. П. Москва-Ленинград: ОГИЗ, 1945. – Т. 2. – 431 с. – Текст: непосредственный.
4. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – Москва: ИПЛ, 1974. – Т. 35. – 600 с. – Текст: непосредственный.
5. О мире. Декрет II Всероссийского съезда Советов. – URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5302/> (дата обращения: 31 марта 2024 г.). – Текст: электронный.
6. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – Москва: ИПЛ, 1969. т. 37. – 748 с. – Текст: непосредственный.
7. История гражданской войны в СССР / Под ред. М. Горького, В. Молотова, К. Ворошилова, С. Кирова, А. Жданова, И. Сталина. – Москва: Секретариат Глав. ред. «Истории гражданской войны», Гос. изд-во полит. лит., 1943. т. 2: Великая пролетарская революция. (Октябрь-ноябрь 1917 г.). – 655 с. – Текст: непосредственный.

2.10. МОБИЛИЗАЦИЯ И КОНЦЕНТРАЦИЯ ВСЕХ НАУЧНЫХ СИЛ СТРАНЫ: РЕШЕНИЕ ЗАДАЧИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК К РАБОТЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Народный комиссар просвещения сразу после Октябрьской революции обратился к Российской академии наук с запросом, какое участие она собирается принять в культурно-просветительной деятельности Советского государства и что может дать в связи с мобилизацией науки для нужд государственного строительства. Ответ свидетельствовал о готовности ученых работать вместе с советским правительством и по его заданиям. Руководство Академии полагало, что в среде ученых сложилось убеждение о необходимости единения «чистой науки» с техникой и прикладными знаниями. Эти заявления не отражали действительного положения вещей. ВЦИК принял постановление о том, что задачей Научного отдела является мобилизация и концентрация всех научных сил страны. Через два года после революции ученые перешли на позиции советской власти, но для ученых не были ясны идеалы жизни нового общества. Когда правительство поставило центральной задачей Академии наук научную разработку проблем для рационального использования хозяйственных сил страны, обнаружилось неумение составить единый план широкого обобщения, когда перед Академией встали качественно новые задачи, которые заставляли ее разработать перспективу перестройки методов работы, преодолеть отрыв теории от практики, отказаться от независимости от запросов общественной жизни.

Не сразу ученые Российской империи связали свою судьбу с деятельностью Советской власти, советского народа. Процесс перехода научных работников на советскую сторону был не так прост и легок. Враждебные советскому строю буржуазные интеллигенты обосновывали свои взгляды и позиции требованием «чистой науки», не связанной с политикой. Это откровенно буржуазная точка зрения была принята среди ученых подобно требованию «искусства для искусства» в среде художественной интеллигенции. И после преодоления саботажа попытки ученых поставить себя в независимое положение от Советской власти продолжались еще длительное время; они выражались в виде требования автономии для научно-исследовательских учреждений и высших учебных заведений.

Весна 1918 г. ознаменовалась серьезным изменением отношения работников науки к советскому строю и народу. Выполняя указания В. И. Ленина о мобилизации науки на нужды государственного строительства, Народный комиссар по просвещению А. В. Луначарский в марте 1918 г. обратился с официальным письмом к руководству Российской академии наук, в котором запросил, какое участие она собирается принять в культурно-просветительной деятельности Советского государства и что может дать в связи с мобилизацией науки для нужд государственного строительства. Ответ, присланный Академией наук 24 марта 1918 г. за подписью ее президента А. П. Карпинского на имя А. В. Луначарского, говорил о готовности ученых работать вместе с советским правительством по его заданиям. Это письмо Академии является выдающимся документом в истории советской науки вообще и в истории важнейшего научного центра нашей страны в особенности.

Несмотря на недостатки, письмо Академии свидетельствовало о серьезных изменениях в рядах деятелей науки, что было так важно в тот период, когда В. И. Ленин выдвигал свой план социалистического строительства. В январе 1918 г. В. И. Ленин, выступая на III Всероссийском съезде Советов, сказал: «Раньше весь человеческий ум, весь его гений творил только для того, чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого – просвещения и развития. Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием, и отныне никогда человеческий ум и гений не будут обращены в средства насилия, в средства эксплуатации» [1, с. 289].

В связи с получением ответного письма Академии Нарком Просвещения обратился к председателю ВЦИК Я. М. Свердлову с предложением сделать доклад о письме к президенту Академии наук и ответе его на это письмо, о положении самой Академии наук, предложившей свои услуги Советской власти. Я. М. Свердлов принял предложение Наркома, и 11 апреля на заседании ВЦИК был заслушан доклад Наркома по просвещению. В докладе отмечалась важность привлечения научных сил страны к социалистическому строительству именно в данный трудный и ответственный момент жизни Советского государства. Письмо Наркомпроса с полной откровенностью ставило перед Академией наук вопрос о том, что она «не может укрыться

от пересмотра своего культурного инвентаря, который в настоящее время народом производится». Нарком сказал буквально так: «Одним из актов этого подотдела было это письмо, которое я и т. Шапиро направили к президенту Академии наук, где написали, что высокое учреждение, как Академия наук, не может сейчас укрыться от пересмотра своего культурного инвентаря, который в настоящее время народом производится. Мы можем защитить любое учреждение и потребовать ассигнования на его содержание, которое не может существовать на прежние ассигновки; мы можем настоять на этом только в том случае, если мы перед органами трудовой демократии сможем выступить с реальным доказательством, что данное учреждение в стране играет полезную и культурную роль для трудящихся масс и что в силу этого нужно будет знать, что может предложить Академия, какую реальную услугу новой России» [2, с. 25–26].

В протоколе заседания Государственной комиссии по просвещению о работе Отдела по мобилизации научных сил при Наркомпросе 31 марта 1918 г. отмечалось: «Советская власть взяла на себя колоссальную задачу урегулировать жизнь страны на основах коренного преобразования. В этой работе необходимо опираться на знание. Оно в чужих руках. Возник вопрос: нельзя ли произвести мобилизацию научных сил. Особенно остро ощущалась необходимость в научных силах в Высшем Совете Народного Хозяйства. Явилась мысль – в нейтральном месте создать центр, который объединил бы все ученые силы для возможности распределения научных заданий между ними. По вопросу о создании такого центра отдел вступил в переговоры с Академией наук, которая и пошла навстречу этому делу. Уже сейчас Академией произведена колоссальная работа по изучению естественных богатств России. Академия же взяла на себя учет всех научных обществ в России» [3, с. 21–22].

А. В. Луначарский заявил следующее: «После моего приезда в Москву я в первый же день обратился к т. Свердлову с просьбой дать возможность хотя бы на короткое время выступить перед Центральным Исполнительным Комитетом специально для того, чтобы сделать ему доклад о моем письме к президенту Академии наук и ответе его на это письмо и о некотором положении самой Российской Академии наук, предложившей свои услуги Советской власти, так как Российская Академия наук представляет из себя один из органов сосредото-

ния наиболее ученых сил русской интеллигенции и вообще русской интеллигенции, и о возникновении отношений между представителями власти и Академией наук на почве реального сотрудничества, что казалось симптоматичным и должно быть подчеркнуто, и это не может ускользнуть ни от чьего внимания» [2, с. 25].

Ответ президента Академии наук и приложенная к нему докладная записка председателя Комиссии по исследованию естественных богатств России давали уверенность в том, что большевистский план перехода к социалистическому строительству будет выполняться при участии работников науки. Речь шла не только об отряде ученых, объединяемом Академией наук. Советское правительство и его органы, ведающие делами культуры, с удовлетворением встретили ответ Академии наук, что, конечно, стало известно в научных кругах.

Письмо президента Академии наук представляло большой политический интерес как своего рода декларация ученых и заслуживает более подробного освещения и анализа. Академик А. П. Карпинский прежде всего ставил в известность, что обращение Наркомпроса было доложено высшему органу Академии – Конференции Академии наук, которая обсудила его и поручила Комиссии по изучению естественных производительных сил страны (КЕПС) «составить записку с изложением того, к чему Академия могла бы приступить немедленно, развивая, расширяя и дополняя уже начатое ею». Значит, к тому времени, когда Наркомпрос обращался с запросом в Академию наук, в ее среде мнение о сотрудничестве с Советской властью возобладало, ибо речь шла лишь о том, к чему ей можно было приступить немедленно и что из начатого требует расширения и дополнения.

Президент Академии сообщал, что при царизме Академия не могла широко организовать и сплотить ученых всей страны, несмотря на неоднократно предпринимавшиеся попытки. После Февральской революции были сделаны лишь первые робкие шаги по учету ученых и высших учебных заведений в целях координации их работы. Но практических результатов эти начинания еще не дали. А. П. Карпинский пишет, что под влиянием жизни в среде ученых сложилось твердое убеждение о необходимости тесного единения «чистой науки» с техникой и прикладными знаниями. Конечно, заявление президента Академии наук о том, что подобная ясность имеется у «всякого ученого», не отражало действительного положения вещей. Можно

было видеть, как в течение нескольких лет гражданской войны представители академической и университетской науки выдвигали и отстаивали лозунг «чистой науки», желая уйти от запросов народной жизни или скрывая свою враждебность к советскому строю. Но совершенно очевидно, что это заявление руководства Академии наук отразило мнение значительной части ученых, готовых идти на ломку консервативных академических традиций.

Циркуляр Научного отдела Наркомпроса в ученые общества и научные учреждения о создании центрального научно-вспомогательного учреждения и справочного бюро 24 мая 1919 г., подписанный членом коллегии Научного отдела Л. Шапиро, подчеркивает общий историко-теоретический взгляд на революцию: «Переживаемый страной политический и социальный переворот выдвигает задачу сближения науки с практикой жизни. Неотложная задача момента состоит в том, чтобы во всех областях народного труда вводить в рабочую практику живую струю научного опыта, освещать созидательную работу практических тружеников научной мыслью. И в области социально-экономической, и в области организации труда и поднятия его производительности, и в практике трудового общественного воспитания – всюду ощущается настоятельная необходимость строить и созидать на животворящей основе научных знаний. Но очередной является не только задача сближения практики и науки, но и задача сближения научных работников между собой. Научные силы у нас, как почти везде, разрозненны, научные усилия не координированы, люди науки не организованны. Ученые, по мере своих сил, энергии и таланта, работают независимо друг от друга, часто не зная, не обрабатывает ли ту же самую проблему другой коллега-специалист. Нет такого органа, который, собирая, регистрируя и каталогизируя все результаты научной работы, приходил бы на помощь работникам науки и практики в целесообразном использовании результатов уже совершенных работ» [4, с. 31].

Уже в декабре 1919 г. в Отчете Научного отдела Наркомпроса за 1917–1919 гг. о задачах в области организации науки отмечалось в преамбуле: «Основным, могучим и всепреодолевающим рычагом и обосновывающей опорой социалистического государственного строительства, его прогрессирования и преуспевания является наука, научное знание. Научное мировоззрение, глубоко проникнувшее

в народные массы, является одним из фундаментальных и необходимых условий и орудий прочного, устойчивого и подлинного социализма. На науку, взятую с ее гуманитарно-общественной стороны, выпадает высокая, неизмеримая задача радикального пересоздания, переустройства общества, самого его строя, структуры, на науку, взятую в естественно-исторической и политехнической части, ложится почетная и неоценимая задача преобразования, реформирования окружающей материальной среды, постановки ее на такую высоту, при которой достигались бы высшие стремления человеческого духа. Отсюда смысл, значение, роль и функция Научного отдела в стройной системе государственных учреждений и органов» [5, с. 33].

Это положение завершается архиважным для наших дней положением: «Основной и превалирующей задачей Научного отдела является **мобилизация и концентрация** (выделено нами – С. Н.) всех научных сил страны и всемерное содействие и способствование их пышному расцвету и развитию, возможному только при замене единичных усилий коллективным научным творчеством. Учет, систематический подсчет, организация и координация ученых учреждений и научных деятелей – вот то первое и необходимое, что нужно создать, для того чтобы научные силы и ученые усилия не оставались рассыпанными, разрозненными, бредущими порознь и в одиночку и потому не осуществляющими или плохо осуществляющими те высокие и важные задания и проблемы, которые на них возложены государством и обществом. Последующей задачей, теснейшим образом, органически связанной с первой, является систематическая, планомерная организация научных исследований и живая и деятельная поддержка всех начинаний и предпринимаемых попыток, направленных к рациональной постановке изыскательского, ученого труда» [5, с. 33].

Через два года после революции ученые перешли на позиции Советской власти, правда, для ученых еще не были ясны были идеалы этой новой жизни, о которой говорил В. И. Ленин и академик А. П. Карпинский. Ведь большинство ученых, сознававших необходимость тесного союза «чистой науки» с практикой, не связывали реформы в науке с переустройством общественной жизни на социалистических началах. Но во всяком случае это утверждение президента Академии и отчет Академии за два года говорили о назревшей

потребности науки разделаться со старым грузом, мешавшим ей плодотворно развиваться.

Однако многое выдавало тогдашнюю политическую ограниченность академической среды. В общении между собой и в письмах в Наркомпрос в туманных формулировках было выражено недовольство «взрывом», т. е. Октябрьской революцией, мешающим развить настоящую преемственность, какая одна может явиться надёжным залогом жизненного творчества. Но это было уже не враждебное отношение к советской революции, а скорее непонимание исторического значения социалистического переворота в жизни страны.

В первое время академическая общественность отрицательно отзывалась о предложении начинать деятельность Академии с разработки плана широкого научного обобщения в целях хозяйственного возрождения страны, первоначального плана координации научных сил вокруг ведущих народнохозяйственных проблем. Тогда полагали в духе эмпирического метода и позитивистского мышления, что Академии следует начинать с определённых реальных работ, расширяя их затем по мере выяснения общих задач. В этом сказывалась методологическая слабость работников науки, их практическая неопытность в разрешении задач подобного масштаба и характера, отсутствие связи с насущными нуждами советского строя. Напротив, мы видим, как В. И. Ленин, пользуясь марксистским методом как революционной диалектикой, разрешал задачу и дал развёрнутый план мобилизации науки на нужды социалистического строительства.

А сам Нарком просвещения говорил в те дни в Речи на I Всероссийском съезде по просвещению, созванного Наркомпросом в Москве 25 августа 1918 г.: «XVIII век понимал, что политической власти и равенства перед законом без знаний мало. Но он не понимал, что так же точно остается благим пожеланием всякая политическая и культурная программа, если она не будет базироваться на передаче в руки общества и средств производства. Только потом постепенно жизнь выяснила, что лозунг „Равенство, братство и свобода“ не только немислим в невежественном обществе, но и вообще во всяком другом, кроме социалистического. Теперь мы знаем, что народовластие, подлинная власть действительного большинства мыслима только при этих всех трех условиях: при наличии правительственной власти (пока она вообще нужна, пока государство не отменит ее), при

наличности власти экономической и при передаче знаний каждому, т. е. при широкой просветительной работе, дающей в результате максимум сознательности масс» [6].

Как сообщение А. В. Луначарского, так и зачитанное им в выдержках письмо президента Академии наук было встречено Всероссийским центральным исполнительным комитетом с удовлетворением. В резолюции, принятой ВЦИК, говорилось: «Одобрив в целом деятельность Комиссариата по просвещению, ЦИК с полным удовольствием отмечает прекращение саботажа и со стороны профессиональных учёных. ЦИК вполне одобряет решение Народного комиссариата по просвещению о привлечении к работе Академии наук» [7]. Слово «удовольствие» в газете «Северный рабочий» (Кострома) было исправлено на «удовлетворение».

В результате было принято Постановление о работах Академии наук по изучению естественных богатств страны: «Совет Народных Комиссаров в заседании от 12 апреля с. г., заслушав доклад народного комиссара по просвещению о предложении Академией наук ученых услуг Советской власти по исследованию естественных богатств страны, постановил: пойти навстречу этому предложению, принципиально признать необходимость финансирования соответственных работ Академии и указать ей как особенно важную и неотложную задачу разрешение проблем правильного распределения в стране промышленности и наиболее рациональное использование ее хозяйственных сил» [7].

Когда Правительство поставило центральной задачей Академии наук научную разработку проблем для наиболее рационального использования хозяйственных сил страны, с особенной наглядностью обнаружилась слабость Академии – неумение составить единый план широкого обобщения. Эта слабость особенно выявилась в связи с тем, что перед Академией встали качественно новые задачи, которые заставляли ее разработать перспективу коренной перестройки методов работы, преодолеть отрыв теории от практики, отказаться от традиции индивидуального выбора научных тем вне зависимости от важнейших запросов общественной жизни.

Только социализм дает полное развитие науки. Национальная трагедия гибели станции «Луна-25» в августе 2023 г. подтверждает это заключение. Невозможно сочетать частный и корпоративный

интерес капиталистов и интересы народа и государства в развитии науки. Вспомним попытку этого синтеза в интервью председателя Правления РАО «ЕЭС России» А. Б. Чубайса газете «Завтра». Главный редактор газеты русский писатель А. А. Проханов задавал в начале интервью – в русле изменений от СВО – странно звучащий вопрос: «Очень важным было ваше заявление об Империи, о Либеральной Империи. Ваш имперский проект был первым внятным откликом на общественное ожидания „имперского“, когда страна, которая еще недавно ощущала себя великой Красной Империей и была опрокинута в хаос, лишена государственности, вдруг опять страшно захотела в Империю. Но имперский проект, созревший в среде патриотов и получивший название „Пятой Империи“, в какой-то степени перекликается с вашим проектом. Я просил бы вас кратко еще раз рассказать, в чем суть вашего либерального имперского проекта?» [8].

Полученный ответ обескуражил вопрошавшего: «Я ожидал, что вы скажете: „Империя – это прежде всего экспансия“. Вообще, классическая империя – это прежде всего соединение пространств, соединение народов, культур, религий. Это великая архитектура, которая позволяет консолидировать территории, ресурсы, этносы, векторы исторического развития. Наш проект „Пятой Империи“ говорит именно об этом. Он не наполняется пока никаким конкретным содержанием. Я не знаю, какая это будет Империя: коммунистическая, либеральная, фашистская, теократическая, или какая-то иная имперская мегамашина, только исторический процесс покажет, что будет стоять за этим термином» [8].

Само знаменитое и ныне забытое интервью 21 сентября 2006 г. названо симптоматично: «Российский капитализм: от первоначального накопления капитала к развитию». Либеральный прогноз на 2020 г. в первом пункте оказался полностью ошибочным: «Если пытаться делать прогноз, что такое Россия в 2020 году, то я не готов дать настоящий, серьезный, точный, продуманный ответ, адекватный масштабу заданного вопроса. Разве что отдельные мысли. А они таковы. Во-первых, мне кажется, что нынешний „исламский экстремизм“, начиная с Чечни и кончая 11 сентября – это процесс такой глубины залегания и такой длительности, что он точно и на двадцать лет, и на пятьдесят лет вперед» [8].

Далее следует указание разрушителя СССР на чудовищно ложную придуманную опасность для страны и мира. Речь идет о нацистском

определении советского тупика для страны и русской угрозы для всех нерусских в стране: «Только рассуждая в таких горизонтах и выбирая для нашей страны лучшие сценарии, нельзя забыть о страшных рисках, стоящих перед нами на этом фоне. Я имею в виду вовсе не внешнюю угрозу, а гораздо более страшную, внутреннюю. Страна, выйдя своими силами из советского тупика, это, кстати, единственный в истории случай мирного и без иностранной оккупации демонтажа тоталитарного режима, угрожавшего самому существованию и своей страны, и всего человечества, что, по-моему, является весьма весомым поводом для национальной гордости. Так вот, страна, выйдя из советского тупика, пройдя сложнейшие реформы, заложившие основы нынешнего устойчивого экономического роста, на наших глазах проходит заново этапы национального возрождения. Это – сложнейший процесс, который содержит в себе колоссальный ресурс энергии, которая, как в свое время атомная энергия, может использоваться для тепла и света, а может для массового убийства и крови. Кто-то создает своим талантом новые российские шедевры мирового кино, кто-то крупнейшие компании мирового уровня или завоевывает лидерство российскому теннису, а кто-то также искренне убивает армянского студента или таджикскую девочку. Что может быть страшней в нашей многоконфессиональной и многонациональной стране, чем убийство русскими нерусских за то, что они нерусские?» [8].

Речь идет о выдуманных развилках, которые Россия должна преодолеть: «Россия, пройдя каким-то чудом десять лет назад историческую развилку под названием „возврат к коммунизму“, сегодня на полном ходу, на страшной скорости приближается к не менее, а более опасной новой роковой развилке. Я не знаю, хватит ли у нас мудрости и зрелости ее миновать. Знаю только одно: если нет, никакие сценарии 20- или 50-летнего развития станут невозможны, невозможны просто потому, что наша страна будет в буквальном смысле разорвана пополам» [8]. Не прошло и 20 лет, как А. Б. Чубайс сменил фамилию, эмигрировал из России и поселился за рубежом как беженец. Он стал Анатолий Борухович Сагал: «Позор какой. То есть теперь нет АБЧ а есть АБС, и то не тот. К Чубайсу у многих из российских бизнесменов сохранилось хорошее отношение, особенно у энергетиков. Но, невозможно сохранять уважение к человеку, делающему такое. Родину не меняют, ее можно оставить, но не предавать

историю жизни своих родителей, своей малой родины и страны», – написал в своем Telegram-канале политолог Марат Баширов» [9]. Российский капитализм не двинулся от первоначального накопления к развитию.

Список использованных источников

1. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – Москва: ИПЛ, 1974. Т. 35. – 600 с. – Текст: непосредственный.

2. Из отчета наркома по просвещению А. В. Луначарского на заседании ВЦИК 4-го созыва о привлечении Академии наук к социалистическому строительству 11 апреля 1918 г. // Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925 гг.): сборник документов. – Ленинград: Наука. 1969. – 419 с. – Текст: непосредственный.

3. Протокол заседания Государственной комиссии по просвещению о работе Отдела по мобилизации научных сил при Наркомпросе 31 марта 1918 г. // Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925 гг.): сборник документов. – Ленинград: Наука. 1969. – 419 с. – Текст: непосредственный.

4. Циркуляр Научного отдела Наркомпроса в ученые общества и научные учреждения о создании центрального научно-вспомогательного учреждения и справочного бюро 24 мая 1919 г. // Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925 гг.): сборник документов. – Ленинград: Наука. 1969. – 419 с. – Текст: непосредственный.

5. Отчет Научного отдела Наркомпроса за 1917–1919 гг. о задачах в области организации науки // Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925 гг.): сборник документов. – Ленинград: Наука. 1969. – 419 с. – Текст: непосредственный.

6. Луначарский, А. В. Речь на I Всероссийском съезде по просвещению, созванного Наркомпросом в Москве 25 августа 1918 г. / А. В. Луначарский. – URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/o-vospitanii-i-obrazovanii/res-na-i-vserossijskom-sezde-po-prosveseniu> (дата обращения: 24.05.2023). – Текст: электронный.

7. Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета о работах Академии наук по изучению естественных богатств страны. – URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/14660#mode/inspect/page/2/zoom/4> (дата обращения: 24.05.2023). – Текст: электронный.

8. Интервью Анатолия Чубайса газете «Завтра». – URL: <https://newsvo.ru/news/55134?ysclid=lljwdy7r50646162302> (дата обращения: 24.05.2023). – Текст: электронный.

9. Бросил вместе с родиной папу: Чубайс меняет фамилию на Сагал. – URL: <https://dzen.ru/a/ZGPF5n14aCUG4yqO> (дата обращения: 24.05.2023). – Текст: электронный.

2.11. ЗАДАЧИ ГОСУДАРСТВА НОВОГО СОЦИАЛИЗМА И ЛЕНИНСКИЕ УКАЗАНИЯ О РАБОТЕ БИБЛИОТЕК

В развернувшейся по стране творческой деятельности масс по овладению знаниями почетное место отводилось библиотекам как важнейшим центрам культурно-просветительной деятельности. Со всей конкретностью была намечена организация межбиблиотечного и международного книгообмена, и помощь библиотеке квалифицированными работниками, и часы работы читального зала. Гордость и славу публичной библиотеки при советской власти стали видеть не в том, сколько в ней редкостей, а в том, как широко обращаются книги в народе, сколько привлечено новых читателей. Все реквизированные книги поступали в распоряжение Наркомпроса, который распределял их для пополнения библиотек и организации новых. По стране проводилось перераспределение книжных богатств, изъятие книжных фондов из собственности буржуазии и помещиков, обращение книги в общенародное достояние. Ученая коллегия Румянцевского музея обратилась в Совнарком с просьбой обязать комиссариаты соблюдать установленные в библиотеке правила и не требовать выдачи на руки справочных и официальных изданий. В. И. Ленин сам не раз обращался в библиотеки с просьбой дать ему на ночь для работы справочные материалы и научные книги.

Сразу после победы Октябрьской революции наиболее остро стоял вопрос о культуре масс, овладении знаниями и получении образования. В огромной развернувшейся по всей стране творческой деятельности масс по овладению знаниями В. И. Ленин отводил почетное место библиотекам как важнейшим центрам культурно-просветительной деятельности. Организация работы библиотек в общегосударственном масштабе была предметом особой заботы В. И. Ленина. Н. К. Крупская отмечала: «Библиотечное дело он принимал очень близко к сердцу... После, когда власть была завоевана, Владимир Ильич уделял много времени на то, чтобы помочь всячески развитию библиотечной сети, возможно лучшему ее снабжению» [1].

К первым дням советского строя относится примечательный документ, написанный В. И. Лениным, «О задачах Публичной библиотеки в Петрограде». В нем были сформулированы предложения руководителя Советского государства о перестройке по-новому работы одного

из важнейших просветительных учреждений страны. Именно этот документ В. И. Ленин начал фразой, являющейся одним из ведущих лозунгов культурной революции в нашей стране: «Чтобы разумно, осмысленно, успешно участвовать в революции, надо учиться». Переработанный в духе указания СНК проект декрета был утвержден Правительством 2 июля 1918 г. (протокол СНК № 152, п. 1) и опубликован в печати 6 июля 1918 г.

В. И. Ленин намечал пути решительного улучшения работы библиотек. Он предложил немедленно провести ряд безусловно необходимых мер по организации библиотечной работы в интересах обслуживания широких масс трудящихся. Со всей конкретностью Ленин наметил и организацию межбиблиотечного и международного книгообмена, и помощь библиотеке квалифицированными работниками, и даже часы работы читального зала. В записке Ленина предлагалось:

«1) Публичная библиотека (бывшая Императорская) должна немедленно перейти к *обмену* книгами как со *всеми* общественными и казенными библиотеками Питера и провинции, так и с *заграничными* библиотеками (Финляндии, Швеции и так далее).

2) Пересылка книг *из библиотеки в библиотеку* должна быть по закону объявлена *даровой*.

3) Читальный зал библиотеки должен быть открыт, как делается в культурных странах в *частных* библиотеках и читальнях для *богатых* людей, ежедневно, *не* исключая праздников и воскресений, с 8 час. утра до 11 час. вечера.

4) Потребное количество служащих должно быть немедленно переведено в Публичную библиотеку из департаментов Министерства народного просвещения (с расширением женского труда ввиду военного спроса на мужской), в каковых департаментах $\frac{9}{10}$ заняты не только бесполезным, но вредным трудом» [2, с. 132–133].

В этих предложениях В. И. Ленина можно видеть практическую программу осуществления намеченной им еще в 1913 г. перспективы повышения удельного веса библиотек в культурной жизни страны, превращения их в подлинные очаги культуры для народа.

«...Устремлять внимание на то, – писал В. И. Ленин в 1913 г. в статье „Что можно сделать для народного образования“, – чтобы даже *дети* могли пользоваться богатыми коллекциями книг; заботиться о том,

чтобы читатели у себя на дому могли читать казенные книги; видеть гордость и славу публичной библиотеки не в том, сколько в ней редкостей, сколько каких-нибудь изданий XVI века или рукописаний X века, а в том, как широко обращаются книги в народе, сколько привлечено новых читателей, как быстро удовлетворяется любое требование на книгу, сколько книг роздано на дом, сколько детей привлечено к чтению и пользованию библиотекой...» [3, с. 349].

А начинается эта дореволюционная статья саркастическими словами относительно порядков в царской России: «В западных государствах распространено немало гнилых предрассудков, от которых свободна святая матушка Русь. Там полагают, например, что громадные публичные библиотеки, с сотнями тысяч и миллионами томов, вовсе не должны составлять достояния только кучки ученых или якобы ученых, пользующихся этими библиотеками. Там задаются странной, непонятной, дикой целью – сделать эти громадные необъятные библиотеки доступными не для цеха ученых, профессоров и т. п. специалистов, а для массы, для толпы, для улицы. Какая профанация библиотечного дела! Какое отсутствие „порядка“, коим справедливо можем гордиться мы. Вместо правил, обсуждаемых и вырабатываемых десятком чиновничьих комиссий, изобретающих сотни формальностей и ограничений для пользования книгами, – устремлять внимание на то, чтобы даже дети могли пользоваться богатыми коллекциями книг; заботиться о том, чтобы читатели у себя на дому могли читать казенные книги; видеть гордость и славу публичной библиотеки не в том, сколько в ней редкостей, сколько каких-нибудь изданий XVI века или рукописаний X века, а в том, как широко обращаются книги в народе, сколько привлечено новых читателей, как быстро удовлетворяется любое требование на книгу, сколько книг роздано на дом, сколько детей привлечено к чтению и пользованию библиотекой... Странные предрассудки» [3, с. 348].

Далее из эмиграции он пишет, опираясь на отчет нью-йоркской публичной библиотеки: «Передо мной лежит отчет нью-йоркской публичной библиотеки за 1911 год.

В этом году публичную библиотеку в Нью-Йорке перевели из двух старых зданий в одно новое, построенное городом. Все число томов достигает теперь приблизительно двух миллионов. Случилось так, что первую книгу из читального зала для посетителей затребовали

на русском языке. Это было сочинение Н. Грота «Нравственные идеалы нашего времени». Требовательный билетик на книгу был подан в 9 часов 8 минут утра. Книга была прислана читателю в 9 часов 15 минут. За год посетило библиотеку 1 658 376 человек. Читателей в читальном зале было 246 950, взявших для чтения 911 891 том. Но это еще небольшая доля *книжного оборота* библиотеки. Посещать библиотеку могут немногие. Разумная постанова образовательного дела измеряется тем, сколько книг выдается на дом читателям, – какие удобства предоставляются *большинству населения*.

Нью-йоркская публичная библиотека имеет в трех округах Нью-Йорка, Манхаттане, Бронксе и Ричмонде (с общим населением почти в *три* миллиона человек) *сорок два* отделения, а вскоре будет их иметь 43. Систематически преследуется при этом та цель, чтобы каждый житель не дальше чем за *три четверти версты* от своего дома, т. е. не более чем в десяти минутах ходьбы, имел отделение публичной библиотеки, являющееся *центром* всякого рода учреждений и предприятий по народному образованию. За 1911 год было выдано на дом почти *восемь миллионов* – 7 914 882 – томов, на четыреста тысяч больше, чем в 1910 году. На каждую сотню жителей, всех возрастов и обоого пола, приходится по 267 книг, выданных за год для чтения на дому» [3, с. 349].

Статья в «Рабочей правде» завершается соображениями и вопросом: «В нью-йоркской публичной библиотеке книг на восточных языках около 15 000, на еврейском – около 20 000, на славянских – около 16 000. В главном читальном зале на *открытых* полках стоит, для свободного всеобщего пользования, около 20 000 томов.

Для детей публичная библиотека в Нью-Йорке устроила особый читальный зал – центральный, с постепенным открытием таковых и при отделениях. Библиотекари заботятся о всяческих удобствах для детей и дают им справки. Всего было взято детьми книг на дом 2 859 888 томов, немногим менее трех миллионов (больше трети общего). Число детей, посетителей читального дома, достигло 1 120 915. Что касается потери книг, то публичная библиотека в Нью-Йорке определяет число теряемых книг в 70–80–90 на каждые 100 000 выдаваемых на дом книг. Вот какие порядки существуют в Нью-Йорке. А у нас?» [3, с. 350].

Получается, что разрешение проблемы правильного обращения книг среди читателей, приближение книги к народу во многом за-

висело от того, в чьей собственности находятся основные книжные богатства страны. Победивший пролетариат не мог мириться с тем, что основная масса книг находилась в частном владении буржуазии, помещиков, буржуазной интеллигенции и всякого рода враждебных народу буржуазных обществ. Советы, органы Наркомпроса в 1917–1918 гг. провели национализацию книжных собраний. В. И. Ленин внимательно следил за ходом национализации библиотек и вникал в детали процесса перераспределения книжных богатств страны. Он чутко реагировал на все доходящие до него жалобы о неправильных действиях и помогал Наркомпросу и местным советским органам своими указаниями, требовал законного оформления реквизиций и конфискаций.

Проходившая реквизиция частных библиотек не затрагивала библиотек, принадлежавших деятелям науки и культуры и необходимых им по характеру работы. Правительство через Народный комиссариат просвещения выдавало ученым, литераторам и работникам искусств так называемые охранные грамоты, гарантирующие неприкосновенность книг от реквизиций и дающие право на дополнительную жилую площадь специально для размещения библиотеки. В некоторых случаях В. И. Ленин лично участвовал в разрешении вопросов о предоставлении охранных грамот деятелям науки и культуры, поручая местным Советам создавать все условия для нормальной работы учёных и полной сохранности их библиотек, оборудования лабораторий и пр.

Все реквизируемые книги поступали в распоряжение Наркомпроса, который распределял их для пополнения существовавших библиотек и организации новых. По всей стране проводилось перераспределение книжных богатств, изъятие книжных фондов из собственности буржуазии и помещиков и обращение книги, важнейшего завоевания человеческой культуры, в общенародное достояние. Декрет Совнаркома от 2 июля 1918 г. «Об освобождении от реквизиции помещений Народного комиссариата просвещения» во многом способствовал сохранности национализированных книжных богатств [4].

Глава советского правительства В. И. Ленин показывал образец государственного отношения к книге, ставшей народным добром, требовал от работников советских учреждений строгого выполнения библиотечных правил пользования книгами, бережного к ним отношения. В начале мая 1918 г. Ученая коллегия Румянцевского музея обратилась в Совнарком с просьбой обязать комиссариаты соблюдать

установленные в библиотеке правила и не требовать выдачи на руки справочных и официальных изданий. Эта просьба была вызвана тем, что установившаяся практика не только мешала нормальной работе библиотеки, но и внушала беспокойство за сохранность ценнейших справочных изданий. Ученая коллегия музея в своем предложении допускала в порядке исключения получение книг из музея лишь с разрешения Управления делами Совета народных комиссаров.

Комиссия при Совнаркоме, рассмотрев заявление Ученой коллегии Румянцевского музея, постановила: «Ходатайство удовлетворить, с тем чтобы никакие книги или издания из Музея никому, без всяких исключений, не выдавать на руки». На заседании Совнаркома под председательством В. И. Ленина 10 мая 1918 г. при обсуждении протокола Комиссии не только было утверждено ее решение, но и встал вопрос о призвании к порядку лиц, позволивших себе не считаться с правилами библиотеки. Постановление Совнаркома в связи с утверждением протокола Комиссии гласило: «Утвердить и просить Румянцевский музей дать справку о том, какие комиссары посылали требования высылать и выдавать им из бесплатной библиотеки Музея книги и справочные официальные издания» [5, с. 125].

Между тем сам В. И. Ленин в порядке исключения пользовался книгами библиотеки – посылал записки и брал книги на ночь с обязательством вернуть к утру. Историк В. Эйнгорн пишет: «После переезда в 1918 г. из Петрограда в Москву Владимир Ильич продолжал пользоваться книгами Румянцевской библиотеки. Сохранилась собственноручная записка Владимира Ильича от 1 сентября 1920 г., в которой он просил выдать ему несколько книг по истории греческой философии, ряд философских словарей и словарь греческого языка.

Вот текст требования Владимира Ильича на одно из сочинений Гегеля, относящегося к 28 июня 1921 года: «В Румянцевский Музей. Прошу выдать мне книгу Гегеля „Логика“ для временного пользования. Доверяю получить разовую самокатчику т. Лачугину. Предсовнаркома Ленин»» [6]. Записка эта, как и многие другие, находится в музее В. И. Ленина. Записка размещена в 53 томе собрания сочинений В. И. Ленина [7, с. XVII]. Приведем еще одну записку с просьбой о выдаче справочных книг на ночь: «Если, по правилам, справочные материалы не выдаются на дом, то нельзя ли получить на вечер, на ночь, когда библиотека закрыта. Верну к утру».

Полный текст записки был впервые напечатан в 1929 г. в журнале «Огонек» № 3, а написан 1 сентября 1920 г.: «Если, по правилам, справочные издания не выдаются на дом, то нельзя ли получить на вечер, на ночь, когда библиотека закрыта. Верну к утру.

Для справок на 1 день: I. Два лучших, наиболее полных, словаря греческого языка, с греческого на немецкий, французский, русский или английский.

II. Лучшие философские словари, словари философских терминов: немецкий, кажется, Эйслера; английский, кажется, Болдвина (Baldwin); французский, кажется, Франка (если нет поновее); русский, какой есть из новых.

III. История греческой философии

1) Целлер, полное и самое новое издание.

2) Гомперц (венский философ): „Griechische Denker“ [8, с. 485].

Книги глава первого советского правительства просил в качестве исключения дать на ночь с возвращением к утру!

Список использованных источников

1. Крупская, Н. К. Что писал и говорил Ленин о библиотеках / Н. К. Крупская. – URL: http://rulibs.com/ru_zar/nonf_publicism/krupskaya/7/j55.html (дата обращения: 13.06.2023). – Текст: электронный.

2. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – Москва: ИПЛ, 1974. – Т. 35. – 600 с. – Текст: непосредственный.

3. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – Москва: ИПЛ, 1974. – Т. 23. – 594 с. – Текст: непосредственный.

4. Постановление Совета Народных Комиссаров. Об освобождении от реквизиции помещений Народного Комиссариата Просвещения. – URL: <https://istmat.org/node/30598> (дата обращения: 13.06.2023). – Текст: электронный.

5. Смирнов, И. С. Из истории строительства социалистической культуры в первый период советской власти (октябрь 1917 г. – лето 1918 г.) / И. С. Смирнов. – Москва: Госполитиздат, 1952. – 256 с. – Текст: непосредственный.

6. Эйнгорн, В. В. И. Ленин и Румянцевская библиотека / В. Эйнгорн. – URL: https://portalus.ru/modules/rushistory/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1447839824&archive=&start_from=&ucat=& (дата обращения: 13.06.2023). – Текст: электронный.

7. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – Москва: ИПЛ, 1970. – Т. 53. – 543 с. – Текст: непосредственный.

8. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – Москва: ИПЛ, 1974. – Т. 51. – 573 с. – Текст: непосредственный.

Глава 3. САБОТАЖ И НОВАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

3.1. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРИЧИН САБОТАЖА ИНТЕЛЛИГЕНЦИЕЙ МЕРОПРИЯТИЙ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И НОВЫЕ ЗАДАЧИ СОЦИАЛИЗМА

Приход к власти нового класса предполагает два запроса общества и самого класса на новую культуру класса и на освобожденную культуру человечества. В. И. Ленин утверждал, что коммунистом можно стать лишь тогда, когда обогатишь свою память достижениями человечества. Враждебность интеллигенции к новой власти и основания саботажа ее мероприятий были вскрыты в ленинской теоретической реконструкции. Обнаружилось, что большинство старых деятелей культуры не оценили раскрепощения и прогресса, которые принесла победа пролетариата. Интеллигенты выступали против советского строя не потому, что они деятели культуры, а потому, что они слуги буржуазии. Но трудящиеся своим революционным творчеством увлекли интеллигенцию к социалистическому строительству. В первые годы советской власти речь шла о контроле над организаторской работой интеллигентов со стороны рабочих: было организовано соревнование на этой основе, которое шло по части организационных успехов. С помощью своего государства рабочий класс становился субъектом овладения старой культурой и создания новой, а потому в ленинизме главным оказывается понимание способа овладения культурой и ее достижениями. На практике это был вопрос жизни и смерти нового социалистического общества.

Приход к власти нового класса при смене власти и способа производства предполагает установление новой надстройки и культуры победившего класса как ее важнейшей части. Часто в обыденном сознании дело представляется так, что новый класс озирается окрест и ищет подходящую культуру. В действительности новая культура вырастает внутри старой общественно-экономической формации, и остается только принять ее и усвоить. В случае с пролетарской

революцией возникает необходимость созидания новой культуры. Возникают два исторических запроса класса-победителя, которого иногда называют «четвертым сословием»: запрос на принципиально новую пролетарскую культуру и запрос на освобожденную от классовых оков культуру человечества. Естественным будет столкновение этих двух запросов – идеологического и общекультурного.

Профессор-культуролог Л. А. Булавка-Бузгалина в статье «Красный Октябрь: рождение и становление Нового человека» отмечает: «Сменив баррикады трех революций, выпрямляющийся пролетариат наконец-то завоевал право и на такой вопрос: где та культура, которая была бы про него, для него и от него? В связи с этим возникает вопрос: имеет ли класс, создающий материальное „тело“ культуры, право не только на формальный доступ к ней, но и на полноценное – субъектное включение в нее? И насколько взаимосвязь пролетариата с культурой является обязательной для социалистических преобразований? В дореволюционный период пролетариат был отчужден от культуры, но это обстоятельство с позиции обывателя объясняется, как правило, интеллектуальной ограниченностью самих представителей этого класса („что поделать, если Бог не дал?“), а раз это так, то пусть пролетариат в отличие от «избранных», довольствуется массовой культурой. Интересно, что «избранные», не признавая принцип классовости как таковой (уже одно слово «класс» вызывает у них неприятие), но одновременно утверждая закономерность деления культуры на массовую и элитарную, тем самым настойчиво проводят идею классовой демаркации. Но ведь эти демаркации в культуре могут в одночасье превратиться в баррикады истории. Итак, в набирающей ход социалистической революции и через революцию пролетариат заявил свой общественный запрос на ту культуру, которая отвечала бы его интересам как класса; отражала бы его вопросы и надежды; несла бы такой художественный взгляд на мир, который давал бы человеку труда и творчества возможность осмыслить себя, свое место в новой общественной ситуации, разглядеть свои исторические перспективы, понять противоречия своей деятельности. Другими словами, пролетариат сделал запрос на культуру, которая была бы про него, для него и от него» [1, с. 607].

Без своего государства рабочий класс не становился субъектом овладения старой культурой и создания новой, и автор справед-

ливо фиксирует тонкую связь всех доктринальных элементов ленинизма именно в понимании способа овладения культурой и ее достижениями: «Следует отметить, что В. И. Ленин связал идею «живого творчества масс» с понятием «управление государством», и эта взаимосвязь проходит красной нитью во всех трех ленинских теориях: революции, государства и культуры. Можно сказать, что именно идея революционного индивида как творца социализма определяет и диалектическую взаимосвязь трех важнейших институций: культуры – как содержания социализма (революции), государства – как средства революции и революционного преобразования (социального творчества) – как онтологического императива Нового человека. Вот почему с полным основанием можно сказать, что Ленин, разрабатывая проблему «живого творчества масс», тем самым связал в единую систему все свои три теории (государства, революции и культуры), которая в своем интегральном выражении являет систему предпосылок становления Нового человека как создателя общественных отношений, лежащих по ту сторону мира отчуждения» [1, с. 619].

В сущности, сказанное современным левым культурологом из движения «Альтернативы» подтверждает формулу В. И. Ленина в речи «Задачи союзов молодежи», что коммунистом можно стать только тогда, когда обогатишь свою память достижениями человечества: «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество. Нам не нужно зубрежки, но нам нужно развить и усовершенствовать память каждого обучающегося знанием основных фактов, ибо коммунизм превратится в пустоту, превратится в пустую вывеску, коммунист будет только простым хвастуном, если не будут переработаны в его сознании все полученные знания. Вы должны не только усвоить их, но усвоить так, чтобы отнестись к ним критически, чтобы не загромождать своего ума тем хламом, который не нужен, а обогатить его знанием всех фактов, без которых не может быть современного образованного человека. Если коммунист вздумал бы хвастаться коммунизмом на основании полученных им готовых выводов, не производя серьезнейшей, труднейшей, большой работы, не разобравшись в фактах, к которым он обязан критически отнестись, такой коммунист был бы очень печален. И такое верхоглядство

было бы решительным образом губительно. Если я знаю, что знаю мало, я добьюсь того, чтобы знать больше» [2, с. 305].

А то, что простой культуры и даже знания языка коммунистам революционного призыва часто недоставало, говорит не раз слышанное автором в 70 гг. под дружный хохот зала в лекциях доцента и заведующего кафедрой научного коммунизма Уральского политехнического института К. М. Мкртчана утверждение: «Марксизм зубровкой не возьмешь!» Каро Мкртычевич не отличал зубровку от зубрежки, ссылаясь на то, что его как молодого армянского коммуниста первоначально готовили к нелегальной работе по подготовке мировой революции в закрытом Коммунистическом университете народов Востока, и понятно, что там будущим резидентам запрещали говорить по-русски.

В свете сказанного становится понятной ленинская теоретическая реконструкция истоков и причин враждебности интеллигенции к новой власти и оснований саботажа ее мероприятий. Советское государство за первый период своего существования до начала гражданской войны сумело осуществить значительные преобразования в культурной жизни нашей страны, в просвещении трудящихся. Великие цели советского правительства в просвещении народных масс были законодательно закреплены в первой Советской Конституции, Конституции РСФСР, принятой V съездом Советов 10 июля 1918 г. «В целях обеспечения за трудящимися действительного доступа к знанию, – говорилось в 17 пункте Конституции, – Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика ставит своей задачей предоставить рабочим и беднейшим крестьянам полное, всестороннее и бесплатное образование» [3].

Советские преобразования старой школы начались в ходе учебного года, что должно было отразиться на темпе и характере их осуществления. К новому, по существу своему первому, учебному году советская школа и все народное просвещение шли с большими завоеваниями. Разрушен был чиновничий аппарат просвещения буржуазного государства, и создан новый, советский орган управления – Наркомпрос, преодолен саботаж учительства, находившегося ранее под идейным и политическим влиянием буржуазии и эсеро-меньшевиков; учительство в массе своей перешло на сторону народа, на сторону Советов. Были сделаны первые, решающие шаги в деле демократи-

зации просвещения, предоставления культуры народу: уничтожены все юридические препятствия и ограничения, мешавшие трудящимся и их детям учиться в школах и вузах, установлено бесплатное обучение, ликвидированы все вопиющие пережитки старого строя в школьном деле, привлечены к строительству школы представители рабочих и крестьян, призвана к жизни детская общественность. Невиданный размах приобретало школьное строительство. Советская педагогика и просвещение к новому учебному году обогатились положением о единой трудовой школе.

Советская педагогика, школьное строительство получают законодательную основу в ряде декретов и постановлений Совнаркома и Наркомпроса. Среди большого количества государственных актов, посвященных советскому культурному строительству, ленинские декреты, словно вехи, определяют пути его развития, позволяют историкам воспроизвести с научной полнотой героическую обстановку первых месяцев советского строя и величественную борьбу трудящихся, руководимую партией большевиков, за новую, социалистическую культуру.

Демократизация народного образования и перестройка его на социалистических началах протекали по путям, начертанным В. И. Лениным. Важнейшие конкретные мероприятия Советского государства – по вопросам народного образования осуществлены по инициативе В. И. Ленина, при его ближайшем участии и личном руководстве. На I Всероссийском съезде по внешкольному образованию в приветственной речи 6 мая 1919 г. В. И. Ленин отмечал: «Я уверен, что едва ли найдется такая область советской деятельности, как внешкольное образование и просвещение, где бы за полтора года были достигнуты столь громадные успехи. Несомненно, что в этой области работать нам и вам было легче, чем в других областях. Здесь нам приходилось отбросить старые рогатки и старые препятствия. Здесь было легче пойти навстречу той громадной потребности в знании, в свободном образовании, в свободном развитии, которая больше всего сказалась среди рабочих и крестьянских масс, ибо если нам легко было, благодаря могучему напору масс, скинуть те внешние препятствия, которые стояли на их пути, сломить исторические буржуазные учреждения, которые привязывали нас к империалистической войне и осуждали Россию на самые большие тягости, следующие из этой

войны, если нам легко было сломить внешние препятствия, то зато нам пришлось с тем большей остротой чувствовать всю тяжесть работы в деле перевоспитания масс, в деле организации и обучения, в деле распространения знаний, в деле борьбы с тем наследием темноты и некультурности, дикости и одичалости, которое нам досталось. Здесь борьбу приходилось вести совсем иными методами. Здесь приходилось рассчитывать только на длительный успех и упорное систематическое воздействие передовых слоев населения, на воздействие, которое встречает со стороны масс самый радушный прием, и мы часто оказываемся виноватыми в том, что даем меньше, чем могли бы дать. Мне сдается, что в этих первых шагах, в деле распространения внешкольного образования, свободного, не связанного старыми рамками и условностями, образования, которому идет навстречу взрослое население, что в этой области первое время больше всего бороться нам приходилось с двоякого рода препятствиями» [4, с. 326–327].

В. И. Ленин рассматривал дело народного образования и просвещения как самый серьезный и главный рычаг в развернувшемся переустройстве общественной жизни страны, как одну из важнейших составных частей борьбы за социализм. Он видел два препятствия в этом деле: «Оба препятствия мы унаследовали от старого, капиталистического общества, которое до сих пор держит нас, тянет нас книзу тысячами и миллионами нитей, канатов и цепей. Первый недостаток – это обилие выходцев из буржуазной интеллигенции, которая сплошь и рядом образовательные учреждения крестьян и рабочих, создаваемые по-новому, рассматривала как самое удобное поприще для своих личных выдумок в области философии или в области культуры, когда сплошь и рядом самое нелепейшее кривляние выдавалось за нечто новое, и под видом чисто пролетарского искусства и пролетарской культуры преподносилось нечто сверхъестественное и несуразное. (Аплодисменты.) Но в первое время это было естественно и может быть простительно и не может быть поставлено в вину широкому движению, и я надеюсь, что мы все-таки, в конце концов, из этого вылезем и вылезем».

Второй недостаток – это тоже наследие капитализма. Широкие массы мелкобуржуазных трудящихся, стремясь к знанию, ломая старое, ничего организующего, ничего организованного внести

не могли. Мне приходилось наблюдать, когда в Совете Народных Комиссаров ставился вопрос о мобилизации грамотных и об отделе библиотечном, и из этих небольших наблюдений я делал свои выводы относительно того, как плохо обстоит дело по этой части» [4, с. 330].

В. И. Ленин дал принципиальные указания о целях и средствах советского просвещения с первых дней Октябрьской революции. В его статьях, докладах и государственных документах 1917–1918 гг. намечены конкретные задачи просвещения. Ленинские декреты в области просвещения послужили законодательной основой строительства советской школы. Ленинские идеи явились базой для формирования советской педагогики. Для ликвидации старого строя и прежде всего буржуазного государства пролетариат должен быть вооружен марксизмом-ленинизмом как компасом в борьбе классов. После завоевания власти, на другой же день после установления пролетарской диктатуры, потребности рабочего класса, трудящихся в науке возрастают во много раз. Руководствуясь революционной теорией марксизма как оружием борьбы и источником света, озаряющим пути движения к коммунизму, победивший рабочий класс заинтересован во всестороннем использовании всех отраслей культуры, всех достижений науки и техники, литературы и искусства, просвещения и образования.

В лице рабочего класса наука находит своего истинного ценителя и великого созидателя. Он раскрывает перед ней благородные перспективы служения народу, снимает с нее оковы капиталистического гнета и хищнической корысти, одухотворяет ее великими идеями коммунизма. Пролетариат обогащает науку марксистской методологией. Большинство старых деятелей культуры – интеллигенты – не оценили той силы раскрепощения, возрождения и прогресса, которую принесла победа пролетариата в октябре 1917 г. Вот почему в первые месяцы Советской власти интеллигенция в большинстве своем (в том числе работавшая в области науки и искусства) боролась против рабочего класса, трудящихся, страстно жаждавших помощи от работников культуры для укрепления нового государственного строя и строительства социалистического общества.

Но рабочий класс и трудящиеся нашей страны своим моральным влиянием и революционным творчеством увлекли интеллигенцию, призвали ее к социалистическому строительству, помогли ей встать

в ряды активных строителей социалистического общества. Первостепенную роль в этом историческом деле сыграла ленинская политика использования буржуазных специалистов, принципиальная борьба с антинародными тенденциями старой интеллигенции. Начальный период Советской власти в этом отношении отличается особенной сложностью и остротой.

В середине января 1918 г. на III Всероссийском съезде Советов в докладе о деятельности правительства В. И. Ленин подвел итог первому периоду существования Советской республики. Он отметил печальную роль квалифицированной интеллигенции: «Они свое знание – профессора, учителя, инженера – превращают в орудие эксплуатации трудящихся, говоря: я хочу, чтобы мое знание служило буржуазии, а иначе я не буду работать. Но их власть нарушена рабоче-крестьянской революцией, и против них возникает государство, в котором сами массы свободно выбирают своих представителей. Именно теперь мы можем сказать, что мы имеем на деле такую организацию власти, которая ясно показывает переход к полной отмене всякой власти, всякого государства. Это будет возможно тогда, когда не будет ни следа эксплуатации, то есть в социалистическом обществе» [5, с. 272–273]. Отмечая роль интеллигенции, В. И. Ленин замечал, что враги революции сильны лишь «вчерашним денежным мешком, вчерашним запасом знаний». Этим самым как бы говорилось, что деятелям науки и культуры следовало бы глубоко продумать свою роль, чтобы не остаться в прошлом, а шагать вперед, к будущему.

Великий В. И. Ленин – это не забавный эпизодический герой в очках и ермолке из гайдаевской версии фильма «Двенадцать стульев», который узрел в падении Кисы Воробьянинова на барабан в оркестровой яме театра «Колумб» гениальную метафору отрыва интеллигенции от народа и ее нравственного краха: «Долой Городничего! Позор Ляпкину-Тяпкину! Гениальная находка – мятущаяся интеллигенция среди народа. Глубоко копает... Да здравствует трудовое купечество! Долой взятки! Великолепный символ – отрыв от народа и падение» [6].

Вновь и вновь В. И. Ленин неустанно разоблачает тех, кто «получил образование за счет народа, за счет эксплуатируемых, выделившихся из него, чтобы присоединиться к капиталистам, чтобы свои знания превратить в орудие угнетения народа...» [5, с. 298]. В нюне

1918 г. В. И. Ленин вновь отмечал: «Интеллигенция свой опыт и знания – высшее человеческое достоинство – несет на службу эксплуататорам и пользуется всем, чтобы затруднить нам победу над эксплуататорами; она добьется того, что сотни тысяч людей будут гибнуть от голода, но она не сломит сопротивления трудящихся» [7, с. 452].

Говоря с такой суровой прямоотой о действиях интеллигенции, В. И. Ленин обнажал классовые побуждения борьбы интеллигенции против Советской власти и, указывая на мероприятия Советского государства в области культуры, доказывал, что интеллигенты выступали против советского строя не потому, что они деятели культуры, а потому, что они слуги буржуазии. Что касается высших завоеваний человеческой культуры – науки и искусства, просвещения и образования, – то о них глава советского правительства в разгар борьбы с саботажем интеллигенции говорил с нескрываемым восхищением. Великой гордостью человечества и высшим человеческим достоинством называл В. И. Ленин знание именно в тот период, когда конкретные носители этого знания в большинстве своем стояли по ту сторону классовой борьбы. В этой оценке знания как великой силы прогресса и выражения гуманизма отразилось отношение В. И. Ленина к культуре. Вы унижаете своим холопством перед буржуазией человеческое достоинство и топите его гордость – знание, говорил интеллигенции своими выступлениями В. И. Ленин. Задача советской власти – помочь народу овладеть высотами знания, поставить науку на службу трудового коллектива Советской страны, – все это можно прочесть в этих выступлениях В. И. Ленина.

Особо показательной является статья В. И. Ленина «Как организовать соревнование?», написанная в конце декабря 1917 г., но тогда неопубликованная. Здесь автор говорит о неразрывности организационных задач пролетариата с «задачей беспощадного военного подавления вчерашних рабовладельцев (капиталистов) и своры их лакеев – господ буржуазных интеллигентов. Мы были всегда организаторами и начальниками, мы командовали – так говорят и думают вчерашние рабовладельцы и их приказчики из интеллигенции, – мы хотим остаться таковыми, мы не станем слушаться «простонародья», рабочих и крестьян, мы не подчинимся им, мы превратим знание в орудие защиты привилегий денежного мешка и господства капитала над народом.

Так говорят, думают, действуют буржуа и буржуазные интеллигенты. Со *шкурной* точки зрения их поведение понятно: прихлебателям и приживальщикам крепостников-помещиков, попам, подьячим, чиновникам из гоголевских типов, «интеллигентам», ненавидящим Белинского, тоже было «трудно» расстаться с крепостным правом. Но дело эксплуататоров и их интеллигентской челяди – безнадежное дело. Их сопротивление рабочие и крестьяне ломают, – к сожалению, еще недостаточно твердо, решительно и беспощадно – *и ломают»* [5, с. 197].

В. И. Ленин приравнивал саботажников к худшим врагам народа и призывает к войне с ними: «Война не на жизнь, а на смерть богатым и их прихлебателям, буржуазным интеллигентам, война жуликам, тунеядцам и хулиганам. Те и другие, первые и последние – родные братья, дети капитализма, сынки барского и буржуазного общества, общества, в котором кучка грабила народ и издевалась над народом, – общества, в котором нужда и нищета выбрасывала тысячи и тысячи на путь хулиганства, продажности, жульничества, забвения человеческого образа, – общества, в котором неизбежно воспитывалось стремление у трудящихся: уйти хоть обманом от эксплуатации, извернуться, избавиться хоть на минуту от постылой работы, урвать хоть кусок хлеба каким угодно путем, какой угодно ценой, чтобы не голодать, чтобы не чувствовать себя и своих близких недоедающими.

Богатые и жулики, это – две стороны одной медали, это – два главные разряда *паразитов*, вскормленных капитализмом, это – главные враги социализма, этих врагов надо взять под особый надзор всего населения, с ними надо расправляться, при малейшем нарушении ими правил и законов социалистического общества, беспощадно. Всякая слабость, всякие колебания, всякое сентиментальничанье в этом отношении было бы величайшим преступлением перед социализмом. Чтобы обезвредить социалистическое общество от этих паразитов, надо организовать всенародный, миллионами и миллионами рабочих и крестьян добровольно, энергично, с революционным энтузиазмом поддерживаемый учет и контроль за количеством труда, за производством и распределением продуктов» [5, с. 200–201].

В развернувшейся войне, писал В. И. Ленин, ученые прислужники буржуазии обречены на поражение, их расчеты не оправдаются, ибо дело народа – правое дело, а в среде интеллигенции уже началась дифференциация и отход от саботажников части работников

умственного труда: «...Образованные люди уже теперь выделяются, переходя на сторону народа, на сторону трудящихся, помогая ломать сопротивление слуг капитала» [5, с. 198]. Что касается рабочих, то в их среде заблуждений по поводу науки и культуры нет и быть не может; они ни на минуту не забывают, что им нужна сила знания, ибо они поставили себе великую цель построения общества, где жизнь и работа всех трудящихся будут опираться на все завоевания новейшей техники и культуры. Народ в массе своей начинает понимать, что «без совета, без руководящего указания людей образованных, интеллигентов, специалистов обойтись нельзя. Всякий сколько-нибудь толковый рабочий и крестьянин понимают это превосходно, и интеллигенты нашей среды не могут пожаловаться на недостаток внимания и товарищеского уважения со стороны рабочих и крестьян» [5, с. 202].

В такой сложной борьбе партия и В. И. Ленин проводили гибкую пролетарскую политику в отношении старых деятелей науки и культуры и обеспечили в конце концов переход подавляющего большинства старой интеллигенции на советские рельсы. До ликвидации саботажа интеллигенции не могло быть и речи о широком привлечении буржуазных специалистов, деятелей науки к хозяйственной, оборонной и культурной работе. И все-таки как и за что надо было организовать соревнование?

Мы, люди развитого социализма, уже забыли это, а молодые и не знали. В. И. Ленин пишет, что это соревнование идет по части организаторских успехов: «А чтобы организовать этот учет и контроль, *вполне доступный*, вполне подильный всякому честному, толковому, распорядительному рабочему и крестьянину, надо вызвать к жизни их собственные, из их среды происходящие, организаторские таланты, надо возбудить в них – и наладить в общегосударственном масштабе – *соревнование* по части организаторских успехов, надо, чтобы рабочие и крестьяне ясно поняли разницу между необходимым советом образованного человека и необходимым контролем «простого» рабочего и крестьянина *за разгильдяйством*, столь обычным у «образованных» людей».

Это разгильдяйство, небрежность, неряшливость, неаккуратность, нервная торопливость, склонность заменять дело дискуссией, работу – разговорами, склонность за все на свете братья и ничего не доводить до конца есть одно из свойств «образованных людей», вы-

текающих вовсе не из их дурной природы, тем менее из злостности, а из всех привычек жизни, из обстановки их труда, из переутомления, из ненормального отделения умственного труда от физического и так далее и тому подобное. Среди ошибок, недочетов, промахов нашей революции немалую роль играют те ошибки и пр., которые порождаются этими печальными, – но неизбежными в данный момент – свойствами интеллигентов из нашей среды и *отсутствием* достаточного контроля за *организаторской* работой интеллигентов со стороны рабочих» [5, с. 201–202].

Иначе говоря, это не выродившееся в период «развитого социализма» соревнование в стиле «встречного плана» или «народного контроля» или «комсомольского прожектора», когда работники с фотоаппаратами ловят администрацию на промахах и отвечают за свои поступки не перед директором, а секретарем парткома. В первые годы Советской власти речь шла о контроле за организаторской работой интеллигентов со стороны рабочих, и соревнование на этой основе шло по части организационных успехов. Это был вопрос жизни и смерти нового небывалого в истории прежде социалистического общества.

Список использованных источников

1. Булавка-Бузгалина, Л. А. Красный Октябрь: рождение и становление Нового человека / Л. А. Булавка-Бузгалина // Вершина Великой революции. К 100-летию Октября / Под общей ред. Б. Ф. Славина, А. В. Бузгалина. – Москва: Алгоритм, 2017. – С. 600–651. – Текст: непосредственный.
2. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – Москва: ИПЛ, 1981. – Т. 41. – 696 с. – Текст: непосредственный.
3. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.) (прекратила действие). – URL: <https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/chapter/97c0401ae090631251b74514761b15d3/> (дата обращения: 15.06.2023). – Текст: электронный.
4. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – Москва: ИПЛ, 1969. – Т. 38. – 579 с. – Текст: непосредственный.
5. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – Москва: ИПЛ, 1974. – Т. 35. – 600 с. – Текст: непосредственный.
6. Текст фильма 12 стульев. Сценарий фильма 12 стульев. – URL: <https://vword.ru/tekst-filma/12-stuljev/9> (дата обращения: 15.06.2023). – Текст: электронный.
7. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – Москва: ИПЛ, 1974. – Т. 36. – 741 с. – Текст: непосредственный.

3.2. ПРЕСЕЧЕНИЕ ПОПЫТОК БУРЖУАЗИИ ВЫВЕЗТИ ИЗ РОССИИ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ

Советскому правительству удалось преодолеть попытки расхищения художественных сокровищ со стороны именно тех, кто обвинял народ в вандализме и грабеже. Проект декрета Совнаркома о запрещении вывоза художественных сокровищ за границу был разработан Музейным отделом в июле 1918 г. Необходимость такого решения вытекала из того, что большое количество произведений и памятников старины находилось в личной собственности деятелей науки и искусства и во владении обществ и учреждений. Интересы государства требовали установления контроля над сохранностью этих памятников и предохранения их от хищений и спекуляций. Владельцам взятых на учет предметов или коллекций выдавались охранные грамоты. Советское правительство уничтожало возможность обращения памятников искусства и старины в предмет спекуляции и наживы и создавало условия для использования их в интересах просвещения трудящихся и развития культуры. Национализация была распространена также на литературные, музыкальные и научные произведения. Отдел музеев и охраны памятников искусства и старины стал выполнять функции прежнего Комиссариата имуществ.

Буржуазная интеллигенция в первые дни Октябрьской революции кричала о расхищении большевиками культурных и художественных ценностей. Советская жизнь жестоко посмеялась над клеветниками и осудила их. Советское правительство, выражая волю народа, сохранило и сберегло произведения искусства, предоставило их трудящимся для изучения, просвещения и сохранения. Советскому правительству удалось осуществить эту выдающуюся по своему значению задачу, преодолевая попытки расхищения художественных сокровищ со стороны именно тех, кто обвинял народ в вандализме и грабеже, со стороны буржуазной интеллигенции и ее социальных заказчиков. Пресечение попыток хищнического отношения к произведениям искусства можно видеть в деятельности Совнаркома.

Так, 30 мая 1918 г. Совнарком рассматривал вопрос о попытке княгини Е. П. Мещерской продать за границу картину «Мадонна с младенцем», принадлежавшую кисти художника школы С. Боттичелли.

Подобный шаг собственницы картины мог бы привести к утрате ценнейшего экземпляра итальянской живописи XV века. Разумеется, советское правительство не могло оставить без последствий подобное действие, тем более что это был не единичный случай попыток врагов советской власти отправить за границу художественные и иные ценности общегосударственного значения, ставшие достоянием народа. Было принято постановление, наилучшим образом разрешавшее вопрос, о реквизиции картины и передаче ее в один из национальных музеев республики.

В современной публицистике воспоминание о 100-летию декрета В. И. Ленина описывается так: «Толчком к принятию необходимых мер для сохранения сокровищ в стране послужил скандал вокруг тондо (круглая картина) «Мадонна с младенцем» кисти неизвестного автора из флорентийской школы живописи Сандро Боттичелли. Полотно не удалось обнаружить при описи реквизированной коллекции князей Мещерских. Внимание членов правительства к данному факту привлек художники Игорь Грабарь, пользовавшийся доверием партии большевиков.

К делу подключилась ВЧК. Чекистам удалось установить наличие контактов между наследницей состояния, вдовой князя певичей Екатериной Мещерской, и немецким послом Вильгельмом фон Мирбахом, который навещался в квартиру семьи на Поварской, 22. Дипломат настаивал на продаже спрятанной в доме «Мадонны» в обмен на помощь в выезде женщины и ее дочери в Германию. Однако княгиня якобы отказалась от выгодной сделки. 30 мая 1918 г. нарком просвещения Анатолий Луначарский по настойчивой просьбе Грабаря поднял вопрос о розыске произведения с последующей передачей в музей на заседании Совнаркома» [1].

В итоге было принято такое постановление в форме декрета: «Ввиду исключительного художественного значения картины Боттичелли (тондо), принадлежащей в настоящее время гр. Е. П. Мещерской, предполагающей, по имеющимся сведениям, вывезти картину за границу, Совет Народных Комиссаров постановляет: картину эту реквизировать, признать ее собственностью РСФСР и передать в один из национальных музеев РСФСР.

Исполнение сего постановления возложить на Комиссариат Народного Просвещения. Поручить Народному Комиссариату Просве-

щения разработать в 3-х дневный срок проект декрета о запрещении вывоза из пределов Российской Социалистической Федеративной Республики картин и вообще всяких высоко-художественных ценностей – и проект этот представить на рассмотрение Совета Народных Комиссаров» [2]. Это постановление Совнаркома было предано широкой гласности в отчете Музейного отдела Наркомпроса, опубликованном 7 июля в приложении к газете «Известия». В отчете сообщалось о специальном ассигновании из средств Наркомпроса 250 тысяч рублей Румянцевскому музею для приобретения часто появляющихся на рынках и могущих быть вывезенными за границу художественных ценностей.

Сам декрет имеет два важных первых пункта: «1. Воспретить вывоз из всех мест Республики и продажу за границу кем бы то ни было предметов искусства и старины без разрешений, выдаваемых Коллегией по делам музеев и охране памятников искусства и старины в Петрограде и Москве при Народном Комиссариате Просвещения или органами, Коллегией на то уполномоченными. Комиссариат по Внешней Торговле может давать разрешение на вывоз за границу памятников старины и художественных произведений только после предварительного заключения и разрешения Народного Комиссариата Просвещения.

2. Все магазины, комиссионные конторы и отдельные лица, производящие торговлю предметами искусства и старины, или посредники по торговле ими, а также лица, производящие платную оценку или (экспертизу) подобных предметов, обязаны зарегистрироваться в течение трех дней со дня опубликования сего декрета в Коллегии по охране памятников искусства и старины в Петрограде и Москве при Народном Комиссариате Просвещения или в органах, Коллегией на то уполномоченных, а на местах – в Отделах по Народному Просвещению при Губернских Советах Рабочих и Крестьянских Депутатов» [3].

Осталось неясным, почему владельцы художественных ценностей «боялись анархистов» и как это связано с судьбой картины? Д. Окунев поясняет: «Мещерскую вызвали на Лубянку, откуда княгиня передала записку для своей дочери с просьбой отдать картину. Вынесенный изначально расстрельный приговор отменили. Бывших дворянок в итоге не тронули. Мещерских поселили в их же сильно уплотненной квартире, а впоследствии переместили в «дворническую». Екате-

рина-младшая пережила СССР, стала писательницей и педагогом, получала персональную пенсию от Михаила Горбачева и скончалась в 1994 году в глубокой старости. «Холст хранился зашитым в тяжелую парчовую занавесь, которая была на толстой подкладке, – вспоминала она в своих мемуарах. – А боялись мы, в основном, анархистов, которые тогда в Москве повсеместно грабили богатые особняки и к нашему уже примеривались» [1].

Добавим, что эти драматические события легли в основу вышедшего в прокат в 1972 году фильма «Достояние республики», где прослеживаются четкие указания на князя Мещерского (в фильме используется фамилия Тихвинский) и его семью [4].

Желавший завладеть тондо посол Мирбах был застрелен 6 июля того же 1918 г. левыми эсерами Яковом Блюмкиным и Николаем Андреевым. Этот драматический момент в истории советской власти описан в художественном фильме «Шестое июля», а также в одноименной пьесе М. Шатрова. «Мадонна с младенцем» осталась в России и сегодня экспонируется в Государственном музее изобразительных искусств имени Пушкина, в полутора километрах от места своего хранения столетней давности.

Проект декрета о запрещении вывоза художественных сокровищ за границу был разработан Музейным отделом уже в июле 1918 г. Необходимость такого мероприятия вытекала из того, что большое количество первоклассных произведений художников и скульпторов России и Западной Европы и памятников старины (древняя живопись, древнепечатные книги и антикварная утварь) находилось в личной собственности деятелей науки и искусства и во владении различных обществ и учреждений. Советское правительство не считало необходимым национализировать эти предметы, несмотря на их общегосударственное значение, если они принадлежали лицам, занимающимся трудовой деятельностью, и прогрессивным общественным организациям. Но интересы государства требовали установления контроля над сохранностью этих памятников и предохранения их от порчи, хищений и спекуляций, от всего того, что могло привести к утрате национальных ценностей. Специальный декрет о запрещении вывоза за границу предметов особого художественного и исторического значения был представлен на рассмотрение Совнаркома с большим запозданием и утвержден им 19 сентября 1918 г.

Этот декрет установил порядок, по которому все лица, учреждения и торговые организации не могли вывозить и продавать за границу предметы искусства и старины без разрешения Наркомпроса. Виновные в нарушении этого декрета подвергались ответственности вплоть до конфискации всего имущества и тюремного заключения. Декрет, подписанный В. И. Лениным, вступал в силу со дня его опубликования – 24 сентября 1918 г. Этим были в значительной мере пресечены попытки буржуазии, усилившиеся в начале гражданской войны, вывезти из России ценнейшие культурно-исторические памятники.

Назрела необходимость государственного учета памятников искусства и старины, принадлежавших частным лицам, общественным организациям и учреждениям. Она вызывалась не только соображениями охраны этих предметов, но и потребностями научной разработки истории культуры и просветительной работы по ознакомлению широких масс трудящихся с сокровищами искусства и старины, находящимися в России.

В октябре 1918 г. Совет народных комиссаров принимает декрет «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» [5].

Этим декретом была объявлена первая государственная регистрация всех монументальных и вещественных памятников искусства и старины, в чьем бы владении они ни находились. По установленному декретом порядку ремонт, переделки и отчуждения памятников без специального разрешения государственных органов не допускались. Владельцам взятых на учет предметов или коллекций выдавались особые охранные грамоты. Специальный параграф этого декрета предусматривал право государства на изъятие памятников искусства и старины у владельцев, если последние не обеспечивали их сохранности. Этим советское правительство уничтожало возможность обращения памятников искусства и старины в предмет спекуляции и наживы и создавало условия для использования их по прямому своему назначению в интересах просвещения трудящихся и развития культуры в стране.

Национализация в известной мере была распространена также на литературные, музыкальные и научные произведения. Таким

образом, мероприятия правительства по национализации и охране культурных ценностей затронули все важнейшие вопросы в этой области и отразили политику большевистской партии в сложном и важном деле использования культурных сокровищ нашей родины. Ленинская политика выражала стремление Советской власти сделать культуру достоянием народа, использовать для просвещения трудящихся все лучшие завоевания культуры, подчинить управление материальными ценностями культуры направляющему и регулирующему влиянию государства. С этой точки зрения уже в первые месяцы после Октября были сделаны решающие шаги. Крупнейшие собрания художественных ценностей, как общественные, так и частные, а также бывшая собственность царя и церкви были сосредоточены в руках государства. Был установлен государственный учет и регистрация ценнейших произведений искусства и древностей, находившихся в частном владении. Был запрещён вывоз культурных сокровищ за границу без ведома и разрешения государственных органов. При ограниченных материальных возможностях государство находило средства для закупки художественных ценностей.

Наибольшее беспокойство вызывала сохранность художественных ценностей, находившихся в помещичьих усадьбах. Здесь регулирующее воздействие центральной власти обуславливалось многими факторами: зрелостью местных органов власти, оперативностью органов Наркомпроса, инициативой местного населения и конкретными формами развёртывавшейся классовой борьбы на местах. Народный комиссариат имуществ в отчете Совнаркому о своей деятельности за время своего существования подчеркивал большую сознательность городских Советов по сравнению с деревенскими, отмечал отрицательное влияние кулачества на крестьянство при решении судеб помещичьих усадеб и находившихся в них богатств.

Архивы хранят много документов В. И. Ленина, отображающих его оперативные указания Наркомпросу и местным Советам о бережной охране национализируемых культурных ценностей. Вот один из таких документов. 6 декабря 1917 г. в ответ на запрос председателя Острогожского Совета, как поступать с ценностями помещичьих имений, В. И. Ленин телеграфировал Председателю Острогожского Совета: «Составить точную опись ценностей, оберечь их в сохранном месте, вы отвечаете за сохранность. Имения – достояние наро-

да. За грабеж привлекайте к суду. Сообщайте приговоры суда нам» [6, с. 16].

В первую очередь были обращены в государственную собственность окружавшие Петроград и Москву дворцы и усадьбы: дворцы Юсупова, Бобринского, Шуваловой, Строганова, Бенкендорфа, Паниной и многие другие. По мере освоения усадеб, окружавших столицу, внимание органов Наркомпроса распространялось на периферийные усадьбы и помещичьи имения. Ценнейшие собрания живописи были вывезены из усадеб и дворцов и сосредоточены в основных государственных хранилищах.

До сентября 1918 г. одна лишь Московская коллегия осмотрела и вывезла ценности из 56 усадеб. В Москве и Петрограде были взяты на учет 120 крупных коллекций, содержавших ценнейшие произведения русских и западноевропейских мастеров живописи. Органам Наркомпроса помогали в этой деятельности местные органы Советской власти и население. Это особенно наглядно видно на примере охраны фамильного дворца князей Барятинских в селе Ивановском Курской губернии. Ивановский волостной Совет организовал охрану этого дворца и сохранил ценнейшую коллекцию, насчитывавшую до 400 картин, антикварные ценности, библиотеку и архив. Комиссия Наркомпроса вывезла главную часть этих ценностей (более 200 картин, бронзу, фарфор), когда линия фронта находилась в трех верстах от усадьбы.

При местных Советах, особенно в крупных городах и важнейших административных центрах, создавались комиссии, занимавшиеся учетом и организацией охраны культурного достояния народа. Комиссариат имуществ в своем отчете правительству в августе 1918 г. отмечал активность этих комиссий. Как уже отмечалось, огромную работу в области охраны памятников изобразительного искусства первоначально выполняли созданные по совету В. И. Ленина при Наркомпросе две комиссии, в Петрограде и Москве. Именно эти комиссии выполнили главную часть работы в первые месяцы советского строя (ноябрь – декабрь 1917 г.). В декабре 1917 г. был образован Государственный комиссариат дворцов республики, называвшийся впоследствии Комиссариатом имуществ республики, глава которого входил в состав Совнаркома. Вспомним аукцион, на котором Остап Бендер упустил стулья: они были объявлены как «Десять стульев

из дворца» [7]. Концессионерам было непонятно, почему вдруг стулья были названы «из дворца»?

Известным показателем размаха работы Комиссариата по делам имуществ служит смета его расходов. Так, на первую половину 1918 г. было запланировано свыше 33 миллионов рублей. Охрана памятников архитектуры, произведений искусства и национальных древностей, организованная местными Советами, закреплялась централизованным учетом важнейших объектов Комиссариатом по делам имуществ.

Дело охраны, научная разработка вопросов и необходимость широкого использования культурных ценностей требовали централизованного государственного управления. Уже в декабре 1917 г. было вынесено решение Наркомпроса и Комиссариата имуществ о совместном управлении всеми смежными учреждениями. В апреле 1918 г. встал вопрос об организационном слиянии Комиссариата имуществ с Комиссариатом просвещения. Точнее говоря, речь шла о передаче дел Комиссариата имуществ в ведение Наркомпроса. Впервые этот вопрос стоял на заседании Совнаркома 12 апреля 1918 г. Было представлено постановление двух комиссаров об объединении комиссариатов и круге задач соответствующего нового отдела Наркомпроса. Совнарком, предрешив необходимость такого слияния, постановил передать вопрос на рассмотрение ВЦИК. 11 июля 1918 г. вопрос о слиянии комиссариатов был решен окончательно. С июля 1918 г. Отдел музеев и охраны памятников искусства и старины выполнял все функции прежнего Комиссариата имуществ.

Список использованных источников

1. Окунев, Д. «Боялись анархистов»: как Ленин спасал «Мадонну». 100 лет назад Ленин запретил вывозить ценности из России за границу / Д. Окунев. – URL: https://www.gazeta.ru/science/2018/09/19_a_11974903.shtml (дата обращения: 21.06.2023). – Текст: электронный.
2. Протокол СНК № 128, п. 2 от 30 мая 1918 г. – URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/14954-30-maya-postanovlenie-o-zapreschenii-vyvoza-zagranitsu-kartiny-botticelli-tondo#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 21.06.2023). – Текст: электронный.

3. Декрет Совета Народных Комиссаров. О запрещении вывоза за границу предметов искусства и старины. – URL: <https://istmat.org/node/31524> (дата обращения: 21.06.2023). – Текст: электронный.

4. Достояние республики. – URL: <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/2011/annot/> (дата обращения: 21.06.2023). – Текст: электронный.

5. Декрет «О регистрации, приёме на учет и охранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений». – URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Декрет_СНК_РСФСР_от_05.10.1918_О_регистрации,_приеме_на_учет_и_охранении_памятников_искусства_и_старин (дата обращения: 25.06.2023). – Текст: электронный.

6. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – Москва: ИПЛ, 1970. – Т. 50. – 623 с. – Текст: непосредственный.

7. Ильф, И. Двенадцать стульев / Илья Ильф, Евгений Петров. – URL: https://www.ioobestbooks.ru/m/read_book.php?item (дата обращения: 25.06.2023). – Текст: электронный.

3.3. ПРАВИЛА ПРИЕМА В ВУЗЫ И СОЗДАНИЕ РАБФАКОВ: ОПЫТ РЕФОРМЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Общественно-педагогическая подготовка в средней школе открывала учащимся путь в советскую высшую школу. В январе 1918 г. был поставлен вопрос о проведении реформы высшей школы, поскольку в дореволюционной России привилегии имущих классов ограничивали доступ в университеты выходцам из рабочих и крестьян. Декрет «О правилах приема в высшие учебные заведения РСФСР» был опубликован в августе: от поступающих не требовалось документов об окончании средней школы, отменялись конкурсные экзамены. В постановлении к декрету отмечалось, что на первое место должны быть приняты лица из среды пролетариата и беднейшего крестьянства, которым предоставляются стипендии. В 1922 г. в советской стране качественные изменения системы образования привели к количественному скачку. Но на практике в вузы попала мелкобуржуазная молодежь, а рабочие и крестьяне не были готовы заниматься в высшей школе, так как не имели достаточной подготовки, тем более что в период Гражданской войны сознательная часть трудящихся находилась на фронтах. Требовалось создать организацию внутри вуза, которая помогла бы рабочим и крестьянам подготовиться к учебе в вузе. В данной ситуации гениальным изобретением народной власти было создание рабочих факультетов.

Дорога в советскую высшую школу шла через общественно-педагогическую подготовку в средней школе, и она началась сразу после первых преобразований школьной системы. По общественно-историческим наукам советским учащимся сообщались сведения из политической экономии, основ учения о государстве и Конституции РСФСР, основ марксизма; учащиеся знакомились с историей социализма и революционного движения; по гражданской истории проводилось изучение не только царствований и войн, но и истории народов, их классовой борьбы, политического, хозяйственного и культурного развития. Недостатком преподавания этого цикла было влияние экономического материализма (в частности, с политической экономией учащиеся знакомились по А. А. Богданову). Отметим, что грубый механистический материализм Н. И. Бухарина приводил к резким изменениям движения линии «любимца партии» и ее теоретика от военного коммунизма к правому уклону. Материалистическое понимание истории

к тому времени не вполне было освоено и новыми советскими историками, а потому вторым недостатком было влияние механистического материализма, идеализма и социологизаторства в трактовке истории (М. Н. Покровский, Н. А. Рожков, Р. Ю. Виппер).

Особый вред приносила перегрузка программ малодоступным по возрасту учащихся материалом и обилие этого в том числе иллюстративного материала. Все это приводило к недостаточному закреплению исторических знаний, к слабому знакомству учащихся с конкретными историческими событиями и деятелями, с хронологией. На преподавании общественно-исторического цикла особенно сильно сказывалось отсутствие доброкачественных учебников. Как говорил Остап Бендер в ответ на жалобы Паниковского: «Меня никто не любит, – продолжал Паниковский, содрогаясь. – А за что вас любить? Таких, как вы, девушки не любят. Они любят молодых, длинноногих, политически грамотных» [1, с. 170]. Подчеркнем: политически грамотных. Через 20 лет ситуация улучшилась, в дипломе моих родителей за 1939 г. стоят отметки по следующим обществоведческим дисциплинам: основы марксизма-ленинизма, история партии, диалектический материализм, исторический материализм, политическая экономия капитализма, политическая экономия социализма.

5 июня 1918 г. был опубликован декрет за подписью В. И. Ленина «О передаче в ведение Народного комиссариата по просвещению учебных и образовательных учреждений и заведений всех ведомств». Согласно этому декрету, все начальные, средние, высшие учебные заведения, а также учреждения дошкольного воспитания и внешкольного образования передавались Наркомпросу независимо от того, кому они принадлежали ранее: государству, общественным организациям или частным лицам. Были явно ошибочные тенденции к излишней, даже вредной для хода революционной перестройки централизации высшего образования. Еще до издания указанного декрета в феврале 1918 г. было опубликовано постановление «О передаче всех учебных заведений в ведение Народного комиссариата по просвещению».

Левый историк Е. И. Демидова пишет: «В январе 1918 г. на III Всероссийском съезде Советов был поставлен вопрос о необходимости проведения реформы высшей школы. Для подготовки проекта революционных преобразований была создана специальная комис-

сия, в состав которой вошли А. В. Луначарский, К. А. Тимирязев, П. К. Штернберг. Нарком просвещения РСФСР получал множество телеграмм, в которых местные власти спрашивали: «Как быть с университетами, надо ли их упразднить?» А. В. Луначарский рекомендовал сохранять университеты и постепенно вводить новые порядки, изменять состав преподавателей и студентов» [2, с. 266].

В дореволюционной России фактические и юридические привилегии имущих классов в получении высшего образования чрезвычайно ограничивали доступ в университеты и другие высшие учебные заведения выходцам из рабочих и крестьян. Лишь единицы из эксплуатированных классов попадали в высшие учебные заведения.

Советская власть упразднила этот порядок. В первый же советский учебный год двери высшей школы были открыты для трудящихся. Следует отметить, что большая часть сил, времени и внимания Наркомпроса и Совета народных комиссаров в деле просвещения была отвлечена на борьбу с саботажем учителей, на переустройство начальной и средней школы и централизацию учебных заведений в системе Наркомпроса. Поэтому к реформе высших учебных заведений в первые месяцы после Октябрьской революции еще не приступили. Основным звеном перестройки в этот период была начальная и средняя школа. Разрешение важнейших вопросов школьного строительства, завоевание учительства на сторону Советской власти, укрепление государственного аппарата, ведающего делом народного образования, позволили к лету 1918 г. включить в орбиту перестройки и высшие учебные заведения.

2 августа 1918 г. на заседании Совнаркома был рассмотрен и утвержден декрет «О правилах приема в высшие учебные заведения РСФСР». 6 августа декрет за подписью В. И. Ленина был опубликован в центральной печати. Декрет устранял все формальные препятствия для поступления в высшую школу трудящихся. От поступающих не требовалось документов об окончании средней школы, отменялись конкурсные экзамены. Все трудящиеся, располагавшие фактическими знаниями, позволяющими им овладеть высшим образованием, могли поступить в высшее учебное заведение. Плата за обучение отменялась. Все учебные заведения должны были принимать в число слушателей лиц обоего пола на равных основаниях. Декрет предупреждал, что за нарушение этого положения ответственные

лица подлежат суду Революционного трибунала: «Декрет о правилах приема в высшие учебные заведения РСФСР. 2 августа 1918 г.

1. Каждое лицо независимо от гражданства и пола, достигшее 16 лет, может вступить в число слушателей любого высшего учебного заведения, без представления диплома, аттестата или свидетельства об окончании средней или какой-либо школы.

2. Воспрещается требовать от поступающих каких бы то ни было удостоверений, кроме удостоверения о их личности и возрасте.

3. Все учебные заведения Республики, на основании декрета о совместном обучении от 27 мая 1918 г., открыты для всех, без различия пола. За нарушение указанного декрета все ответственные лица подлежат суду революционного трибунала.

4. Произведенный уже на основании аттестатов или же конкурсных экзаменов прием в число студентов первого курса на предстоящий 1918/19 год объявляется недействительным. Новые условия приема, применительно к требованиям ныне находящегося на рассмотрении общего положения о высших учебных заведениях Республики, имеют быть опубликованными не позже 1 сентября с/г.

5. Взимание платы за учение в высших учебных заведениях Российской Социалистической Федеративной Советской Республики отменяется. Внесенная уже за первое полугодие 1918/19 учебного года плата подлежит возвращению» [3].

Еще больший интерес представляет Постановление к Декрету и разъяснение этого Постановления в печати: «Постановление было принято на заседании СНК 2 августа при утверждении проекта декрета о правилах приема в высшие учебные заведения РСФСР (см. № 82); СНК предложил также М. Н. Покровскому опубликовать в газетах свой доклад в СНК по этому вопросу» [3].

Отметим, что советская педагогика никогда не отрицала важнейшее значение и конкурсных экзаменов, и документов об образовании, без которых нельзя поступать в высшие учебные заведения. Но было бы непростительной политической близорукостью не учитывать особенностей обстановки в первые месяцы Советской власти, когда применение этих требований явилось бы серьезнейшим препятствием делу демократизации просвещения; и, наоборот, стало вполне возможным и необходимым введение этих требований на базе завоеваний социалистической демократии, в условиях укре-

пившегося Советского государства и предоставления полного пространства трудящимся нашей страны и их детям получать образование, вплоть до высшего.

На заседании Совнаркома при обсуждении декрета о правилах приема в высшие учебные заведения В. И. Ленин внес предложение, обязывающее Наркомпрос тщательно подготовиться к приему и безусловно принять всех желающих из числа трудящихся. В проекте постановления, написанного и предложенного В. И. Лениным, о том же самом говорилось так в работе «О приеме в высшие учебные заведения РСФСР. Проект постановления Совета Народных Комиссаров»: «СНК поручает Комиссариату народного просвещения подготовить немедленно ряд постановлений и шагов для того, чтобы, в случае если число желающих поступить в высшие учебные заведения превысит обычное число вакансий, были приняты самые экстренные меры, обеспечивающие возможность учиться для всех желающих, и никаких не только юридических, но и фактических привилегий для имущих классов не могло быть. На первое место безусловно должны быть приняты лица из среды пролетариата и беднейшего крестьянства, которым будут предоставлены в широком размере стипендии» [4, с. 34].

Предложение В. И. Ленина было принято единодушно и опубликовано как постановление Совнаркома наряду с декретом о правилах приема в вузы. Кроме того, Совнарком вынес решение, обязывающее заместителя наркома просвещения М. Н. Покровского, докладывавшего Совнаркому о проекте декрета, «опубликовать в газетах сделанный им сегодня в СНК доклад о практикующихся ныне способах приема слушателей в высшие учебные заведения» [5].

Как яркий пример практического шага в деле приближения высшего образования к народу следует рассматривать декрет «Об учреждении Иваново-Вознесенского политехнического института», утвержденный Совнаркомом по предложению Коллегии Наркомпроса 10 августа 1918 г. В один из старейших промышленных районов страны переводился Рижский политехникум, в котором дети трудящихся важнейшего центра текстильной промышленности могли бы удовлетворить свои потребности в высшем техническом образовании. Декрет подписали председатель Совета народных комиссаров В. Ульянов (Ленин), заместитель Народного комиссара просвещения

М. Покровский, управляющий делами Совета народных комиссаров Вл. Бонч-Бруевич [6].

Придем сравнение: в Российской империи к 1917 г. было 124 учебных заведения: 11 университетов, 40 школ университетского типа, 9 пединститутов и высших курсов, 9 учебных заведений сферы искусства, 7 духовных академий, 19 инженерных, 15 сельскохозяйственных, 6 коммерческих институтов, 8 военных и военно-морских академий и высших училищ. А уже в 1922 г. в советской стране насчитывалось 278 вузов с 217 тыс. студентов. Качественные изменения системы образования привели к количественному скачку, и мы видим здесь не просто количественный рост, а развитие и прогресс.

Практическая работа по привлечению широких трудящихся масс в высшую школу не могла сразу дать большие реальные результаты. В журнале «Народное просвещение» в апреле 1919 г. появилась заметка М. Н. Покровского «К вопросу о реформе высшего образования» [7]. В ней сообщалось, что в вузы попали недоучившиеся гимназисты и реалисты, а рабочие и крестьяне практически не смогли заниматься в высшей школе, так как для этого требовалась «своеобразная схоластическая тренировка мозга, которой занималась старая средняя школа». В период Гражданской войны наиболее сознательная часть трудящихся находилась на фронтах, там же были и студенты-коммунисты. Поэтому в вузы хлынула мелкобуржуазная молодежь, которая не всегда сочувственно относилась к Советской власти. А пришедшие на студенческую скамью рабочие уходили, так как не имели достаточной подготовки. Требовалось создать такую организацию внутри вуза, которая помогла бы рабочим и крестьянам подготовиться к учебе в высшем учебном заведении. Надежды советской власти на быстрое изменение контингента студенчества не оправдывались, очень большой был отсев пролетарской молодежи в силу практически полного отсутствия необходимого уровня подготовки. В данной ситуации поистине гениальным изобретением новой власти было создание рабочих факультетов.

Список использованных источников

1. Ильф, И. Золотой теленок / Илья Ильф, Евгений Петров. – Красноярск: Красноярское Кн. изд. 1992. – 414 с. – Текст: непосредственный.

2. Демидова, Е. И. Ленин и высшая школа / Е. И. Демидова // Социалистический идеал и реальный социализм: Ленин, Троцкий, Сталин / Под общ. ред. И. Г. Абрамсона, П. Линке, В. А. Офицера, Б. Ф. Славина. – Москва: ЛЕ-НАНД, 2011. – С. 258–275. – Текст: непосредственный.

3. Декрет о правилах приема в высшие учебные заведения РСФСР. – URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/12389-2-avgusta-dekret-o-pravilah-priema-v-vysshie-uchebnye-zavedeniya-rsfsr> (дата обращения: 20.06.2023). – Текст: электронный.

4. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – Москва: ИПЛ, 1969. – Т. 37. – 748 с. – Текст: непосредственный.

5. Декрет Совета Народных Комиссаров. О правилах приема в высшие учебные заведения. – URL: <https://istmat.org/node/30852> (дата обращения: 20.06.2023). – Текст: электронный.

6. Декрет Совета Народных Комиссаров. Об учреждении Иваново-Вознесенского Политехнического Института. – URL: <https://istmat.org/node/30894> (дата обращения: 20.06.2023). – Текст: электронный.

7. Библиография работ М. Н. Покровского. – URL: <https://libmonster.ru/m/articles/view/БИБЛИОГРАФИЯ-РАБОТ-М-Н-ПОКРОВСКОГО> (дата обращения: 20.06.2023). – Текст: электронный.

3.4. ЛЕВЫЕ И ПРАВЫЕ ПЕДАГОГИ-ТЕОРЕТИКИ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД К СОЦИАЛИЗМУ: УРОК ДЛЯ НОВОГО СОЦИАЛИЗМА

Задача создать иные по сравнению со старой образовательной системой содержание, организацию обучения и воспитания тормозилась неправильными установками ряда работников Наркомпроса, отрицавших необходимость программ и вводяший производительный труд вместо образования. В 1919 г. во Второй программе партии была поставлена задача превратить школу в орудие коммунистического преобразования общества. Необходимо было преодолеть среди революционно настроенной молодежи и педагогов неправильный подход к старой школе, когда критика муштры и зубрежки не позволяли создать программы учебы и планы в новой советской школе. Правый оппортунизм проявился в «теории отмирания школы», левый – в педологических извращениях образовательного процесса, когда учителя призывались быть старшими детьми, а уроки и расписание отрицались. Мелкобуржуазное анархическое отрицание организационных форм, методов и приемов школьной жизни было направлено против прежнего учителя-чиновника, схоластического преподавания и формализма старой школы, ее отрыва от жизни, но это отрицание наносило ущерб бесплатному и обязательному общему и политехническому образованию для всех детей обоего пола. Правооппортунистические и ультралевые трактовки образования тормозили рост советской школы, но не они определяли развитие школы социалистического общества.

Великая Октябрьская социалистическая революция поставила перед школой и образованием в целом огромную общенародную задачу – дать принципиально иные по сравнению со старой образовательной системой содержание, организацию и методы обучения и воспитательной работы. В конце 1917/1918 учебного года Постановлением Наркомпроса (31 мая 1918 г.) было отменено обязательное преподавание латинского языка, сразу же началась выработка новых учебных планов и программ. Эта работа тормозилась неправильными установками некоторых ответственных сотрудников Наркомпроса, отрицавших необходимость разработанных в центре программ. Неправильно ориентировала школу в отношении содержания учебной работы и Декларация о единой трудовой школе 16 октября 1918 г., говоря о некой «детской энциклопедии» как первом шаге к комплекс-

ному преподаванию. Декларация указывала, что «основой школьной жизни должен служить производительный труд» [1].

Считалось, что коллективный труд на школьных огородах развивает умение работать и трудовую дисциплину, знакомит детей на практике с сельским хозяйством и обеспечивает школу продуктами питания. Полагали, что даже такие формы труда, как заготовка дров для отопления школы и самообслуживание, подметание полов в классах и покраска стен, воспитывали у детей активность, умение своими силами преодолеть те затруднения, которые ставит жизнь, чувство ответственности, дисциплины и уверенность в своих силах. Именно на эту сторону трудового воспитания особенно обращали внимание Декларация и положение о единой трудовой школе 16 октября 1918 г. в пункте 12: «Трудовое начало станет мощным педагогическим средством в том случае, если труд в школе будет творчески радостным, свободным от приемов насилия над личностью учащегося и при всем этом планомерно и социально организованным» [1].

Самообслуживание как форма трудового воспитания в первый период создания новой школы получило большое распространение, несмотря на предостережения против увлечения им со стороны Н. К. Крупской, А. В. Луначарского и заведующей школьно-санитарным отделом Наркомпроса В. М. Величкиной (Бонч-Бруевич). Вместе с тем явная переоценка самообслуживания как средства трудового воспитания в период Гражданской войны и интервенции была обусловлена не только соображениями идейного характера, но и стремлением сделать детей более активными, развить в них инициативу, умение преодолевать трудности и удовлетворять по возможности свои потребности своими силами. Дружный труд педагогов и учащихся развивал дух коллективизма, особенно если учесть, что школа испытывала большие хозяйственные затруднения в виде нехватки технического персонала, сторожей, истопников и дворников. При общем пафосе строительства нового мира, который был характерен для педагогов и учащихся того времени, вопрос разрешался естественно: все надо сделать самим.

Но учительство настойчиво требовало руководящих указаний сверху по содержанию школьного обучения, настаивало на разработке именно Наркомпросом программ. Разработка новых учебных планов и тем более составление новых программ и учебников были сопряжены с большими трудностями в тот период, когда конкрет-

ные вопросы педагогики еще не были разработаны. Тем не менее в Наркомпросе уже в 1918 г. велась программно-методическая работа и были разработаны программно-методические материалы почти по всем предметам: материалы в литографированном виде рассылались на места по мере готовности документов.

В марте 1919 г. на VIII съезде Российской Коммунистической партии была принята программа партии, пункты которой, относящиеся к народному образованию, указывали, что Великая Октябрьская социалистическая революция поставила в области народного образования грандиозную, небывалую в истории человечества задачу превратить школу из орудия классового господства буржуазии в орудие полного уничтожения деления общества на классы, в орудие коммунистического перерождения общества. В программе говорится: «Школа должна быть не только проводником принципов коммунизма вообще, но и проводником идейного, организационного, воспитательного влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся масс в целях воспитания поколения, способного окончательно установить коммунизм» [2, с. 95].

Далее идет изложение основных направлений движения в этом направлении: «Ближайшими задачами на этом пути являются в настоящее время: 1) Проведение бесплатного и обязательного общего и политехнического (знакомящего в теории и на практике со всеми главными отраслями производства) образования для всех детей обоюбого пола до 16 лет. 2) Осуществление тесной связи обучения с общественно производительным трудом. 3) Снабжение всех учащихся пищей, одеждой и учебными пособиями за счет государства. 4) Усиление агитации и пропаганды среди учительства. 5) Подготовка кадров нового учительства, проникнутого идеями коммунизма. 6) Привлечение трудящегося населения к активному участию в деле просвещения (развитие советов народного образования, мобилизация грамотных и т. д.). 7) Всесторонняя помощь Советской власти самообразованию и саморазвитию рабочих и трудовых крестьян (устройство библиотек, школ для взрослых, народных университетов, курсов лекций, кинематографов, студий и т. п.). 8) Развитие самой широкой пропаганды коммунистических идей» [2, с. 95–96]. Эти задачи были выдвинуты с первых же дней революции, что отмечает и программа партии, говоря о дальнейшем развитии уста-

новленных уже советской властью основ новой жизни. Этими задачами советская школа принципиально отличалась от считавшейся тогда «передовой» буржуазно-демократической школы. Буржуазная школа открыто или в замаскированной форме ставит своей задачей укрепление господства буржуазии и подготовку рабочей силы для эксплуатации ее буржуазией. Советская школа открыто поставила своей задачей коммунистическое воспитание молодежи.

В 1919 г. вышла книга видного психолога и педагога П. П. Блонского в двух частях «Трудовая школа», в которой была разработана порочная комплексная программа для школы I ступени. Обосновывая это комплексное построение программ, П. П. Блонский писал: «Можете во весь год не давать ни одного «всамделишного урока». Все знания должны рождаться из случаев и в работе. Единственная цель – сделать текущую работу более сознательной, умелой, понятной и интересной. Чем меньше ты будешь увлекаться погоней за знаниями, тем лучше» [3, с. 96].

Критикуя программы старой школы, П. П. Блонский в той же книге говорил: «К чему такая схематизация знаний на первой ступени обучения? Не лучше ли целостное образование, изучение цельной конкретной действительности? Наш ученик должен изучить мир и жизнь, а не арифметику и физику» [4]. Ученик, по его словам, «половину всего школьного времени, предназначенного для научных занятий, проводит в переходах из одной научной студии в другую, а остальную половину школьного времени, предназначенного для научных занятий, отдает своим специальным занятиям в избранной им научной области» [5, с. 111].

Надо отметить, что массовые выступления в печати против урока успеха среди учителей-практиков не имели. А сам П. П. Блонский назвал урок «педагогическим предрассудком» и характеризовал учебный день школы с его расписанием сменяющихся друг друга уроков по различным учебным предметам «педагогическим винегретом».

В результате дискуссии «Материалы по образовательной работе», изданные Наркомпросом в 1919 г., уже были построены по предметной системе. К концу 1919 г. Наркомпрос сделал еще шаг вперед в смысле признания необходимости разработанных в центре программ и учебных планов. В 1920 г. были опубликованы первые учебные планы советской школы, составленные в двух вариантах: план-минимум и план-максимум.

Заметим, что среди революционно настроенной молодежи и педагогов, с ненавистью относившихся к старой школе, наблюдался часто неправильный подход к старой школе: голое отрицание всего положительного, что было в этой школе. Учитывая эти настроения, В. И. Ленин вслед за острой критикой старой школы в речи на III съезде Союзов молодежи указал: «Говорят, что старая школа была школой учебы, школой муштры, школой зубрежки. Это верно, но все-таки надо уметь различать, что было в старой школе плохого и полезного нам, надо уметь выбрать из неё то, что необходимо для коммунизма» [6, с. 303]. Этими словами В. И. Ленин указал диалектический подход к старой школе, учил правильно относиться к буржуазному опыту в области школы, не перенимая этого опыта механически, но и не отбрасывая опыта старой школы. В статьях и книгах того времени, трактовавших вопросы воспитания и принадлежавших перу видных педагогов, можно встретить отрицательное отношение к систематическим знаниям, к уроку, расписанию учебных занятий, учебникам. Это мелкобуржуазное анархическое отрицание организационных форм, методов и приемов школьной жизни имело в виду, конечно, прежнего учителя-чиновника, схоластическое преподавание, формализм и педантизм старой школы, ее отрыв от жизни и т. д. Но в пылу борьбы со старой школой отрицание старого учебника возводилось в принцип отрицания учебника вообще, протест против организации школьной работы в царской школе неправильно принимал форму отрицания классно-урочной системы в целом.

Исследователи по истории советской школы по итогам 30-летия успешного ее развития отмечают: «Работе учительства сильно мешали мелкобуржуазные анархические выступления некоторых левых педагогов-теоретиков. Так, будущий автор антиленинской теории «отмирания школы» В. Н. Шульгин писал в 1918 г.: «Роль педагога, школьного работника в школьной коммуне сведётся к тому, чтобы организовать среду, в которой находится учащийся, чтобы он сам, без частых указаний школьного работника, мог найти для себя верный путь». В Государственной комиссии по просвещению представители московского течения провозглашали, что «все в школе, начиная с заведующего школой и кончая учеником младшего возраста, равнозначущи». Отзвуками этих неправильных установок явилась... неправильная трактовка роли учителя декларацией о единой трудо-

вой школе 16 октября 1918 г. («учителя должны уметь быть старшими детьми»)» [7, с. 28].

В педагогике эти тенденции выразились в правом оппортунизме, в «теории отмирания школы» и в педологических извращениях в образовательном процессе. Значительно позднее было издано Постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» 4 июля 1936 г. [8].

В области школы правые сохранили остатки старой схоластической, чисто словесной школы, опирались на буржуазные педагогические теории, затушевывали классовую социалистическую сущность советской школы; неправильно трактовали политехнизм, сводя его к ремесленничеству или многоремесленничеству; экскурсионному «политехнизму», ориентировались на отсталое индивидуальное крестьянское хозяйство и т. п. Одним из проявлений реакционных влияний в педагогике была механистическая трактовка воспитания как «человеководства», по аналогии с животноводством, насаждение педологических извращений, попытка передать изучение ребенка какой-то самостоятельной науке – педологии, оторванной от процесса воспитания и извращенно трактовавшей ребенка как продукт некоей всеильной среды и наследственности. Всестороннее изучение ребенка педагогом, изучение его психики заменялось попытками построить воспитание ребенка на механистической рефлексологии. Педологи, применяя буржуазные теории и буржуазные методы исследования ребенка, давали искаженную картину развития ребенка, клеветали на детей рабочих и крестьян, утверждая, будто большинство их обладает пониженной одаренностью. Правый уклон в педагогике в основном был вскрыт и разоблачен в последние годы раннего периода советского образования.

В том знаменитом Постановлении 4 июля 1936 г. ЦК ВКП(б) отмечалось: «Практика педологов, протекавшая в полном отрыве от педагога и школьных занятий, свелась в основном к ложно-научным экспериментам и проведению среди школьников и их родителей бесчисленного количества обследований в виде бессмысленных и вредных анкет, тестов и т. п., давно осужденных партией. Эти, якобы, научные «обследования», проводимые среди большого количества учащихся и их родителей, направлялись, по преимуществу, против неуспевающих или неукладывающихся в рамки школьного режима школьников и имели своей целью доказать, якобы, с «научной», «био-

социальной» точки зрения современной педологии наследственную и социальную обусловленность неуспеваемости ученика или отдельных дефектов его поведения, найти максимум отрицательных влияний и патологических извращений самого школьника, его семьи, родных, предков, общественной среды и тем самым найти повод для удаления школьников из нормального школьного коллектива.

В этих же целях действовала обширная система обследований умственного развития и одаренности школьников, некритически перенесенная на советскую почву из буржуазной классовой педологии и представляющая из себя форменное издевательство над учащимися, противоречащая задачам советской школы и здравому смыслу. Ребенку 6–7 лет задавались стандартные казуистические вопросы, после чего определялся его так называемый «педологический» возраст и степень его умственной одаренности. Все это вело к тому, что все большее и большее количество детей зачислялось в категории умственно отсталых, дефективных и «трудных».

На основании отнесения подвергшихся педологическому «изучению» школьников к одной из указанных категорий педологи определяли подлежащих удалению из нормальной школы детей в «специальные» школы и классы для детей «трудных», умственно отсталых, психо-невротиков и т. д.» [8].

На фоне активизации правых педологов усиливаются гошисткие извращения, имевшие место, как и правооппортунистические, начиная с первых лет революции. Так, В. Н. Шульгин, возглавляя Институт методов школьной работы, этот «штаб левацких отклонений» от научного обществоведения, энергично пропагандировал бессистемность знаний и снижение общеобразовательного уровня этих знаний в школе путем разрушающего школу «метода проектов», следуя в этом отношении американским идеологам-педагогам. В конце 1927 г. он провозгласил, что школа отмирает.

Исследователи истории образования излагают этот левацкий уклон это так: «Вопреки высокой оценке школы основоположниками марксизма-ленинизма, вопреки большому значению, которое придается школе при диктатуре пролетариата программой ВКП(б), Шульгин писал: «все больше школа перестает быть школой, умирает как школа, и вырастает что-то новое, небывалое, невиданное... Все больше и больше дети учатся вне ее; работают на поле, в мастерской,

на фабрике; все больше она становится из места учебы местом организации детской работы. Но это же не школа. Её основная роль (учить) отпадает. Ребята начинают учиться и учатся всюду... Отмирает и учитель». Институт методов школьной работы (переименованный затем в Институт марксистско-ленинской педагогики) выпускал сборник за сборником, энергично пропагандируя антиленинскую «теорию отмирания школы» и делая практические шаги к разрушению школы путем так называемого «метода проектов» [7, с. 98].

Правооппортунистические и «левацкие» трактовки образования тормозили рост советской школы, мешали ее успехам, но они определяли собою развитие школы социалистического общества. Возможно, новый социализм и научное обществознание встретятся с этими уклонами в их новом облики, и эта встреча с гносеологическими ошибками и теоретическими уклонами по законам диалектики неизбежно состоится.

Список использованных источников

1. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. О Единой Трудовой Школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение). – URL: <https://istmat.org/node/31601> (дата обращения: 28.06.2023). – Текст: электронный.
2. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – Москва: ИПЛ, 1969. – Т. 38. – 579 с. – Текст: непосредственный.
3. Помелов, В. Б. Программно-методическая работа Наркомпроса РСФСР в первые годы советской власти / В. Б. Помелов // Вестник Вятского государственного университета. – 2018. – № 4. – С. 95–103. – Текст: непосредственный.
4. Блонский, П. П. Трудовая школа. Ч. 1, 2 / П. П. Блонский. – Москва: Госиздат, 1919. (Ч. 1. – 114 с.; Ч. 2. – 63 с.). – Текст: непосредственный.
5. Блонский, П. П. Трудовая школа / П. П. Блонский // Избранные педагогические и психологические сочинения: в 2 т. Москва: Педагогика, 1979. – Т. 1. – С. 86–164. – Текст: непосредственный.
6. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – Москва: ИПЛ, 1981. – Т. 41. – 696 с. – Текст: непосредственный.
7. Константинов, Н. А. Очерки по истории советской школы РСФСР за 30 лет / Н. А. Константинов, Е. Н. Медынский. – Москва: Гос. Уч.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1948. – 472 с. – Текст: непосредственный.
8. Постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» 4 июля 1936 г. Печатается по тексту газеты «Правда», 1936, 4 июля, № 183. – URL: <https://istmat.org/node/18393> (дата обращения: 28.06.2023). – Текст: электронный.

3.5. ЛИКВИДАЦИЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПРЕССЫ И ПРАКТИКА ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА В СТРОИТЕЛЬСТВЕ СОЦИАЛИЗМА

В период социалистической революции печать в руках классового врага могла причинить громадный вред делу рабочего класса и всех трудящихся. Накануне Октябрьского восстания буржуазная печать требовала от Временного правительства «обуздания» революционно настроенных масс. Советская власть стала немедленно использовать материальную базу закрытых буржуазных газет для своих практических нужд. Итальянский марксист А. Грамши в новаторской теории контрgegемонии отличал формы прямого государственного насилия победившего класса в России (на Востоке) от осады культурной gegемонии буржуазии в гражданском обществе и ее штурм пролетариатом на Западе. Жизнь подтвердила своевременность и правильность советского декрета о печати, поскольку свергнутые Октябрьской революцией господствовавшие классы стали использовать прессу в антисоветских целях. Терпеть существование таких газет значило бы отказаться от завоевания власти пролетариатом, а потому усиление подавления свергнутого класса было усилено: от ВРК репрессивные функции переходили к ВЧК. Ленинский декрет о печати сорвал замыслы контрреволюции, этим и объясняется сопротивление буржуазии, эсеров и меньшевиков, оказанное ими при проведении декрета о печати в жизнь.

Советская власть в революционной России не могла бы упрочиться, если бы оставила в руках буржуазии такое могущественное оружие, каким является печать. Опыт революционной борьбы, работы в подполье, издание собственных газет и прокламаций научил ставшую правящей партию не только ценить пропагандистскую, агитаторскую и организаторскую роль большевистской печати, но и уметь правильно оценивать политическую силу и значимость печати, какой располагает классовый противник. В период социалистической революции печать в руках классового врага могла причинить громадный вред делу рабочего класса и всех трудящихся.

Известно, что первая большевистская газета называлась по предложению В. И. Ленина «Искра», причем выходила с лозунгом «Из искры возгорится пламя». В. И. Ленин с детства знал, что А. С. Пушкин написал послание декабристам стихотворение «Во глубине сибир-

ских руд». На пушкинское стихотворение, переданное женой декабриста А. И. Одоевский ответил стихотворением, где была фраза «Из искры разгорится пламя» [1].

В декабре 1900 г. в Европе вышел первый номер ленинской газеты «Искра» с этим эпиграфом. А в статье «С чего начать?» В. И. Ленин определил главное звено революционной борьбы, ухватившись за которое можно вытянуть всю цепь. Начать надо с издания общероссийской газеты, которая призвана стать коллективным пропагандистом и организатором.

Он писал: «Русский рабочий класс, в отличие от других классов и слоев русского общества, проявляет постоянный интерес к политическому знанию, предъявляет постоянно (а не только в периоды особого возбуждения) громадный спрос на нелегальную литературу. При таком массовом спросе, при начавшейся уже выработке опытных революционных руководителей, при той сконцентрированности рабочего класса, которая делает его фактическим господином в рабочих кварталах большого города, в заводском поселке, в фабричном местечке, – постановка политической газеты есть дело вполне посильное для пролетариата. А посредством пролетариата газета проникнет в ряды городского мещанства, сельских кустарей и крестьян и станет настоящей народной политической газетой.

Роль газеты не ограничивается, однако, одним распространением идей, одним политическим воспитанием и привлечением политических союзников. Газета – не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но и коллективный организатор. В этом последнем отношении ее можно сравнить с лесами, которые строятся вокруг возводимого здания, намечают контуры постройки, облегчают сношения между отдельными строителями, помогают им распределять работу и обзрывать общие результаты, достигнутые организованным трудом. При помощи газеты и в связи с ней сама собой будет складываться постоянная организация, занятая не только местной, но и регулярной общей работой, приучающей своих членов внимательно следить за политическими событиями, оценивать их значение и их влияние на разные слои населения, выработать целесообразные способы воздействия на эти события со стороны революционной партии» [2, с. 11].

Однако подавляющее большинство газет России накануне Октябрьской революции было контрреволюционным. Буржуазная контрреволюционная печать еще задолго до Октябрьского переворота призывала к ликвидации большевистской партии, к разгрому Советов, к расправе над вождями пролетариата. В поэме В. В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин»: «И ручку Керенского водят приказом – на мушку Ленина! В Кресты Зиновьева! И партия снова ушла в подполье. Ильич на Разливе, Ильич в Финляндии» [3].

Буржуазная пресса клеветала на большевиков. Накануне Октябрьского восстания буржуазная печать требовала от Временного правительства «обуздания» революционно настроенных масс и расправы с передовыми рабочими. Еще большую опасность для революции, чем буржуазная печать, представляла «социалистическая пресса» – газеты меньшевиков и эсеров.

Новая советская власть была вынуждена немедленно обезоружить наиболее активных своих противников, лишив их собственной прессы. В первые дни революции Петроградский военно-революционный комитет закрыл важнейшие контрреволюционные газеты столицы: кадетскую «Речь», «Русскую волю», которую В. И. Ленин называл одной из наиболее гнусных буржуазных газет, реакционные «Биржевые ведомости», бульварную «Газету-копейку», близкую к кадетам газету «День», которая издавалась на средства банков, «Новое время», которую В. И. Ленин заклеил как образец продажных газет, а также «Петроградский листок», «Новую Русь», «Живое слово» и т. п. На второй день революции 26 октября 1917 г. буржуазные газеты опубликовали контрреволюционное воззвание уже не существовавшего Временного правительства, призывавшее силы контрреволюции сплотиться для отпора революционным рабочим и солдатам.

Петроградский военно-революционный комитет немедленно принял меры для пресечения подобных действий враждебных революции газет, применив военную силу. «Военно-революционный комитет, – читаем мы в распоряжении, врученном комендатуре Красной гвардии 20 октября, – предписывает дать в распоряжение комиссара печати 120 красногвардейцев для производства сегодня ночью ареста всех газет, закрытых за помещение возвания бывшего Временного правительства, и те газеты, которые поместят назавтра

воззвание генерала Духонина, а редакторов газет и главных сотрудников арестовать» [4].

Однако охрана типографий и редакций газет не была еще организована, и этим не замедлили воспользоваться агенты контрреволюции. Они проникали в типографии, печатали воззвания против Советской власти, вывозили шрифты, портили машины. Это заставило установить караулы при входах в редакции и типографии газет. Особое внимание караула было обращено на охрану машин и шрифтов. Приказ Военно-революционного комитета от 27 октября предписывал караулу не позволять ничего печатать без разрешения Военно-революционного комитета или его комиссаров, тем более не разрешать ничего вывозить из типографии без их согласия. Этот приказ был опубликован в «Правде» 27 октября 1917 г. как общее распоряжение по занятым типографиям. Петроградский военно-революционный комитет уполномочивал красногвардейцев, направляющихся на охрану типографии, прекращать печатание антисоветских изданий, конфисковать отпечатанную контрреволюционную литературу.

Советская власть стала немедленно использовать материальную базу закрытых буржуазных газет для своих практических нужд. Типография закрытой газеты «Новое время» была предоставлена для печатания газеты «Правда», в типографиях газет «Речь» и «День» стали печатать «Солдатскую правду» и «Деревенскую бедноту». Типография газеты «Русская воля» со всеми запасами бумаги была реквизирована для нужд революции и перешла в распоряжение Петроградского военно-революционного комитета. В предписании комиссару типографии поручалось, по указанию Ревкома, организовать рабочих и служащих для продолжения работ, необходимых новому строю; к сопротивляющимся могли применяться меры вплоть до ареста.

Революционные рабочие, солдаты и матросы шли с документами от Совнаркома и Военно-революционного комитета на выполнение заданий по фактическому закрытию газет и реквизиции типографий. Для систематического ведения дел по вопросам прессы Петроградский военно-революционный комитет выделил комиссара печати и комиссара реквизированных и перешедших во владение государства типографий. Был направлен также комиссар в телеграфное агентство. Так с первых же дней Советской власти централизация дела печати и государственный контроль над прессой принима-

ли стабильные формы. Итальянский марксист А. Грамши в теории контрреволюции изучал эти формы прямого насилия класса в третьем томе сочинений.

Во втором разделе «Проблемы революции» он писал проницательно относительно различия революции и подавления классового противника в России (на Востоке) и на Западе: «Мне кажется, что Ильич понял необходимость превратить маневренную войну, победоносно примененную на Востоке в 1917 году, в войну позиционную, которая была единственно возможной на Западе, где (как отмечает Краснов) на небольшом пространстве армии могли сконцентрировать бесчисленное количество боеприпасов и где социальные кадры сами по себе были еще способны сыграть роль сильнейших укреплений. По-моему, это и означало бы осуществление формулы «единого фронта», которая соответствует концепции единого фронта Антанты под единым командованием Фоша. Ильич только не имел времени, чтобы углубить свою формулу; однако надо учесть, что он мог углубить ее только теоретически, между тем как основная задача носила национальный характер, то есть требовала разведки территории и выявления тех элементов гражданского общества, роль которых можно уподобить роли траншей и крепостей и т. д. На Востоке государство было всем, гражданское общество находилось в первичном, аморфном состоянии. На Западе между государством и гражданским обществом были упорядоченные взаимоотношения, и если государство начинало шататься, тотчас же выступала наружу прочная структура гражданского общества. Государство было лишь передовой траншеей, позади которой была прочная цепь крепостей и казематов; конечно, это относится к тому или иному государству в большей или меньшей степени, и именно этот вопрос требует тщательного анализа применительно к каждой нации» [5, с. 199–200].

Первые же столкновения органов советской власти с контрреволюционной прессой показали, что необходимо перейти от отдельных, разрозненных выступлений против антисоветских выпадов буржуазных и «социалистических» газет к общегосударственным мероприятиям, к законодательному закреплению завоеваний диктатуры пролетариата в области печати. На третий день революции, 27 октября, Совет Народных Комиссаров принял «Декрет о печати», который был опубликован за подписью В. И. Ленина в центральных советских газетах 28 октября 1917 г.

В декрете разъяснялось, что имущие классы используют свободу печати, чтобы «отравлять умы и вносить смуту в сознание масс», и была обоснована целесообразность закрытия враждебных газет. «Всякий знает, – говорилось в декрете, – что буржуазная пресса есть одно из могущественнейших оружий буржуазии. Особенно в критический момент, когда новая власть, власть рабочих и крестьян, только упрочивается, невозможно было целиком оставить это оружие в руках врага, в то время как оно не менее опасно в такие минуты, чем бомбы и пулеметы. Вот почему и были приняты временные и экстренные меры пресечения потока грязи и клеветы, в которых охотно потопила бы молодую победу народа жёлтая и зелёная пресса» [6].

Далее уточнялось: «Как только новый порядок упрочится, всякие административные воздействия на печать будут прекращены; для нее будет установлена полная свобода в пределах ответственности перед судом, согласно самому широкому и прогрессивному в этом отношении закону» [6].

Декрет определял строго законные рамки осуществления этого мероприятия, точно указывая, что «закрытию подлежат лишь органы прессы: 1) призывающие к открытому сопротивлению или неповиновению Рабочему и Крестьянскому Правительству, 2) сеющие смуту путем явно-клеветнического извращения фактов, 3) призывающие к деяниям явно преступного, т. е. уголовно наказуемого характера». Закрытие газет и журналов могло проводиться лишь центральным советским правительством, а потому уточнялось: «2. Запрещения органов прессы, временные или постоянные, проводятся лишь по постановлению Совета Народных Комиссаров. 3. Настоящее положение имеет временный характер и будет отменено особым указом по наступлении нормальных условий общественной жизни» [6].

Опираясь на этот декрет, Совет народных комиссаров узаконил специальным постановлением 28 октября 1917 г. мероприятия Петроградского военно-революционного комитета по закрытию враждебных газет, проведенные до принятия «Декрета о печати». Это постановление, отпечатанное на бланке военного отдела Исполкома Петроградского Совета, было выдано за подписями В. И. Ленина и И. В. Сталина Петроградскому военно-революционному комитету как документ, одобряющий его действия [7].

Жизнь подтвердила своевременность и правильность советского декрета о печати. Свергнутые Октябрьской революцией господствовавшие классы, сопротивляясь Советской власти, стали использовать прессу в антисоветских целях. Откровенно буржуазные и так называемые «социалистические» газеты меньшевиков и эсеров открыли поход против советской власти. Со страниц этих газет полился поток клеветы и грязи на Советы, на власть рабочих и крестьян, на большевиков, на революционное творчество масс. Особую злобу у буржуазной прессы вызывали сообщения советских газет о самостоятельности рабочих и крестьян, об их творческой инициативе в строительстве новых форм жизни.

Современный историк С. В. Леонов в научной статье журнала «Вопросы истории» отмечает: «5 декабря 1917 г. ВРК был ликвидирован, официально – объявил о «самороспуске». Его «дальнейшие работы», как сообщалось, «должны быть переданы Отделу по борьбе с контрреволюцией» при ВЦИК. (Между тем этот отдел, декретированный еще 2 ноября 1917 г., фактически так и не был создан.) Военно-следственной комиссии также предписывалось «срочным порядком приступить к ликвидации всех своих дел» и передать их военно-революционному трибуналу при Петросовете. Видимо, из-за опасений, что под флагом ликвидационной комиссии ВРК удастся хотя бы отчасти сохраниться, этой комиссии было предписано закончить работу в семь дней» [8, с. 40].

Понятно, что терпеть существование таких газет значило бы отказать от завоевания власти пролетариатом, а потому усиление подавления свергнутого класса должно быть усилено: от ВРК репрессивные функции переходили в ВЧК. «Надо идти вперед, к новому обществу, – призывал В. И. Ленин, – и относиться к буржуазным газетам так же, как мы относились к черносотенным в феврале – марте» [9, с. 54–55]. Это обращение было написано В. И. Лениным 25 октября (7 ноября) и принято съездом 26 октября (8 ноября).

И буржуазные, и меньшевистско-эсеровские газеты выступили единым фронтом против ленинского декрета о печати. Негодуя, они требовали отмены этого закона и полного прекращения преследования контрреволюционных выступлений антисоветских газет. «Свобода печати», за которую ратовали противники Советской власти, проявлялась на страницах газет в виде гнусной клеветы,

невероятного извращения фактов, распространения злостных слухов. Эсеровское «Дело народа» попыталось очернить перед массами красногвардейцев Обуховского завода, клеветнически обвиняя их в дезертирстве и саботаже. Красногвардейцы-обуховцы опровергли эту ложь. Латышские стрелки разоблачили злостные выдумки «Друга народа» о дезертирстве Латышских частей. Матросы «Авроры» писали в «Правду» об авантюристических приемах желтой прессы, применяемых «Простой газетой», описывающей события на крейсере от имени «очевидца», который и не был на судне.

Выражая интересы революционных рабочих и крестьян, газета «Известия» призывала: «Товарищи! Не верьте корниловским газетам. Единственное средство, которое осталось обманщикам и предателям, это обман. У господ корниловцев нет в Петрограде ни одного взвода солдат, но к их услугам деньги и некоторые типографии. Корниловцы засыпают улицы и казармы контрреволюционными листками, носящими название «Дело Народа», «Воля Народа», «Солдатский Крик», «Рабочая Газета», «Искры» и проч.

Товарищи! Не верьте ни одному слову Корниловцев, называющих себя эсерами и меньшевиками. В сорную яму эти подлые листки. Объясняйте товарищам, что все это листки черной сотни – Керенских, Савинковых, Корниловых, Авксентьевых» [10].

Так советская пресса разоблачала «свободу» печати, которую навязывали трудящимся меньшевики и эсеры по образцу социал-предателей Запада. Сопrotивляясь ленинскому декрету о печати, враги советского строя пытались использовать печать как политическое оружие в борьбе против диктатуры пролетариата. Так, крупная саботажническая организация в Петрограде «Трудовые интеллигенты» использовала печать для организации саботажа. «Трудовые интеллигенты» ежедневно выпускали бюллетени, в которых повторяли обильную клевету со страниц «Речи», «Воли народа», «Дела народа», «Петроградской газеты» и других контрреволюционных листков. Эти бюллетени распространялись среди бастующих чиновников.

Как буржуазия, так и ее эсеро-меньшевицкие лакеи, борясь за буржуазную свободу печати, преследовали далеко идущие цели, отводили печати одно из ведущих мест в своей борьбе за восстановление и сохранение капитализма. Но ленинский декрет о печати сорвал замыслы контрреволюции. Этим и объясняется отчаянное со-

противление буржуазии, эсеров и меньшевиков, оказанное ими при проведении декрета о печати в жизнь. Особую активность проявляли при этом «левые» эсеры. Им оказывали поддержку антиленинские элементы и капитулянты (Ларин, Рязанов, Ногин и др.). «Левые эсеры», имевшие свою фракцию во ВЦИК, избранном на II съезде Советов, решили организовать «парламентскую» обструкцию, повлиять на Совнарком и провести через ВЦИК отмену декрета о печати.

Список использованных источников

1. «Из искры возгорится пламя!». – URL: <https://diletant.media/upload/medialibrary/d57/d576a66e873f564c4a2524f22b036323.webp> (дата обращения: 30.06.2023). – Текст: электронный.
2. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – Москва: ИПЛ, 1967. – Т. 5. – 555 с. – Текст: непосредственный.
3. Маяковский В. Владимир Ильич Ленин / В. Маяковский. – URL: <https://www.culture.ru/poems/21248/vladimir-ilich-lenin> (дата обращения: 30.06.2023). – Текст: электронный.
4. Предписание Военно-революционного комитета комендатуре Красной гвардии 26 октября 1917 года. – URL: <http://doc2ovek.ru/node/69> (дата обращения: 30.06.2023). – Текст: электронный.
5. Грамши А. Избранные произведения: в 3 т. / А. Грамши; пер. с итал. – Т. 3. Тюремные тетради. – Москва: Изд-во иностр. лит., 1959. – 565 с. – Текст: непосредственный.
6. Декрет Совета Народных Комиссаров (О печати). – URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5305/> (дата обращения: 30.06.2023). – Текст: электронный.
7. Постановление СНК о запрещении выхода газет, закрытых Военно-революционным комитетом на основании пункта 1 «Декрета о печати» 28 октября (10 ноября) 1917 г. – URL: <https://lenin.rusarchives.ru/dokumenty/postanovlenie-snk-o-zapreshchenii-vyhoda-gazet-zakrytyh-voenno-revolucionnyim-komitetom-na> (дата обращения: 02.07.2023). – Текст: электронный.
8. Леонов, С. В. Роспуск Петроградского ВРК и создание ВЧК в 1917 г. / С. В. Леонов // Вопросы истории. – 2013. – № 11. – С. 38–52. – Текст: непосредственный.
9. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – Москва: ИПЛ, 1974. – Т. 35. – 600 с. – Текст: непосредственный.
10. Газетные старости. – URL: <http://starosti.ru/article.php?id=55867> (дата обращения: 30.06.2023). – Текст: электронный.

3.6. ДВИЖЕНИЕ СКВОЗЬ АД ИСТОРИИ К СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ: ИЗРАИЛЬСКИЙ ПСЕВДОСОЦИАЛИЗМ И РОССИЙСКИЙ ПСЕВДОКАПИТАЛИЗМ

Специфика израильского социализма рассматривается нами на фактах израильской и советской истории XX в. Предметом гордости Израиля долгое время коллективные сельскохозяйственные поселения – кибуцы. В них сочетаются отрицательные стороны социализма и негативные стороны капитализма. Автор показывает, что как в Израиле построен псевдосоциализм, так и в России возник псевдокапитализм и может быть поставлен вопрос о научной характеристике общественно-экономического строя, формируемого в процессе модернизации традиционного общества.

В политологическом холодном перечислении моделей социального государства – либеральной британо-американской, континентальной, скандинавской и патерналистской – обычно исчезает опыт израильского государства по созданию национально-ориентированной версии израильского социализма. Между тем специфику израильского социализма легко увидеть на фактах израильской и советской истории XX в. Наиболее наглядно такие факты наблюдаемы в социализации сельскохозяйственного производства – в создании израильских кибуцев и советских колхозов, всего того, что было у нас разрушено возвратным движением приватизации в 90 гг. и что сохранилось в Израиле. Венцом израильского социализма и предметом его гордости были коллективные сельскохозяйственные поселения – кибуцы, которые только сейчас, в новом столетии, оказались под вопросом.

В рекламных брошюрах их описывают следующим образом: «Все люди равны и живут единой большой семьей; нет денег, нет культа золотого тельца и поэтому все свободны от низменных чувств, порождаемых деньгами; каждый трудится по возможности, по силам, на чистом воздухе... матери освобождены от бремени ухода за детьми... дети по достижении совершеннолетия живут отдельно от родителей... отработав в поле или на ферме, житель кибуца посвящает

остаток времени насыщению своих культурных запросов, для чего к его услугам кино, театр, телевизор, читальный зал и обязательно собственная библиотека в уютной маленькой квартирке. Одним словом, рай» [1, с. 194–195].

Подобные аграрные утопии агрогородов рисовались прежде многими социалистами, начиная от Т. Мора, и были развиты в период «головокружения от успехов» в советской коллективизации конца 1920 – начала 1930 гг. На самом же деле кибуцы Израиля представляют собой явление прямо противоположное тому, что выставляется в рекламных материалах. Так, бывший советский гражданин писатель Э. Севела отмечал: «Кибуцы, витрина израильского социализма, давно превратились в коллективных иждивенцев и эксплуататоров. Эти хваленые социалистические предприятия, рьяно поддерживаемые правительством, получают завидные налоговые льготы за счет частных капиталистических фирм, с которых эти налоги сдираются вдвойне. Кибуцы заботливо осыпаются золотым дождем дотаций и субсидий... Кибуц коллективно эксплуатирует наемную рабочую силу, как заправский капиталист, присваивая себе прибавочную стоимость. Почти все строительство в кибуцах, в том числе сооружение пресловутых театров и плавательных бассейнов, осуществляется руками наемных рабочих – арабов и друзов, оплачиваемых по самым низким ставкам и совершенно обойденных социальным обеспечением... на предприятиях металлообрабатывающей, мебельной и пищевой промышленности в кибуцах 60 процентов составляют наемные рабочие... Даже рутинную работу по обслуживанию самих жителей кибуца: коллективную кухню и столовую, общую прачечную и т. д. – тоже стали перепоручать наемной силе» [1, с. 195–196].

Э. Севела, знавший о жизни кибуцев не понаслышке, раскрывает неожиданные для нас наиболее изощренные и необычные формы эксплуатации наивных западных туристов бюрократами, именующими себя социалистами: «Весьма часто в кибуцных столовых я встречал официанток и кухонных работниц нееврейского типа. Это были немки, датчанки, шведки, француженки. Иностранные туристки, заинтригованные рекламой кибуцной жизни как образца социальной справедливости, зазываемые провести свой отпуск бесплатно, они массами прилетают в Израиль... И беспечно поселяются в кибуцах... Их кормят действительно бесплатно и предоставляют

ночлег. Но... но за все это надо работать и работать тоже бесплатно. Работать судомойкой и официанткой, прачкой и дояркой. И не гнушаться, если пошлют на полевые работы... весьма недурно придумано. В наше время получить даровую рабочую силу, лишь за еду и ночлег, далеко не так легко... Тысячи таких вот туристов и туристок бесплатно отрабатывают свой приезд в Израиль, и это становится немалой статьёй экономии и доходов для кибуцев. Где тут хваленые справедливость и социализм? Эксплуатация и иждивенчество, удовлетворяющие неприхотливые потребности микроскопической части населения (всего лишь 5 процентов), живущей в маленьких игрушечных поселениях на лоне природы» [1, с. 196–197].

Кибуцный «социализм» является не только примером коллективной эксплуатации окружающих, но и образцом структурированной *партократической организации*, которая, как религиозный орден или мафия, стоит над обществом и диктует ему свои условия. «Кибуцы позарез нужны правящему в Израиле социалистическому блоку, потому что уже давно стали хорошо налаженным инкубатором, поставляющим верных и преданных людей для руководящей работы во всех звеньях государственной машины. И в армии. И в полиции. И в профсоюзах. И в парламенте. Особенно это бросается в глаза в израильских посольствах за границей. Простоватые кибуцники в своих любимых рубашках „апаш“, категорически отрицающие галстуки как признак буржуазного вырождения, выделяются на фоне лощеных, всегда одетых согласно протоколу дипломатов. И вот там-то и видишь, как густо прострочены израильские учреждения негласными политическими комиссарами... В израильской армии большая часть офицеров, вплоть до высших, а также пилоты, парашютисты, вся основа военной машины укомплектована кибуцниками. Официально – армия аполитична и ее офицеры ни к какой партии не примыкают, но это лишь официально, для легковверных простачков. Выросшие в кибуцах парни, с пеленок пропитанные социалистической идеологией, став офицерами, на всю жизнь сохраняют верность не Израилю, а в первую очередь партии своих родителей... Кибуцники восседают за канцелярскими столами министерств, возглавляя пресловутый израильский бюрократический аппарат, равного которому (по мертвящему духу) не сыскать во всем мире. Они же, эти люди, породили и прочно привили стране институт протекционизма, личного хода-

тайства, ставшего двигательной силой абсолютно во всем, начиная от устройства на работу до получения лицензии на открытие частного предприятия или отправки сыночка на теплое местечко за границу. В результате в Израиле без протекции и шагу ступить невозможно» [1, с. 198–199].

Характеризуя израильский социализм в целом, автор пишет: «Он особый, этот социализм, ни на какие другие не похожий, хотя многое, очень многое их роднит. В Израиле у власти стоят социалисты, но в экономике сосуществует оба сектора: и социалистический, и частнокапиталистический. Вот этот симбиоз приводит порой к самым неожиданным и чаще всего плачевным результатам... Как ни плох социализм восточноевропейский советского толка, там имеются свои привлекательные стороны. Ну, хотя бы бесплатное медицинское обслуживание и образование. В социалистическом Израиле и то и другое платное, как в некоторых капиталистических странах, и для значительной части населения или малодоступно, или вовсе лежит за пределами их возможности» [1, с. 186]. Э. Севела подчеркивает, что лицо израильского социализма «составлено из двух половин. Взяты отрицательные стороны социализма и такие же негативные стороны капитализма, то есть самые непривлекательные черты обеих систем, слеплены вместе, и это явлено миру как израильский образец социализма» [1, с. 187]. Это лицо напоминает раскритикованный К. Марксом проект социализма П.-Ж. Прудона, мечтавшего о рабочих деньгах и трудовых базарах, призывавшего взять положительные стороны капитализма и добавить к ним положительный облик социализма. В XX в. эта утопия вылилась в идею «социализма с человеческим лицом», использованную в ходе подрывной работы западных разведок против стран реального социализма – в Венгрии в 1956 г., в Чехословакии в 1968 г., в ГДР и Польше в 80 гг.

При всей остроте определения Э. Севелы оно не раскрывает сущности израильского социализма, его действительной роли и места в современной истории. Перечисление пороков той или иной социальной системы не позволяет ни на шаг продвинуться вперед в понимании сущности различных так называемых моделей социализма и капитализма, ибо корень всему – человек и его социальная сущность. Вопрос может быть по-научному поставлен так: чему служат отрицательные и положительные стороны того или иного варианта

социализма и капитализма – созиданию человека и человечности или разрушению того и другого? Где находится человек – в учебной аудитории, цехе или скамье алкоголиков и наркоманов? Где находится женщина – в семье или на панели? Где находятся старики – в окружении внуков или в доме престарелых?

Формируя иждивенцев и попрошаек, потребителей результатов чужого труда и убийц арабского населения Палестины, машина израильского социализма разрушает человека-творца и воспитывает хищника и потребителя. Израильтяне, как и американцы, потребляют в четыре раза больше, чем производят. 90 % израильтян не связывают свои планы с производительной, продуктивной деятельностью. Производство в кибуцах носит показательный, рекламный характер, призванный скрыть эксплуататорскую сущность всего израильского общества. Как отмечает в книге о борьбе цивилизаций и варварства В. К. Бакшутов: «Израильский социализм – варварская форма коллективного рабства, основанная на сионистской идеологии и фразеологии. Современный израильский «социализм» более корректно сравнивать не с советским социализмом, а с ельцинско-путинской Россией. Здесь и там соединены худшие черты социализма и капитализма. В результате в Израиле построен псевдосоциализм, а в России – псевдокапитализм» [2, с. 163].

Мы согласны с автором, что здесь и там паразитическое потребление ценится выше производительного, творческого труда, а деньги – выше чести и человеческого достоинства, служба – выше работы, когда спекулятивный процент важнее заработанных производительным трудом денежных средств и бизнесмен важнее инженера, банкир важнее академика, спорт важнее физкультуры, полиция важнее армии, проституция важнее семьи, машина ценнее ребенка. Все это признаки дряхлеющего общества и не способных сделать исторически оправданный выбор правителей государства. Там и здесь мы видим искусственную, нежизнеспособную, варварскую общественно-политическую систему. Все это лишь жалкие плоды победы плутократов и инфомократов. Беззаботные «травоядные народы» могут только чувствовать на себе проявление этого социального наркотика. Но напористая стая социальных хищников хорошо видела действие этого яда и усиленно кормила им, отравляя сердца и души простых людей – создателей средств к жизни для всего человечества. Эти две

модели псевдосоциализма и псевдокапитализма структурируют людей и заставляют их маршировать поколениями сквозь ад истории в направлении достижения социальной справедливости глобального коммунистического общества.

В результате обнаружения квазисоциалистического и квазикапиталистического общества в общественной науке может быть поставлен вопрос о научной характеристике общественно-экономического строя, формируемого в процессе модернизации традиционного общества. Это, несомненно, задача дальнейших исследований, перспективы которой мы обрисовали в нашей монографии 2021 г. [3]. Возможно иное объяснение социальной ситуации формирования псевдосоциализма и псевдокапитализма. Это конспирологическая модель, которая была использована И. Р. Шафаревичем при объяснении кризиса реального социализма. Известный математик и публицист полагал, что речь идет о борьбе большого народа и малого народа, при котором малый народ производит геноцид большого, замещает его на мигрантов, сокращает экономическую базу его существования [4].

Однако история последних 30 лет показывает, что эта конспирологическая концепция больше подходит для описания результатов полновластия и реформ западной либеральной элиты в стране с народом, который никогда не стремился войти в западную цивилизацию.

Социализм строится на традиционных ценностях и представляет собой семейный тип общества. Основной ячейкой такого общества является первичный трудовой коллектив, который сам строится как семья. В Конституции СССР 1977 г., закреплявшей завоевания развитого социализма, отмечались характеристики этого нового общества, небывалого прежде в истории: «В СССР построено развитое социалистическое общество. На этом этапе, когда социализм развивается на своей собственной основе, все полнее раскрываются созидательные силы нового строя, преимущества социалистического образа жизни, трудящиеся все шире пользуются плодами великих революционных завоеваний.

Это – общество, в котором созданы могучие производительные силы, передовая наука и культура, в котором постоянно растет благосостояние народа, складываются все более благоприятные условия для всестороннего развития личности.

Это – общество зрелых социалистических общественных отношений, в котором на основе сближения всех классов и социальных слоев, юридического и фактического равенства всех наций и народностей, их братского сотрудничества сложилась новая историческая общность людей – советский народ.

Это – общество высокой организованности, идейности и сознательности трудящихся – патриотов и интернационалистов.

Это – общество, законом жизни которого является забота всех о благе каждого и забота каждого о благе всех.

Это – общество подлинной демократии, политическая система которого обеспечивает эффективное управление всеми общественными делами, все более активное участие трудящихся в государственной жизни, сочетание реальных прав и свобод граждан с их обязанностями и ответственностью перед обществом.

Развитое социалистическое общество – закономерный этап на пути к коммунизму» [5, с. 2]. Далее фиксируются перспективы совершенствования незрелого коммунистического общества: «Высшая цель Советского государства – построение бесклассового коммунистического общества, в котором получит развитие общественное коммунистическое самоуправление. Главные задачи социалистического общенародного государства: создание материально-технической базы коммунизма, совершенствование социалистических общественных отношений и их преобразование в коммунистические, воспитание человека коммунистического общества, повышение материального и культурного уровня жизни трудящихся, обеспечение безопасности страны, содействие укреплению мира и развитию международного сотрудничества» [5, с. 2–3].

В принятом в 1983 г. Законе о трудовых коллективах сказано: «Трудовой коллектив предприятия, учреждения, организации является основной ячейкой социалистического общества и в соответствии с Конституцией СССР осуществляет широкие полномочия в политической, экономической и социальной жизни страны. Деятельность трудовых коллективов в СССР базируется на социалистической собственности на средства производства и плановом развитии экономики. В трудовых коллективах совместный труд осуществляется на началах товарищеского сотрудничества и взаимопомощи, обеспечивается единство государственных, общественных и личных

интересов, утверждается принцип ответственности каждого перед коллективом и коллектива за каждого работника. Трудовые коллективы призваны приумножать материальные и духовные богатства страны, рационально использовать имеющиеся ресурсы, проявлять неустанную заботу о членах коллектива, об улучшении условий их труда, быта и отдыха» [6].

Когда вся эта стройная система рухнула, мало кто понял отдаленные последствия этой самой крупной катастрофы XX века. Эхо докатилось в виде пенсионной реформы, которая в отличие от Беловежского сговора 1991 г. вызвала потоки проклятий у трудящихся в новой демократической России. Тем не менее эти трудящиеся, живущие при капитализме четверть века, оказывается, не понимали само происхождение пенсий и пенсионного фонда.

В. Тимаков в статье «Разорванная связь поколений. Перманентное повышение пенсионного возраста как следствие малодетности» пишет: «Старинная русская притча повествует о крестьянине, которого спросили, куда он тратит свои доходы. «Одной третью долги возвращаю, вторую треть в долг даю, на оставшуюся треть сам живу», – недолго думая, ответил сельский труженик. Недоумение вопрошающего было рассеяно последующим разъяснением. Первая треть идет на питание родителей; когда крестьянин был мал, они кормили его – теперь благодарный сын возвращает долг. Вторая треть достается детям; когда ребятишки вырастут – будут заботиться о состарившемся отце, настанет их черед отдавать долги. Наконец, третью долю потребляет сам глава семьи со своей хозяйкой.

В этой простой народной мудрости скрыт главный закон пенсионного обеспечения: содержание стариков – это долг, который возвращают дети. Чем больше мы вложили в детей, тем больше средств может вернуться к нам на склоне лет. Или чем больше выросло потомков, тем надежнее гарантии благополучия престарелых родителей. Кто же еще обеспечит заслуженный отдых ветеранов, если не пришедшее им на смену поколение?» В буржуазном обществе с его финансовой запутанности потоков ценностей и товаров утрачено понимание этой крестьянской ясности: «Одним кажется, что о них заботится некое абстрактное государство, обезличенное всемогущее существо, по самой своей природе обязанное выполнять благотворительные функции. Другие считают, что они персонально заработали

на свою старость, и при выходе на пенсию к ним должны вернуться дивиденды с их собственных трудовых вложений. Таковы социальная и либеральная мифология пенсионного обеспечения – взгляды не то чтобы полностью оторванные от истины, но крайне односторонние и игнорирующие суть явления. В реальности же пенсионные доходы, получаемые старшим поколением, формируются, прежде всего, за счет труда поколения следующего» [7].

При капитализме в социальном государстве ситуация обостряется. Сохраняющийся при социализме «узкий горизонт буржуазного права», описанный К. Марксом в работе «Критика Готской программы», становится невыносимым при капитализме – здесь платят за все: «Мы имеем здесь дело не с таким коммунистическим обществом, которое развилось на своей собственной основе, а, напротив, с таким, которое только что выходит как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло! Соответственно этому каждый отдельный производитель получает обратно от общества за всеми вычетами ровно столько, сколько сам дает ему. То, что он дал обществу, составляет его индивидуальный трудовой пай. Например, общественный рабочий день представляет собой сумму индивидуальных рабочих часов; индивидуальное рабочее время каждого отдельного производителя – это доставленная им часть общественного рабочего дня, его доля в нем. Он получает от общества квитанцию в том, что им доставлено такое-то количество труда (за вычетом его труда в пользу общественных фондов), и по этой квитанции он получает из общественных запасов такое количество предметов потребления, на которое затрачено столько же труда. То же самое количество труда, которое он дал обществу в одной форме, он получает обратно в другой форме» [8, с. 18].

То есть буржуазное право – право неравенства – сохраняется при капитализме: «Но один человек физически или умственно превосходит другого и, стало быть, доставляет за то же время большее количество труда или же способен работать дольше; а труд, для того чтобы он мог служить мерой, должен быть определен по длительности или по интенсивности, иначе он перестал бы быть мерой. Это равное право есть неравное право для неравного труда. Оно не признает

никаких классовых различий, потому что каждый является только рабочим, как и все другие; но оно молчаливо признает неравную индивидуальную одаренность, а следовательно, и неравную работоспособность естественными привилегиями. Поэтому оно по своему содержанию есть право неравенства, как всякое право. По своей природе право может состоять лишь в применении равной меры; но неравные индивиды (а они не были бы различными индивидами, если бы не были неравными) могут быть измеряемы одной и той же мерой лишь постольку, поскольку их рассматривают под одним углом зрения, берут только с одной определенной стороны, как в данном, например, случае, где их рассматривают только как рабочих и ничего более в них не видят, отвлекаются от всего остального. Далее: один рабочий женат, другой нет, у одного больше детей, у другого меньше и так далее. При равном труде и, следовательно, при равном участии в общественном потребительном фонде один получит на самом деле больше, чем другой, окажется богаче другого и тому подобное. Чтобы избежать всего этого, право, вместо того чтобы быть равным, должно бы быть неравным. Но эти недостатки неизбежны в первой фазе коммунистического общества, в том его виде, как оно выходит после долгих мук родов из капиталистического общества. Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества» [8, с. 19].

Вернемся к статье В. Тимакова о пенсионном обеспечении: «Говоря словами старинной притчи, с которой мы начали повествование, многодетная мать всю жизнь давала в долг своим детям, а возвращают они этот долг чужой госпоже child-free. Возможно, бездетная леди постоянно морщила нос, глядя на суету многодетных мамаш: вот, мол, социальные паразитки; я тут работаю, зарабатываю хорошие деньги, а они за мой счет то какие-то социальные пособия получают, то без очереди проходят! Возможно, она с особым презрением бросала вслед чужим родительским запросам оскорбительный мем «яжемать!». Но на деле-то все социальные пособия, все материнские капиталы, получаемые за рождение и воспитание детей, все предлагаемые родителям (не такие уж и значительные!) льготы и привилегии не могут сравниться с тем важнейшим, ничем не заменимым «ресурсом», который создают матери. И по факту, это именно госпожа child-free является социальным паразитом,

который на склоне лет будет получать пенсию за счет чужого родительского труда» [7].

В. Тимаков заключает серьезное теоретическое исследование несерьезными и популярными образами: «с точки зрения смены поколений, в долгосрочной перспективе, бездетные люди оказываются теми же «безбилетниками», за которых платят многодетные. Точно так же, как при неоплате проезда или при уклонении от налогов, отказ от рождения детей порождает острую нехватку ресурсов, только отложенную во времени. Эту нехватку покрывают те, кто «платит за двоих», то есть многодетные. Но такой альтруизм, получающий в лучшем случае (и то не всегда!) моральное вознаграждение, в материальном смысле оказывается совершенно убыточен. Нет ничего удивительного в том, что количество многодетных в таких условиях невелико, а общество, потакающее «демографическим безбилетникам», испытывает все более острые проблемы – не только с трудовыми ресурсами, но и с пенсионным обеспечением» [7]. Однако следующие далее предложения автора заключаются не в переходе к социализму, а в совершенствовании буржуазного социального государства, которое лишается в этом определении своего классового измерения и получает наименование народного государства.

Список использованных источников

1. Севела, Э. Возраст Христа. Последние судороги неумирающего племени / Э. Севела. – Москва: АСТ, Хранитель, 2007. – 316 с. – Текст: непосредственный.
2. Бакшуттов, В. К. Борьба цивилизаций с варварством / В. К. Бакшуттов. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2012. – 418 с. – Текст: непосредственный.
3. Некрасов, С. Н. Социальная диалектика предистории / С. Н. Некрасов. – Москва: ИНФРА-М, 2021. – 640 с. – Текст: непосредственный.
4. Шафаревич, И. Р. Есть ли у России будущее? / И. Р. Шафаревич. – Москва: Советский писатель. 1991. – 556 с. – Текст: непосредственный.
5. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.). – Москва: ИПЛ, 1977. – 45 с. – Текст: непосредственный.
6. Закон СССР от 17.06.1983 «О трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями». – URL:

Глава 3. САБОТАЖ И НОВАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

https://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_11617.htm?ysclid=llaxomgki465881372 (дата обращения: 05.07.2023). – Текст: электронный.

7. Тимаков, В. Разорванная связь поколений. Перманентное повышение пенсионного возраста как следствие малодетности / В. Тимаков. – URL: https://zavtra.ru/blogs/razorvannaya_svyaz_pokolenij (дата обращения: 30.06.2023). – Текст: электронный.

8. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2 изд. / К. Маркс. – Т. 19. – Москва: ГИПЛ, 1961. – 703 с. – Текст: непосредственный.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Американские марксисты в центре капитализма и мировой цитадели милитаризма полагают, что сегодня перспективы для социализма самые благоприятные: поражение американского империализма и революция в США позволит народам мира быстро прийти к подлинному счастью.

Американский марксист Р. Тернер в статье «На какой качественный рост мы можем рассчитывать в США?» пишет: «Сила американского капитализма и в целом степень реакционности сознания широких масс деморализуют и разрушают надежды левых на какую-либо организацию разрозненных слоев пролетариата, даже на такие бесполезные виды деятельности, как акционизм и экономизм. Материалист-диалектик может только посмеяться над этим, ведь условия дляковки подлинных марксистов сейчас как никогда подходящие. Господствующий плюрализм и, как следствие, отсутствие официального запрета на изучение и пропаганду марксизма являются очень благоприятным фактором для развертывания полномасштабной пропаганды марксизма. Проблема же заключается в основном в тотальной нехватке компетентных марксистских кадров, которые могли бы воспользоваться сложившимися «тепличными условиями». Доступ к интернету есть у большинства населения, что лишь упрощает задачу по распространению идей марксизма» [1].

Ситуация начала XX в. повторяется в первой трети нового столетия: социализм подготовлен не только материально – развитием техники и технологий, но и идеологически: массы трудящихся по всему миру созрели для поворота к социализму. Сами США превратились по показателям жилищного кризиса, распространения фентанила, медицинского обеспечения и числу бездомных в новую и самую большую страну третьего мира.

Зигзаги истории показывают, что ситуация распада СССР под влиянием капиталистической мутации повторяется через 30 лет в США. На последнем съезде правящей партии СССР – XXVIII съезде КПСС –

в уникальном на весь съезд выступлении доктора экономических наук, заведующего кафедрой Высшей школы профсоюзного движения ВЦСПС А. А. Сергеева в отчаянии говорилось. В отчаянии, потому что это был глас вопиющего в пустыне: «Нас зовут в рыночную экономику. Но есть три формы рынка. Есть рынок товаров, и я, Михаил Сергеевич, отношусь к тем экономистам, кто всегда – и в годы застоя, и в годы перестройки – ратовал за этот рынок со всеми его категориями: стоимостью, ценой, себестоимостью, прибылью, кредитом, процентом. Я писал об этом в Большой советской энциклопедии, монографиях, в многочисленных научных статьях.

И я говорю об этом сейчас не в порядке колкостей в адрес Генерального секретаря, а для того чтобы он обратил дополнительное внимание на информацию своих советников и помощников. Оказывается, она может быть недобросовестной.

Но, кроме рынка товаров, есть еще два рынка. Есть рынок частного капитала, представленный фондовыми биржами, и рынок рабочей силы. Так вот два эти рынка, вместе взятые, неизбежно дают классический капиталистический рынок, даже если его и назвать регулируемым. И от этого никуда не уйти» [2, с. 504].

Съезд не услышал этого обращения. Хотя все сказано было предельно откровенно, правительство вело дело от социалистической перестройки к капиталистической реформации: «В этой связи я хотел бы обратить внимание на такой факт. Недавно журнал «Вопросы экономики» опубликовал экономическую платформу Демократического союза. И вдруг стало ясно, что уж очень много сходства между этой откровенно прокапиталистической платформой и тем, что предлагает теперь правительство. Вот в чем, оказывается, реальный смысл деидеологизации и деполитизации экономики. (*Аплодисменты.*) В этой ловушке, ловко расставленной частью межрегионалов и дээсовцами, уже прочно сидит Борис Николаевич Ельцин. (*Аплодисменты.*)

Николай Иванович, неужели и Вы до сих пор не видите, что в этой ловушке приготовлено место и для Вас? (*Смех, аплодисменты.*) Единственно научный подход к выработке социально-экономического курса, по нашему убеждению, состоит в том, чтобы опираться на объективно развертывающийся во всей мировой экономике процесс материального обобществления производства. Процесс этот непрост,

противоречив, идет подчас зигзагами, но весь мировой опыт XX века, в том числе последних десятилетий, говорит о том, что этот процесс неостановим. Брать в этих условиях курс на так называемое разгосударствление, которое на поверку оказывается примитивным разобобществлением, значит, образно говоря, переть против экономической необходимости. И ведь прут. (*Аплодисменты*.) Но чем больше в массовое советское сознание при помощи средств информации, монополизированных правыми радикальными силами, будут внедрены стереотипы, несовместимые с его коллективистской сутью, сформированной не только за годы Советской власти, но, подчеркиваю, в ходе многовекового исторического развития, тем более резкие формы примет стихийный рывок народа в сторону выбора адекватного Октябрьскому. Ведь этим людям, Михаил Сергеевич, а имя им народ, этим людям и эмигрировать-то некуда» [2, с. 504–505].

Действительно, людям было эмигрировать некуда, и в один страшный день они оказались в чужом для них обществе. Контрреволюция по форме повторила моментальную по историческим масштабам революцию, и, говоря словами лучшего советского поэта (по оценке И. В. Сталина, который писал, что Маяковский был и остается лучшим и талантливейшим поэтом нашей советской эпохи; безразличие к его памяти и к его произведениям – преступление): «Дул, как всегда, октябрь ветрами. ...Рельсы по мосту вызмеив, гонку свою продолжали трамы уже – при социализме» [3].

Сегодня основным нашим союзником в текущей войне с Западом является государство, опирающееся в своей основе на марксизм-ленинизм. Для понимания идей Си Цзиньпина обратимся к статье в «Жэньмин Жибао» за авторством заместителя директора Партийной школы ЦК Коммунистической партии Китая (КПК) Цзя Гаоцзяна. Мы приведем основные выдержки из статьи, формулирующие указания Си Цзиньпина в части укрепления основ государственности единого Китая:

1. «Партия должна всегда придерживаться марксизма как основной руководящей идеи, как духовного флага партии в объединенном движении всей партии, как мощного идейного оружия перестроения объективного и субъектного мира. Для поддержания и развития прогрессивности в теориях партии необходимо уделять внимание изучению и уметь хорошо учиться».

2. «При изучении теории марксизма руководящие кадры сначала должны исследовать новейшие достижения китаизации марксизма, учиться и овладевать теоретической системой социализма с китайской спецификой. Одновременно должны увидеть, что теоретическая система социализма с китайской спецификой передаётся по одной линии с марксизмом-ленинизмом и идеями Мао Цзэдуна».

3. «Марксизм не догма, только правильное применение практики и непрерывное развитие на практике дает сильную жизнеспособность».

4. «Основные принципы марксизма являются всеобщей истиной, они имеют вечные идейные ценности. Но писатели марксизма не исчерпают правду, а непрерывно открывают дорогу для поиска и развития правды».

5. «Непрерывно открыть новые пределы китаизации марксизма, чтобы марксизм современного Китая излучал еще более яркий свет истины».

Однако нас заинтересовали особые выводы в области роли и места философии, где аргументируется, что в марксизме основой является философия: «В трех составных частях марксизма философия является основой. Овладение марксистской философией является важным предварительным условием овладения целостной научной системой марксизма». Он также отметил с точки зрения исторического опыта партии: «Со времен образования нашей партии она начала уделять внимание строительству партии идеологически, в том числе очень важным пунктом является воспитание и вооружение всей партии марксистской философией. Учиться философии, применять ее – это хорошая традиция нашей партии» [4].

КПК внимательно изучает опыт реставрации капитализма в СССР. А в России нового демократического выбора внимательно изучают опыт КНР в области политического и хозяйственного строительства. Так, создана первая за пределами Китая лаборатория изучения теоретического наследия Си Цзиньпина. В нашей стране выявление причин реставрации капитализма в СССР позволяет выработать научную социологическую программу, учитывающую негативный опыт, чтобы впредь обезопасить коммунистическую революцию от подобных поражений и тем самым скорректировать теорию построения коммунизма в целом, реабилитировать коммунистов перед

народными массами и начать складывание партии нового типа. Как полагает А. А. Редин, последний вопрос является предметом теории научного централизма [5].

Если вспомнить 40–50 гг., то Председатель Мао различал противоречия между нами и врагами и противоречия внутри народа. На основании этого он критиковал И. В. Сталина, который-де путал противоречия. Но противоречия фиксировались внутри какого народа, если заговорщики как враги народа пошли на сговор с иностранными империалистическими разведками и превратились в банду террористов, разведчиков, убийц и преступников. Тем более что противоречия внутри народа используются для разрушения единства народу, и тут не надо идти глубоко в историю – Венгерские события 1956 г., можно вспомнить Сянган 2019 г. Что касается поправки И. В. Сталиным демократического социализма, то только в новом столетии стало понятно: И. В. Сталин и В. И. Ленин были научными централистами, то есть были ориентированы на поднятие активности партийных масс и укрепление единства партии. На первом месте пролетарское единство партии, а не выборы и голосование и иные приметы буржуазной демократии. И принцип подчинения меньшинства большинству опровергается историческими фактами, когда большинство было неправо.

Получается, что вся эта теория «культы личности И. В. Сталина» «представляет собой наиболее концентрированное выражение троцкизма. Ни Мао Цзэдун, ни КПК так и не поняли, что Сталин, как и Ленин, был научным централистом, проводил научный централизм в партии, поэтому партийная демократия в их понимании – это «поднятие активности партийных масс и укрепление единства партии, укрепление сознательной пролетарской дисциплины в партии» [6]. В противном случае под предлогом борьбы с культом личности легко захватить и перехватить власть в обезглавленной организации. Тут нет ничего нового в истории международного коммунистического движения.

Во время Первого Интернационала М. А. Бакунин, объявив себя учеником К. Маркса, затем, когда его попытки захватить руководство организацией оказались неудачными, обрушился на культ личности К. Маркса, который, как «немец и еврей», весь «с ног до головы властен» и диктатор. Во Втором Интернационале ренегат К. Каут-

ский использовал этот прием в борьбе с В. И. Лениным, называя его «богом монотеистов», при котором марксизм был снижен до уровня государственной религии и средневекового суеверия. При Третьем Интернационале ренегат Л. Д. Троцкий использовал аналогичный прием, чтобы обрушиться на И. В. Сталина, говоря, что он был деспотом и насаждал подлый культ вождя, придавая вождю святость. Хрущевцы обвиняли И. В. Сталина в абсолютной личной власти и развернули борьбу КПСС против культа личности. Это прекрасно понимал Мао Цзэдун, но он сам поверил обвинениям в культе личности, хотя и лично был прав в критике хрущевщины. Однако он не понял, что хрущевская концепция культа личности была вкраплением троцкизма и ревизионизма в тело марксизма.

Во второй статье «К вопросу о Сталине» Мао Цзэдун по поводу открытого письма ЦК КПСС 13 сентября 1963 г. громил хрущевское окружение за огульное разоблачение «культа личности». То, что мы пересказали, в тексте выглядит так: «Во времена I Интернационала интриган Бакунин использовал подобный лозунг для того, чтобы обрушиться с руганью на К. Маркса. Вначале этот интриган, чтобы втереться в доверие к К. Марксу, писал ему: «Я твой ученик, и я горжусь этим». Но впоследствии, когда попытки Бакунина прибрать к своим рукам руководство I Интернационалом потерпели крах, он обрушился с руганью на К. Маркса, говоря, что «как немец и еврей, он с ног до головы властен», что он «диктатор».

Во времена II Интернационала ренегат Каутский тоже использовал подобный лозунг, чтобы обрушиться с руганью на В. И. Ленина. Каутский называл Ленина «богом монотеистов», он говорил, что при В. И. Ленине «марксизм был снижен до положения не только государственной религии, но и средневекового или восточного суеверия».

Во времена III Интернационала ренегат Троцкий также использовал подобный лозунг, чтобы обрушиться с руганью на И. В. Сталина. Он говорил, что Сталин был «деспотом», что «бюрократ Сталин насаждал подлый культ вождя, придавая вождю святость».

Титовская клика современных ревизионистов тоже использовала подобный лозунг, чтобы поносить И. В. Сталина, называя его «диктатором» в «системе абсолютной личной власти» [7].

Статья размещена на сайте известной и теоретически подкованной М. В. Поповым Рабочей партии России. Вторая статья китайского

руководителя начинается словами: «Вопрос о Сталине – это большой вопрос, вопрос мирового значения. Он вызвал отклики среди всех классов во всех странах мира, и по нему до сих пор высказываются всевозможные суждения. Разные классы, различные политические партии и группы, представляющие эти классы, придерживаются разного мнения. По-видимому, в настоящем веке все же невозможно будет сделать окончательные выводы по этому вопросу. Однако среди международного рабочего класса и революционных народов большинство людей по существу придерживается одинакового мнения. Они не согласны с полным и огульным отрицанием Сталина, более того, они со все большей теплотой вспоминают о нем» [7].

Что касается смешивания противоречий, то это звучит как вторичная ошибка И. В. Сталина, которая создавала «известный ущерб»: «По ряду вопросов Сталин в методе мышления отклонялся от диалектического материализма, впадал в метафизику и субъективизм, и, следовательно, он иногда отрывался от объективной действительности, отрывался от масс. В ходе борьбы внутри и вне партии Сталин иногда в некоторых вопросах смешивал два различных по своему характеру вида противоречий – противоречия между врагами и нами и противоречия внутри народа, смешивал различные методы разрешения этих двух видов противоречий. В ходе проводившейся под руководством Сталина борьбы по искоренению контрреволюции были справедливо наказаны многие контрреволюционеры, которых нужно было наказать, но вместе с тем были ошибочно осуждены и невинные люди, таким образом в 1937 и 1938 годах были допущены ошибки – перегибы в борьбе с контрреволюцией. В партийной и государственной жизни Сталин не в полной мере проводил или частично нарушал пролетарский принцип демократического централизма. Он допускал некоторые ошибки и в отношениях с братскими партиями и братскими странами. В международном коммунистическом движении он давал также некоторые ошибочные советы. Все эти ошибки нанесли известный ущерб Советскому Союзу и международному коммунистическому движению» [7].

И далее: «Что же касается ошибок Сталина, которые занимают всего лишь второстепенное место в его деятельности, то они должны служить историческим уроком и предостерегать советских коммунистов и коммунистов других стран, чтобы они не повторяли подобных

ошибок или допускали меньше ошибок. И это принесло бы пользу. Как положительный, так и отрицательный исторический опыт, если только он правильно, без всяких искажений, обобщён в соответствии с исторической действительностью, является полезным для всех коммунистов» [7].

На этом фоне отношение Н. С. Хрущева к социализму и его истории требует осуждения: «А как же относятся к Сталину товарищ Хрущев и некоторые другие руководители КПСС начиная с XX съезда КПСС?

Вместо того чтобы дать исторический, научный и всесторонний анализ жизни и деятельности Сталина, они отрицают все и вся, не отличая правду от неправды.

Вместо того чтобы отнести к Сталину как к товарищу, они относятся к нему как к врагу.

Вместо того чтобы обобщить опыт и извлечь уроки путем критики и самокритики, они сваливают все ошибки на Сталина или же приписывают ему произвольно сфабрикованные ими так называемые „ошибки“.

Вместо того чтобы приводить факты и доводы, они занимаются демагогией и подстрекательством, обрушиваются с личными нападениями на Сталина.

Проклиная Сталина, Хрущев называет его „убийцей“, „уголовником“, „бандитом“, „игроком“, „деспотом типа Ивана Грозного“, „самым большим диктатором в истории России“, „дураком“, „идиотом“ и т. д. и т. п. Вынужденные упомянуть здесь эти грязные, низкопробные и злобные ругательства, мы прямо-таки боимся замарать свою бумагу.

Проклиная Сталина, Хрущев называет его „самым большим диктатором в истории России“. Разве это не равносильно утверждению о том, что советский народ в течение долгих 30 лет жил не в условиях социалистического строя, а при „тирании“ „самого большого диктатора в истории России“? С такой клеветой никогда не согласится великий советский народ и революционные народы всего мира!» [7].

Далее идут блестящие сравнения и выводы: «Проклиная Сталина, Хрущев называет его „идиотом“. Разве это не равносильно утверждению о том, что Верховным Главнокомандующим великой Советской Армией, одержавшей победу в антифашистской войне, был какой-то

„идиот“? С такой клеветой никогда не согласятся воины славной Советской Армии и борцы-антифашисты всего мира!

Проклиная Сталина, Хрущев называет его „убийцей“. Разве это не равносильно утверждению о том, что международное коммунистическое движение в течение десятилетий признавало своим учителем какого-то „убийцу“? С такой клеветой никогда не согласятся коммунисты всего мира, в том числе и советские коммунисты!

Проклиная Сталина, Хрущев называет его „игроком“. Разве это не равносильно утверждению о том, что революционные народы мира признавали какого-то „игрока“ своим знаменосцем в борьбе против империализма и реакции? С такой клеветой никогда не согласятся революционные народы всего мира, в том числе и советский народ!

Посылая проклятия в адрес Сталина, Хрущев тем самым наносит величайшее оскорбление великому советскому народу и Коммунистической партии Советского Союза, величайшее оскорбление Советской Армии, величайшее оскорбление диктатуре пролетариата и социалистическому строю, величайшее оскорбление международному коммунистическому движению и революционным народам всего мира, величайшее оскорбление марксизму-ленинизму.

На какое же место ставит себя Хрущев, который в период руководства Сталина принимал участие в партийном и государственном руководстве и который теперь, бия себя в грудь или стуча кулаком по столу, хриплым голосом поносит Сталина? На место ли сообщника „убийцы“ и „бандита“ или же на место тех, кто подобен „дураку“ и „идиоту“?

Чем же отличаются проклятия Хрущева в адрес Сталина от проклятий, которые шлют в адрес Сталина империалисты, реакционеры различных стран и ренегаты коммунизма? Откуда такая лютая ненависть к Сталину? Почему на него обрушиваются еще более злобно, чем на врагов?

Выступая против Сталина, Хрущев фактически выступает с бешеной яростью против советского строя, против советского государства. В этом отношении его злопыхательство несколько не уступает по языку таким ренегатам, как Каутский, Троцкий, Тито, Джилас, и даже намного превосходит их» [7].

И в конце статьи в ответ на письмо ЦК КПСС задается базовый вопрос и раскрываются ответы: «Какую же цель на самом деле пресле-

дует так называемая «борьба против культа личности», развернутая руководством КПСС?

Говоря без обиняков, она состоит в том, чтобы:

- под предлогом так называемой „борьбы против культа личности“ противопоставить партии, пролетариату и народным массам вождя партии – Сталина;
- под предлогом так называемой „борьбы против культа личности“ опорочить пролетарскую партию, опорочить диктатуру пролетариата, опорочить социалистический строй;
- под предлогом так называемой „борьбы против культа личности“ возвысить себя, нанести удар по преданным марксизму-ленинизму революционерам, проложить путь ревизионистам-интриганам к захвату руководства в партии и государстве;
- под предлогом так называемой „борьбы против культа личности“ вмешиваться во внутренние дела братских партий и братских стран, ниспровергать по своему усмотрению руководство в братских партиях и братских странах;
- под предлогом так называемой „борьбы против культа личности“ нанести удар по братским партиям, отстаивающим марксизм-ленинизм, и внести раскол в международное коммунистическое движение.

Поднятая Хрущевым так называемая „борьба против культа личности“ есть гнусная политическая интрига. Про такого человека можно сказать словами Маркса: „...если он в теоретическом отношении нуль, то как интриган – он в своей стихии“.

Статья завершается наивным обращением к Н. С. Хрущеву. Но разве можно обращаться к тому, что принял эстафету ревизионизма? В статье в итоге сказанного заключается: „Отсюда видно, что так называемая ‘борьба против культа личности’, поднятая руководством КПСС, была принята им по эстафете у Бакунина, Каутского, Троцкого и Тито, которые использовали этот лозунг для борьбы против вождей пролетариата, для подрыва революционного движения пролетариата“.

Обращение к первому секретарю ЦК КПСС звучит достаточно странно: „Мы обращаемся к товарищу Хрущеву с искренним советом и пожеланием: осознайте свои заблуждения, вернитесь с совершенно ошибочного пути на путь марксизма-ленинизма. Да здравствует

великое революционное учение Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина“. Объективно, история в новом столетии поставила вопрос о новом социализме как завершении предыстории человечества.

Логика мировой истории свидетельствует о спиралевидном развитии и модели прогрессивного повторения по диалектическому закону отрицания отрицания. Академик РАН, государственный деятель и ведущий экономист России, советник президента РФ С. Ю. Глазьев пишет об этом следующее итоговое замечание: „Логика мировой истории подтверждает спиралевидную форму социально-экономического развития, при которой смена привычных признаков государственной политики сопровождается обогащением их содержания и усложнением структуры. Институты нового мирохозяйственного уклада на порядок разнообразнее, сложнее и гибче, чем система управления народнохозяйственным комплексом СССР. В свою очередь, последняя была на порядок сложнее использовавшейся в Российской и тем более в Ордынской империи. Их не стоит романтизировать или облагораживать по сравнению с мрачной средневековой реальностью, в которой систематически применялось насилие для преодоления внутренних распрей с огромным количеством жертв. Но их нельзя и хулить по сравнению с родившейся в Европе либерально-демократической тенденцией, которая в своих предельных формах доходила до торговли людьми, расизма и фашизма. При этом современные представления о рыночной конкуренции с ведущей ролью НТП среди факторов производства на порядок сложнее построений Смита, Рикардо и даже Самюэльсона в его „Экономикс“» [8, с. 594].

Автор справедливо утверждает, что логика истории диалектически отрицает примитивные формы жизни и «состоит в бесконечном движении человеческого общества к все более сложным и разнообразным формам организации, порождающим все новые достижения НТП и социально-экономического развития [8, с. 595]. Это движение направляется диалектикой взаимодействия личных и общественных интересов. И социализм тут лучшее решение. Социализм в его шестой исторической ступени – социализм XXI века.

Поскольку социализм неразрывно связан с его теорией – марксизмом, следует сказать несколько слов о критиках марксизма и теоретиках его устарелости. Так, яркий критик перестроечной запад-

нической идеологии М. Ф. Антонов предложил перейти к традиционным русским народным ценностям и отказаться как от марксизма и социализма, так и от либерализма, понимая эти оба направления мысли как западничество. На своем персональном сайте в разделе «Немного о себе» он пояснил: «В условиях, когда усилиями «пятой колонны» перед страной был поставлен якобы неизбежный выбор между принятием западных ценностей и возвратом к прошлому, Антонов выступил со статьей «Выход есть!», в которой показал тупиковый характер обоих предлагавшихся путей и призвал поставить во главу угла традиционные духовно-нравственные ценности Русского Народа, нашедшие выражение в трудах наших религиозных подвижников и патриотически настроенных деятелей отечественной культуры. Попутно он обличил ведущих ученых-экономистов (А. Аганбегяна, Т. Заславской, Л. Абалкина и др.) и других «темных людей с высшим образованием», растлевающих народ. На примере «закона Шмелева» («что экономически эффективно, то и нравственно») он раскрыл типичные методы подмены ценностей, практиковавшиеся идеологами либеральных реформ» [9].

Тут же автор подчеркнул, что полагает устарелым марксизм и всю его структуру: «Антонов показал устарелость понимания «трех источников и трех составных частей марксизма». В частности, марксова формулировка основного вопроса философии («что первично – дух или материя» и «познаваем ли мир человеком») в современных условиях – разновидность схоластики. Отбросив религиозные заповеди, марксизм должен был выработать им замену, ибо люди не могут жить в этической пустоте. Однако это не было сделано – и не могло быть сделано в принятой у нас системе философии. Сегодня необходимо нацелить науку на решение вопроса о том, что такое человек, каково его место в мироздании, каков смысл его жизни и в чем его призвание. В итоге надо получить ответ на вопрос, как правильно жить и что делать, чтобы спасти человечество и всё живое на Земле от экологической катастрофы и других бесчеловечных деяний заблудившегося рода людского» [9]. Тональность космического и экологического подходов маскирует симпатии к капиталистическому производству и к пониманию капитализма как удобного конца истории.

Далее автор-экономист (!) наивно пишет: «Понимание экономики как науки о производственных отношениях, как бы внешних по от-

ношению к человеку, также устарело. Закон стоимости не был навязан властью, он отразил сущность человека-эгоиста, конкурирующего с другими людьми. Экономика должна стать наукой о человеке, о путях его становления как личности, осознающей свое призвание, живущего в соответствии с ним и соответственно преобразующего окружающий мир.

Социализм научный, как и его предшественник – французский утопический социализм – это в основном учение о том, как надо изменять обстоятельства, общественный строй, чтобы через это воспитать совершенного человека. Но он не разрабатывал путей воспитания совершенного человека, а несовершенным людям не под силу создать совершенное общество» [9].

Марксизм громится тут как плод западного рационализма и атеизма и ему противопоставляются ценности традиционной русской культуры. Эти позиции еще были свежи в момент заката перестройки, и автор был ее первым серьезным критиком с позиций славянофильства. Его книга «Ложные маяки и вечные истины» 1991 г. вышла из печати летом – еще до ГКЧП и развала СССР и, если бы не эти трагические события главы стала бы предметом серьезного обсуждения в обществоведческой мысли страны. Но, увы, провозглашенные главы «Запад и Восток: два способа мышления», «Запад и Восток: образ жизни и идеалы», «От И. Канта до Л. Фейербаха: первый источник марксизма», «От А. Смита до Д. Рикардо: второй источник марксизма», «От Ш. Фурье до Р. Оуэна: третий источник марксизма», «Какой же получился синтез?», «Нужна ли нам Коммунистическая партия?», «От перестройки к преобразению. России быть вечно» [10, с. 303] не были замечены, поскольку их содержание моментально стало концептуальной сущностью победившего в стране либерализма.

Третий путь не состоялся, поскольку на этом пути критика социализма и марксизма вела строго к западничеству и либерализму: «Словом, какой бы из трех источников марксизма мы ни взяли, он оказывается не квинтэссенцией всей культуры человечества, а преимущественно плодом западноевропейской культурной традиции, даже, точнее говоря, одной ее атеистическо-рационалистической ветви». Нужно расширить круг источников общественной науки, прежде всего за счет ценностей русской культуры, в том числе духовной ее составляющей, ввести в науку человека, выработать понимание того,

что жизнь – явление не только земное, но и космическое, а потому каждый должен относиться к жизни с сознанием ответственности за все происходящее на планете» [9].

Но что бы ни говорили и писали о К. Марксе, его учении и историческом деле 30 лет назад и сегодня, лишь подтверждаются пророческие слова Ф. Энгельса, произнесенные им на могиле великого друга: «И имя его и дело переживут века!» [11, с. 352].

Организатор многих марксистских конференций и конгрессов Д. В. Джохадзе так описал отношение марксистов к критикам их учения: «Мы же – марксисты смотрим вместе с великими Платоном, Гегелем и Марксом на современных софистов, теоретический уровень которых неимоверно ниже софистов античных, как на комедиантов и шутов при дворе истории, ведущих ржавыми саблями беспредметное „словесное фехтование“, о которых, однажды говоря о „Вольтере классической древности“ – Лукиане, Маркс писал: „История действует основательно и проходит через множество фазисов, когда уносит в могилу устаревшую форму жизни. Последний фазис всемирно-исторической формы есть ее комедия. Богам Греции, которые были уже раз – в трагической форме смертельно ранены в ‘Прикованном Прометее’ Эхила, пришлось еще раз – в комической форме – умереть в ‘Беседах’ Лукиана. Почему таков ход истории? Это нужно для того, чтобы человечество весело расставалось со своим прошлым“ (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 1. С. 418). Капитализм как в России, так и других странах СНГ, будучи однажды смертельно ранен Великой Октябрьской революцией, в постсоветское время ему, вероятно, придется еще раз умереть в комической форме» [12, с. 16–17].

И еще замечание о единстве марксизма и ленинизма. Как пишет Д. В. Джохадзе: «Противники марксизма-ленинизма всячески стараются, чтобы обосновать тезис об автоматическом действии законов общественного развития с тем, чтобы провести потом свое контрположение о том, что якобы Ленин «заменял исторический детерминизм Маркса революционным активизмом и произвел субъективистскую модификацию марксистской теории». Также не выдерживает никакой критики более чем шаткая «позиция» тех же «стыдливых марксистов», требующих устранить слово «ленинизм» из цельного определения «марксизм-ленинизм». На основе этих и множества других противопоставлений Ленина с Марксом Ленинизм обвиняет-

ся в «грандиозном отступлении от коренных принципов марксизма» и т. д. и т. п. Подобное частичное, так сказать, социал-демократическое дозированное «признание» марксизма с тем, чтобы развенчать Ленина, есть не что иное, как софистический прием для дальнейшего отрицания марксизма как уже безнадежно устаревшего учения. Между тем, текстуально-концептуальный анализ трудов классиков марксизма, не говоря уже об анализе временно-пространственном и социально-историческом, свидетельствует то, что Ленин творчески развил марксизм в условиях проявления и изучения новых закономерностей общественного развития. Противопоставления Ленинизма марксизму имеет классовый и политический смысл» [12, с. 23].

Автор завершает свои рассуждения к двухтомнику к юбилею К. Маркса словами, с которыми мы полностью согласимся, ибо они научны и исторически подтверждены: «Марксизм-ленинизм, как единое учение, был и остается актуальным пока, на земле будет иметь место социальное расслоение, скопление огромных богатств на одном полюсе и нищета, бесправие, безработица и голод на другом полюсе общества, пока будет существовать основное противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения результатов общественного труда» [12, с. 23–24].

Борьба между коммунистическими партиями в конечном счете получает оправдание или подтверждение общественно-исторической практикой. Люди это понимают и видят. Е. Прокопов пишет о небольшой брошюре: «Забавно, а порой и поучительно-грустно читать старые газеты, брошюры. Витии всегда громки и безапелляционны. Попалась среди бывших актуальных и злободневных материалов мне брошюрка, выпущенная в 500-тысячах экземплярах добавок к самой газете «Правда», к ее многомиллионному тиражу.

Название лапидарно-суровое: «Лжереволюционеры без маски». Стиль назидательно-критический. «Антиленинский курс, отравленное оружие клеветы, ставка на консервацию отсталости, великодержавно-гегемонистские устремления, порочные ошибки, изворотливость и коварство» – эти и подобные им перлы агитпроповской пропаганды так и сыпались на наши головы. Поневоле верили мы. Тревожились за китайцев. Ан нет! Летели годы. От СССР остались воспоминания. Предательство верхушки советских коммунистов привело страну к краху. Практика – критерий истины. Этот фило-

софский постулат, кажется, неоспорим. Время показало, кто был прав в том давнем споре, показало, кто догматик и кто ревизионист, кто предал коммунистические идеалы, а кто творчески претворяет их в действительность. Преподали урок китайские коммунисты нашим отступникам» [13].

У автора книги эта брошюра также в руках. Хорошо смеется тот, кто смеется последним, и когда мы видим перечисление прегрешений Мао, то через половину столетия это вызывает улыбку. Авторы статьи в «Правде» сообщают, что «от конфуцианства Мао воспринял... от мелкобуржуазных учений... от буржуазно-националистических течений... от троцкистов...» и т. п. [14, с. 19]. Однако авторы не учли, что неоднократная смена руководства КПК привело к радикальному изменению партии, построившей социализм, а изменения в руководстве КПСС дали гибель партии и построенного в боях социализма. Оказывается, главным был призыв Мао Цзэдуна «никогда не забывать о классовой борьбе».

А. Зотин в «Коммерсанте» сообщал: «Мао Цзэдун призывал никогда не забывать о классовой борьбе. При Си Цзиньпине, которого часто сравнивают с председателем Мао, китайцы стесняются употреблять слово „класс“, не говоря уже о „борьбе“. Что не мешает им друг друга по классам распределять. Каждый знакомый с китайским интернетом знает, что люди делятся, кроме прочего, на *diaosi* (буквально – „мужские лобковые волосы“), то есть на мужчин с „тройным отсутствием“ – без квартиры, машины и сбережений, и на их противоположность *gao fu shuai* („высокий, богатый, красивый“). Разрыв между этими двумя группами только увеличивается» [15]. Это говорит о том, что история бесконечна и возможны круговороты и повороты. То, что случилось в КНР после 1989 г., можно понять как китайский вариант советского нэпа, только не свернутого в 1929 г. Предыстория человечества с гибелью капитализма завершается. Подлинная история начинается, и она связана с коллективным выходом человечества в космос. Это понимают наивные стихийные российские патриоты.

Так, актер И. Охлобыстин отмечает в своих заметках после гибели станции «Луна-25»: «И Луну, рано или поздно, колонизируем, и Марс от нас никуда не денется. У нас выхода нет. Нас уже 8 миллиардов. Буржуины головы себе сломали: как от 7 лишних миллиардов избавиться? Война, они поняли – не выход. В нужных масштабах вой-

на всех затронет. Пандемия вообще не проканала. Остался космос. Сейчас весь мир вновь устремит взоры к звездному небу. А мы первые шагнули в него, и этого не изменить. Россияне – коренные жители космоса. По земным законам» [16].

Список использованных источников

1. Тернер, Р. На какой качественный рост мы можем рассчитывать в США? – URL: <https://colonelcassad.livejournal.com/8119020.html> (дата обращения: 09.07.2023). – Текст: электронный.
2. XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 2–13 июля 1990 г.: стеногр. отчет. – Москва: ИПЛ, 1991. – Т. 1. – 639 с. – Текст: непосредственный.
3. Маяковский, В. В. Хорошо! / В. В. Маяковский. – URL: <https://www.culture.ru/poems/21383/khorosho> (дата обращения: 09.07.2023). – Текст: электронный.
4. Как следует усиливать пропаганду, учебу и изучение теории марксизма. – URL: https://prorivists.org/inf_marxism_in_china_gaojiangxiang/ (дата обращения: 09.07.2023). – Текст: электронный.
5. Редин А. А. Причины реставрации капитализма в СССР. – URL: https://prorivists.org/reason_of_counterrevolution (дата обращения: 09.07.2023). – Текст: электронный.
6. Мао Цзэдун об «ошибках» Сталина. – URL: <https://colonelcassad.livejournal.com> (дата обращения: 09.07.2023). – Текст: электронный.
7. К вопросу о Сталине. Мао Цзэдун. – URL: <https://www.r-p-w.ru/k-voprosu-o-staline.html> (дата обращения: 09.07.2023). – Текст: электронный.
8. Глазьев С. Ю. За горизонтом конца истории / С. Ю. Глазьев. – Москва: Проспект, 2021. – 639 с. – Текст: непосредственный.
9. Антонов, М. Ф. Немного о себе / М. Ф. Антонов. – URL: <http://m-antonow2011.narod.ru/index/o-63> (дата обращения: 09.07.2023). – Текст: электронный.
10. Антонов, М. Ф. Ложные маяки и вечные истины. Пути выхода страны из кризиса и русская общественная мысль / М. Ф. Антонов. – Москва: Современник, 1991. – 303 с. – Текст: непосредственный.
11. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 19. – Москва: ГИПЛ, 1961. – 703 с. – Текст: непосредственный.
12. Джохадзе, Д. В. Прощания с Марксом и аутентичным марксизмом не произошло / Д. В. Джохадзе // Учение Маркса. XXI век: Марксизм и современность. Мировой финансовый кризис. (К 190-летию со дня рождения). – Москва: КРАСАНД, 2010. – 376 с. – Текст: непосредственный.
13. Прокопов, Е. Преподали урок. – URL: <https://proza.ru/2023/04/02/349?ysclid=llgyqjniid468379179> (дата обращения: 15.07.2023). – Текст: электронный.

Заключение

14. Лжереволюционеры без маски: (Редакц. статья, опубли. в газ. «Правда», от 18 мая 1970 г.). – Москва: Правда, 1970. – 23 с. – Текст: непосредственный.

15. Жертвы сексуального неравенства. В Китае образовался новый класс потенциальных бунтарей. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3379569> (дата обращения: 15.07.2023). – Текст: электронный.

16. Охлобыстин, И. Даешь «Луну-26»! Сейчас весь мир вновь устремит взоры к звездному небу / И. Охлобыстин. – URL: https://zavtra.ru/blogs/dayosh_-_lunu_26 (дата обращения: 15.07.2023). – Текст: электронный.

Научное издание

НЕКРАСОВ СТАНИСЛАВ НИКОЛАЕВИЧ

СОЦИАЛИЗМ И РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

МОНОГРАФИЯ

Редактор *А. В. Ерофеева*
Дизайнер-верстальщик *А. Ю. Тюменцева*

На обложке использовано изображение из открытых источников

Подписано в печать 16.08.2024. Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Alegreya, Alegreya Sans, Fira Sans.
Усл. печ. л. 13,48. Тираж 500 экз. Заказ 16/08

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Уральский государственный аграрный университет». 620075, Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, 42

Отпечатано в Издательском доме «Ажур»
620075, Екатеринбург, ул. Восточная, 54. Тел.: +7 (343) 350-78-28, +7 (343) 350-78-49. Эл. почта: azhur.ek@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении
высшего образования «Уральский государственный аграрный университет».
620075, Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, 42